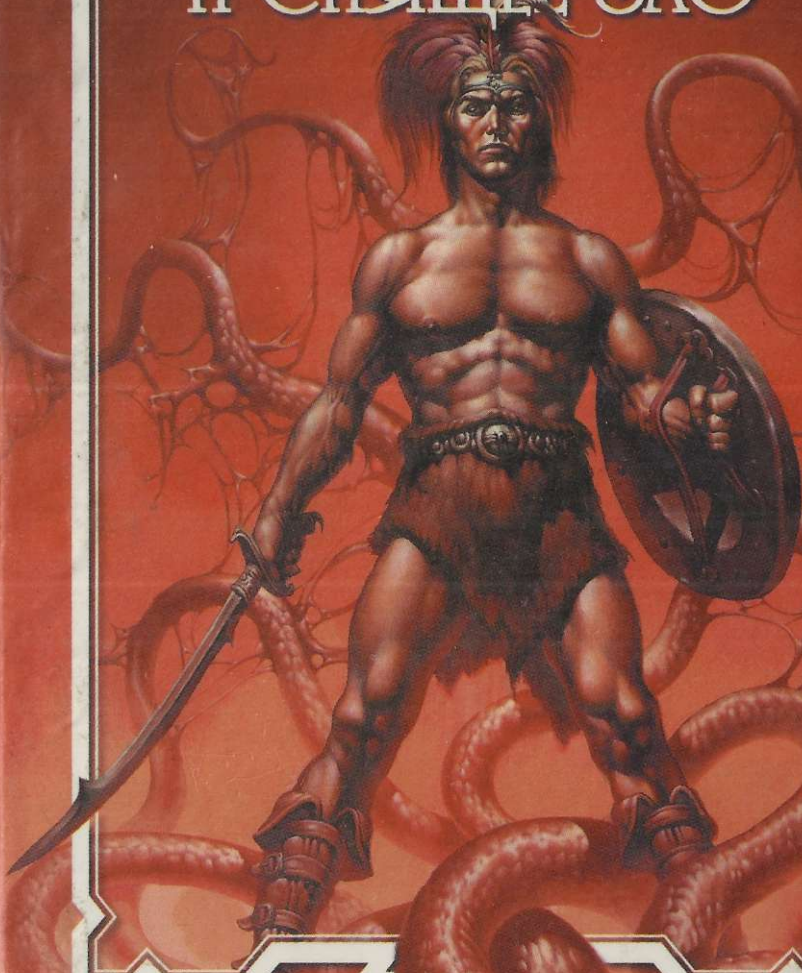

8 КИТАИ

КОНАН И СПЯЩЕЕ ЗЛО

САГА О КОНАНЕ

КОНАН
И ЧЕТЫРЕ
СТИХИИ

1

КОНАН
И БОГИ
ТЪМЫ

2

КОНАН
И МЕЧ
КОЛДУНА

3

КОНАН
БРОСАЕТ
ВЫЗОВ

4

КОНАН
И ПОВЕЛИТЕЛЬ
ПЕЩЕР

5

КОНАН
И ПЕСНЯ
СНЕГОВ

6

КОНАН
И НЕБЕСНАЯ
СЕКИРА

7

КОНАН
НА ДОРОГЕ
КОРОЛЕЙ

8

КОНАН
ПРИНИМАЕТ
ВОЙ

9

КОНАН
И КАРУСЕЛЬ
БОГОВ

10

КОНАН
И ДАР
МИТРЫ

11

КОНАН
И НОЧНЫЕ
КАИНКИ

12

КОНАН
И ГРОТ
ДАЙОМЫ

13

КОНАН
И ЗЕРКАЛО
ГРЕДУЩЕГО

14

КОНАН
И ВРЕМЯ
ЖАЛЯЩИХ
СТРЕЛ

15

КОНАН
И ПСЫ
ВОЙНЫ
(НЕ ИЗДАНО)

16

КОНАН
И ТАЛИСМАН
ЗЛА
(НЕ ИЗДАНО)

17

КОНАН
И БИЧ
НЕРТАЛА

18

КОНАН
И ГОРОДА
ПЛЕННЫХ
ДУШ

19

КОНАН
И ИСТОЧНИК
СУДЕБ

20

КОНАН
И СЕРДЦЕ
АРИМАНА

21

КОНАН
И БАГРОВОЕ
ОКО

22

КОНАН
И ПРИЗРАКИ
ПРОШЛОГО

23

КОНАН
И ВОИНСТВО
МРАКА

24

КОНАН
ВАРВАР ИЗ
КИММЕРИИ

25

КОНАН
И РЫЖИЙ
ЯСТРЕБ

26

КОНАН
И ПЛЕННИКИ
БЕЗДНЫ

27

КОНАН
И ЗАГОВОР
ТЕНЕЙ

28

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ !

Наш мир стремительно меняется:
приходят и уходят правительства,
наступают кризисы, создаются и
распадаются издательства –
но герои любимых сериалов
всегда с Вами!

Теперь книги о **Конане-варваре**, короле
Кулле и **Рыжей Соне** будет выпускать
издательство "**Северо-Запад Пресс**".

Вас ждут встречи с новыми романами
Майкла Мэнсона, Олафа Локннга,
Мориса Делеза, Кристофера Гранта,
Натали О'Найт, и многих других,
кто писал о хайборийском мире!

В ближайших томах Вы увидите
переработанную и дополненную карту
Хайбории, которую давно ждали наши
читатели, новые выпуски

"**Путеводителя**" и материалы ведущих
специалистов по Хайбории. Со
следующего тома мы начинаем

публиковать новости "**Виртуального**
Конан-клуба" – самую свежую
информацию о новинках в сети

Интернет, на сайтах, посвященных
Вашим любимым героям.

С 2000 года "**Северо-Запад Пресс**"
открывает собственную страницу в
Интернете, где Вы сможете узнать все
новости и планы издательства, – надеемся,
Вы станете ее частыми гостями!

Сменяются века и тысячелетия...

HYBORIA FOREVER !

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
К 64

*Серия основана в 1992 году.
Серийное оформление Дмитрия Вяземского.*

*Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее
части, в любой форме, в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона будут преследоваться
в судебном порядке.*

К 64 Конан и спящее зло: Романы.— СПб.,
«Северо-Запад Пресс», 2000.— 432 с.

ISBN 5-93698-001-4

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

© В.Асадуллин, обложка, 1999
© Д. Вяземский, серийное
оформление, 1999
© С.Шикин, оборот, 1997
© «Северо-Запад Пресс», составление
и подготовка текста, 1999

ISBN 5-93698-001-4

Нервные лучи ласкового утреннего солнца пробежали по лицу юноши, который, казалось, спал крепким сном. Он тут же открыл глаза, потянулся и, еще не понимая толком, что произошло, уставился на мешок, заменявший ему подушку; потом медленно провел рукой по щеке. Вода! Он резко рванул завязки. Так и есть! Вчера после длинного дневного перехода он завалился спать, не проверив, прочно ли заткнута фляжка с водой, и вот поплатился за свое легкомыслие: теперь на самом дне сосуда плескались скудные остатки влаги.

Вокруг, насколько хватал глаз, простиралась бескрайняя степь. День обещал быть жарким и безветренным, путь предстоял неблизкий, а пополнить запасы воды негде. Юноша ненадолго задумался, затем расправил широкие плечи, еще раз с хрустом потянулся и махнул рукой. Он был полон сил, привык полагаться только на себя и верил в удачу. Боги уже не раз посылали ему

жесточайшие испытания, и до сих пор он выигрывал все поединки с судьбой. Варвар, сын суровой Киммерии, быстро учился извлекать уроки из всего, что случалось с ним.

Недолгое время минуло с той поры, как ему, невольнику, пришлось сражаться на гладиаторской арене Халогии; там, в гиперборейской столице, он овладел воинским искусством. Затем бежал и добыл меч в схватке с мумией в заброшенном склепе, и теперь ни на миг не расставался с ним. Покосившись на свое оружие, он ласково погладил ножны из шероховатой кожи ядовитой рептилии, с которой расправился недавно в отчаянном поединке. То был подарок друга, жреца Сенгха, из Суддах-Облата, монастыря воинов, погибшего от руки подлого убийцы. В обители киммерийца учили сражаться на палках и шестах. Эти навыки не раз потом спасали ему жизнь; его не смогли одолеть ни Нэг Ужасный со своими слугами-зомби, ни колдун Катамаи Рей, ни ведьма Чунта.

Память о тех приключениях заставила вспыхнуть глаза киммерийца. Он, одержавший столько блистательных побед, не побоится бросить вызов степи! И ничто не остановит его на дороге к цели! Целью был Шадизар — город воров, шумных базаров и доступных женщин, — манивший его сказочным своим великолепием. Кром! Он непременно доберется туда! И стоило ли думать сейчас о грозившей ему жажде? Он и не думал; наскоро перекусил сухарями да вяленным мясом, а потом затянул тощий дорожный мешок, поправил пояс с ножнами и решительно тронулся в путь.

Солнце уже поднялось довольно высоко, и его лучи нещадно жгли кожу; пот ручейками бежал по лицу, плечам, спине. Длинные черные волосы юноши спутались и намокли, и их жесткие пряди лезли в глаза. Киммериец остановился; вокруг простиралась степь, сухая, однообразная, негостеприимная. Путник достал фляжку, тяжело вздохнул и опрокинул в пересохшее горло остатки воды. Несколько теплых капель не принесли облегчения. Пробурчав под нос проклятие, юноша бросил опустевший сосуд обратно в мешок, все еще надеясь заполнить его водой. Устраивать привал он не захотел и снова зашагал навстречу безрадостному горизонту.

Первый день без воды подошел к концу. Пора было устраиваться на ночлег, даже его молодое и сильное тело нуждалось в отдыхе. Ночь принесла прохладу, и надежда на то, что рано или поздно эта огненная пытка закончится, возродилась снова.

Спал юный варвар плохо, несколько раз пробуждался, облизывал сухие губы, потом усилием воли заставлял себя не думать о воде и опять забывался неглубоким беспокойным сном. В очередной раз его разбудил какой-то едва уловимый шорох. С трудом раскрыв воспаленные глаза, юноша тут же схватился за меч: из серой предрассветной мглы на него уставились две красные точки. Путник замер, выжидая. Неведомая тварь — то ли крупный волк, то ли пантера — рыкнула, потом медленно, словно нехотя, удалилась.

Приближался рассвет, солнце уже окрасило восточный небосклон в нежно-розовые тона: Пора

было отправляться в дорогу, чтобы успеть пройти как можно больше, пока ноги еще слушались хозяина, а руки держали оружие.

Сожженная солнцем степь больше походила на пустыню: ни воды, ни деревьев, в тени которых можно хоть немного передохнуть. Будь киммериец не столь силен и упрям, он давно уже отказался бы от мысли продолжить путь; возможно, не стал бы бороться и за жизнь. Но он все шел и шел. Еще один день выторговал он у богов, потом — второй... Когда пошли четвертые сутки, он уже не мог вспомнить, зачем и куда идет, но упорно продолжал двигаться. Глаза безумно болели, в горле так пересохло, что язык не ворочался во рту. Воздух вокруг путника дрожал, напоминающая своими волнами потревоженную веслом гладь реки...

— Остановись, путник... Ты молод, ты прекрасен... Иди ко мне, я давно тебя жду...

Ласковый, обволакивающий женский голос заставил юношу вздрогнуть и резко обернуться, отчего в висках сильно запульсировала боль. Совсем рядом, едва ли не на расстоянии древка копья, стояла обнаженная девушка с длинными волосами дымчато-пепельного цвета. Она протягивала к юноше руки, звала в свои объятия. Киммериец тряхнул головой, пытаясь отогнать навязчивое, но прекрасная незнакомка не исчезла.

— Что же ты медлишь? Я устала ждать... Иди скорее...

Варвар замер в нерешительности. «Кром! Я схожу с ума! — равнодушно подумал он. — А раз

так, то не все ли равно, что со мною будет?» Он совсем было собрался откликнуться на сладкий зов, как глаза прелестницы сверкнули алым светом, на нежных щеках проступила грязная шерсть, точеная фигура расплылась... Девушка опустилась на четвереньки, и гибкие тонкие руки превратились в лапы хищника с огромными изогнутыми когтями.

Вдруг существо зарычало, обнажив белые острые клыки, потом расхохоталось, будто гиена. Этот жуткий хохот одновременно напоминал и визг, и плач, и стон! Перед изумленным юношей стоял голодный хищник с горящими зрачками, который разбудил его недавно на рассвете. Тварь была не очень крупной. Короткое, словно усеченное, туловище опиралось на сильные мускулистые лапы разной длины: задние были заметно короче передних, и поэтому казалось, что зверь всегда готов к прыжку. Выражение слегка вытянутой морды с крошечными глазками, в которых горел голодный огонь, нельзя было назвать ни смысленным, ни доброжелательным. Однако оборотень не бросился на человека; похоже, несмотря на терзавший его голод, он боялся подойти слишком близко.

Будь у киммерийца хоть капля прежней силы, он, не раздумывая, напал бы первым. Однако ноги подкашивались, а меч вдруг стал таким тяжелым, что варвар не смог бы даже вытянуть его из ножен. Юноша постоял немного, а затем, повернувшись к оборотню спиной, медленно пошел вперед. Ему было все равно, примет ли он

смерть от клыков нечистой твари или солнце и жажда доконают его раньше. Хищник поплелся следом. Он не собирался нападать, выжидая, когда человек уже не сможет идти и станет легкой добычей.

Но зверь напрасно надеялся на скорый ужин; упрямству путника мог бы позавидовать сам Кром, грозный бог, владыка Могильных Курганов. У киммерийца была цель, и пока ноги еще хоть как-то несли его, он продолжал идти, не оглядываясь назад. А если б повернул голову, то увидел, что следом плетутся уже несколько хищников. Голодные звери злобно смотрели друг на друга, время от времени обнажая клыки, но дальше глухого ворчания дело не заходило. Видимо, трусоватые твари не решались помериться силой ни с путником, ни друг с другом. Они ждали.

День медленно угасал; солнце уже не палило так нещадно. Стало прохладней, и это придало киммерийцу энергии. Он был все еще жив и вовсе не собирался стать добычей своих голодных преследователей!

Наконец совсем стемнело. С трудом добравшись до ближайшего невысокого кустарника, путник решил прилечь и немного поспать. Он не боялся зверей-оборотней, но храбрость была тут ни при чем — просто им овладело полное безразличие. И если б голодная стая, идущая за ним по пятам, вновь обратилась в самых соблазнительных женщин, юноша даже не посмотрел бы в их сторону. Он думал только об одном — где же тоненький прозрачный ручеек с обжигающе хо-

лодной влагой, такой чистой, сладкой, невыразимо прекрасной...

Киммериец медленно опустился на сухую траву, бросил под голову свой мешок и мгновенно заснул. Ему снился чудесный сон: широкая полноводная река плавно текла у его ног, волны плескались около берега...

Наступил пятый день с тех пор, как был выпит последний глоток воды. И хотя природа не поскупилась, создавая могучее тело киммерийца, пытка жаждой неумолимо истощала его. Лицо варвара осунулось, глаза ввалились, молодая упругая кожа стала сухой и дряблой, как будто каждый день странствия через безводную степь стоил ему десятка лет жизни. Но яростный дух не желал смириться с немощью тела и гнал путника все вперед и вперед, через спаленное зноем безжизненное пространство. Он отказывался принять нелепый приговор судьбы, обрекавший его на бесславную гибель. Не для того же Кром раздул в нем искру жизни, чтобы он стал падалью, пищей для стервятников и гиен!

Зрение и слух стали обманывать юношу: то чудились вдалеке голоса людей, то слышался плеск воды, то мерещились зеленые купы деревьев. Вспышки надежды сменялись таким мучительным разочарованием, что как-то, не сдержавшись, путник выхватил меч из ножен и в слепой ярости изрубил чахлый кустарник.

И вот, когда свирепое пламя жизни, казалось, начало гаснуть в изможденном теле, откуда-то издали пришел зов. Он так властно вторгся в

меркнувшее сознание, что юноша вздрогнул всем телом. Непонятно откуда появилась уверенность, крепнущая с каждым мгновением: если он отклонится к восходу солнца, то вскоре мукам придет конец. Эта мысль заслонила все остальное и повлекла его к неведомой цели. Он как бы потерял власть над собственным телом; ноги сами несли его, повинаясь призыву, звеневшему в голове. Но почему-то необоримая уверенность в избавлении от мук не принесла радостного облегчения, а только странное чувство унылой рабской покорности. Где-то в глубине сознания, куда еще не проник зов, теплилась слабая мысль, что он подобен быку, которого гонят на бойню.

Путник даже не заметил, что хищники, следовавшие его, отстали. Он не задумывался, куда и зачем так стремится, сколько времени бредет, спотыкаясь, к загадочной цели, пока чуть не рухнул с кручи вниз, незаметно очутившись на краю обрыва. Он едва не погиб, так как не мог разлепить отяжелевшие воспаленные веки и ковылял, точно слепец. Когда ему удалось открыть глаза, из горла вырвался хрип, жалкая пародия вопля радости.

Перед ним через всю пустынную равнину змеилась глубокая извилистая расщелина. Ее отвесные стены были сложены не из мягких пород, песка или глины, но из выбеленного ветрами и водой прочного камня. Но конечно, не вид голых скал исторг хрип из глотки юноши — он увидел на дне расщелины водоем, который обступили стройные высокие деревья. Сама жизнь была

сверкающей голубой струей из толщи камня и низвергалась в каменную же чашу! Жизнь и спасение!

Едва ворочая языком, путник бормотал невнятные слова благодарности Крому и всем Светлым Богам. Но когда схлынули первые волны опьяняющего восторга, киммериец сообразил, что добраться к воде будет не так-то просто. Нельзя сказать, чтобы спуск по отвесной каменной стене пугал юного горца, с детства лазавшего по скалам, неприступным для жителей равнин, но теперь его могучее тело было изнурено жаждой, и он предчувствовал, что еще не скоро сможет припасть к прохладной влаге озерца.

Не полагаясь больше на силу и цепкость рук, варвар стал разматывать длинный пояс, чтобы использовать его вместо веревки. Он окинул взглядом пространство вокруг, соображая, к чему бы прикрепить конец пояса, но на глаза не попалось ни одного подходящего выступа или камня. Может, вогнать меч поглубже и накинуть петлю на рукоять? Юноша вытащил клинок из ножен и попробовал вонзить лезвие в почву, но, не успев погрузиться в мягкую породу на локоть, сталь наткнулась на неподатливый камень. Впрочем, путник уже отбросил нелепую мысль спускаться вниз безоружным. Кто ведает, что скрывается там, под сенью листвы? Может, огромная дикая кошка, житель степей Заморы, затаилась в ветвях и ждет добычу, гонимую жаждой к воде...

Увы, как ни тяжело было отвести взгляд от воды, киммериец снова обмотал пояс вокруг та-

лии и побрел по краю расщелины, надеясь отыскать более удобное место для спуска. И тут его сознание снова всколыхнул могучий зов, подавивший волю; как будто невидимая исполинская рука подталкивала его, заставляя не то что идти.— бежать! Бежать, когда, казалось бы, последняя капля силы уже испарилась под горячими солнечными лучами!

Этот безумный бег оборвался так же внезапно, как и начался. Путнику вдруг почудилось, что раскаленный воздух перед ним сгустился и приобрел крепость камня; затем грудь его содрогнулась от сильного удара. Юноша рухнул на землю.

Какое-то время он лежал без движения, словно душа его, истомленная бесплодной борьбой, отлетела на Серые Равнины. Но вот дрогнули ресницы, хрип сорвался с черных потрескавшихся губ, и путник, пошатываясь, встал. Он подождал, пока уляжется отвратительное головокружение и рассеется пелена, застилавшая взор, потом заставил себя взглянуть вниз. Прямо под ним на выступе скалы раскинуло корявые сучья одинокое дерево, напоминавшее горбатую ведьму со скрюченными пальцами и жесткими зелеными космами. Но киммерийцу оно показалось сказочно прекрасным. Да, прекрасным! Ибо этот уродец, каким-то чудом отвоевавший у каменной тверди право на жизнь, обещал помощь.

Цепляясь за едва заметные неровности скалы, варвар добрался до выступа и в изнеможении опустился — точнее, рухнул — на камни у подножия дерева, привалившись спиной к кривому

стволу. Прикрыв глаза, он осыпал проклятиями безводные земли Заморы, укравшие у него силу. Еще недавно он шутя одолел бы этот склон и не стал тратить время на передышки, а теперь, после небольшого усилия, появилась мерзкая дрожь в руках и ногах, сердце колотилось о ребра, рвалось из груди, как дикий зверь из клетки. Из свирепого воина, рожденного на поле битвы, он превратился в развалину. Но проклятым камням не остановить его теперь, когда спасение рядом! Он выиграет схватку с ними, как выиграло ее это чахлое дерево... Юноша похлопал рукой по шершавой коре, как будто благодаря за поддержку неожиданно обретенного друга.

Привязав один конец пояса к стволу, киммериец сбросил другой с выступа и глянул вниз: пояс был коротковат, но ничего иного под рукой не имелось. Он проверил крепость узла и, ухватившись за скрученную ткань, начал спускаться вниз, упираясь ногами в камни. Каждое движение отдавалось тягучей болью в истощенных мышцах и со стороны выглядело мучительно медленным и неуклюжим, но юноша понимал, что поспешность дорого обойдется; и потому он заставлял себя выверять каждый жест и не глядеть вниз, чтобы не вернулось головокружение. Только когда в руках оказался свободный конец пояса, юноша бросил беглый взгляд на землю. Благодарение Крому, ее устилали не острые камни, а зеленый травяной ковер! Похоже, костей он не переломает, если прыгнет прямо вниз... Онемевшие пальцы разжались, и тело грузно упало в

траву. Киммериец снова погрузился в беспамятство.

Сознание надолго покинуло его. Когда он очнулся, солнце уже не висело над головой, а расщелину заполнял прохладный полумрак. Путник попробовал пошевелить руками и ногами и не почувствовал боли. Кости, слава Светлым Богам, целы! Но когда он попытался приподняться, стало ясно, что спуск отнял у него последние силы. А может, виной тому сумасшедший бег по краю ущелья? Так или иначе, ему не встать! В бессильной ярости юноша заскрежетал зубами. Что ж, если он не в силах идти к воде, как подобает человеку, он поползет — подобно червю или змее, порождению Сета!

Киммериец представил, как холодная струя падает на его воспаленную голову, сбегает по лицу, смачивает пересохшие губы, омывает тело, возвращая ему силу... И уже не слабый хрип, а звериный рык прокатился над ущельем. Резким рывком он перевернулся со спины на живот и пополз на шум воды.

Спустя некоторое время, показавшееся путнику вечностью, его запекшиеся губы приникли наконец к прозрачной влаге. Однако, сколь ни велико было это счастье, усталость взяла свое, и он забылся сном. Но это забытие было уже не мучительным, а сладким.

Незадолго до рассвета его разбудило острое чувство голода: страдая от жажды, киммериец не мог заставить себя сжевать хотя бы кусочек сухаря или вяленого мяса. Зато теперь припасы будут

как нельзя кстати. Он развязал тесемки, запустил руку в мешок и достал из него кусок мяса. С наслаждением перемалывая крепкими зубами еду, еще вчера внушавшую ему отвращение, юноша с интересом озирался вокруг.

Ночной мрак уступил место разгоравшейся заре. Певучая водяная струя, бившая из скалы, падала в каменную чашу, которая, однако, никогда не переполнялась — голубой поток вырывался на свободу, давая начало небольшому ручейку, омывавшему корни деревьев. Таких деревьев киммериец не видел ни в родных горах, ни в сумрачной Гиперборее, ни на равнинах Бритунии. Мощные колонны стволов высоко возносили раскидистые ветви, широкие узорные листья, формой напоминавшие ладонь с растопыренными пальцами, нежностью могли поспорить с кхитайским шелком. Они свободно пропускали свет, и, оказись на месте киммерийца бродячий рифмоплет, готовый за пару медяков воспевать что угодно, он мог бы сравнить ущелье с храмом жизни под зелеными сводами, а родник — с его священным алтарем. Но юношу занимало совсем другое: как пополнить запасы пищи и поскорее добраться до Шадизара. Какое дело до игры света и теней человеку, уже мысленно запустившему руки в кошельки шадизарских богатеев, мечтающему о глотке алого аргосского и ласках пышногрудых красоток со смуглой кожей и смоляными кудрями? Хотя ни цвет вина, ни оттенок кожи не имели особого значения — была бы девка горячей, а напиток — хмельным... Пока же, за неимением ар-

госского, путник запил скудный завтрак ключевой водой.

Он уже собирался порыскать по ущелью в поисках какой-нибудь дичи, когда вдруг подумал, что неплохо было бы освежиться — это придаст бодрости. То, что вода в каменной чаше была ледяной, нисколько его не смущало: ребенком он часто плескался под студеными струями горных источников. На всякий случай юноша внимательно огляделся и напряг слух. Не мелькнет ли тень между стволами, не хрустнет ли ветка? Странное безмолвие, царившее в этом оазисе и нарушаемое только плеском воды, могло бы насторожить киммерийца — даже птичий щебет не оживлял таинственного молчания зеленого храма. Но изобилие воды опьянило его сильнее вина. Соки жизни вновь струились и играли в нем, ускоряя ток крови и наливая силой мускулы; и путник, отбросив свойственную ему звериную осторожность, стал беспечным. Его смущали, правда, воспоминания о неведомой силе, что манила и гнала его в ущелье. Однако после недолгих размышлений он заключил, что, возможно, в дело вмешался кто-то из Светлых Богов, сжалившихся над смертным. А что всего вероятнее, решил путник, у него просто помутилось в голове от голода и жажды. Зов померещился ему!

Рассуждая таким образом, юный варвар растегнул пояс с ножнами и положил на траву, подальше от воды, чтобы не долетели брызги, от коих — упаси Кром! — заржавеет его бесценный клинок. Затем на траву полетела одежда, а ее

владелец решительно шагнул в ледяную воду и принялся плескаться и фыркать с радостным самозабвением сильного молодого животного. Поворачиваясь под кристальной струей так, чтобы вода равномерно обтекала мощное, бугрившееся мышцами тело, киммериец поймал себя на ощущении, что чьи-то глаза неотрывно следят за ним — но снова не внял предостережению инстинкта. Задрав лицо к небу, он ловил ртом прозрачную струйку, хмелея от свежего вкуса воды, как от вина. Внезапно его чуткий слух уловил шорох.

Юноша обернулся, и глаза его округлились от удивления: шагах в тридцати в дымчатом утреннем полумраке вырисовывался контур гигантского тела длиной в четыре человеческих роста. Эта туша покоилась на четырех массивных ногах; вдоль выпуклого хребта шел двойной гребень из костяных пластин, похожих на наконечники пик. Некрупная по сравнению с телом голова чудища напоминала одновременно рептилию и хищную птицу с огромным, загнутым на конце клювом.

Взор киммерийца скрестился с немигающим гипнотическим взглядом маленьких глаз, как будто подернутых маслянистой пленкой, и на мгновение в его мозгу снова зазвучал парализующий волю зов. Но зря монстр рассчитывал найти в юном путнике легкую добычу, которая, оцепенев от ужаса, будет покорно ждать, чтобы ее употребили в пищу. Это человеческое существо, еще вчера послушное его воле и слепо устремившееся навстречу гибели, сегодня без труда сбросило

власть черных чар. Гнев, вскипевший в душе киммерийца, на миг обезоружил хищную тварь и приковал к земле шестипалые лапы с кривыми кинжалами заостренных когтей.

Почувяв замешательство грозного врага, варвар в два прыжка покрыл расстояние, отделявшее его от меча, и стремительным движением выхватил клинок. Но противник, обнаружив удивительное для столь массивной туши проворство, уже подскочил почти вплотную к человеку и, ударив в его бедро острым клювом, вырвал кусок мяса. Киммериец заревел от боли и, подняв меч двумя руками, обрушил клинок на толстую короткую шею монстра.

Однако панцирь, покрывавший тело этой твари, выдержал удар; затем ее длинный хвост взметнулся и хлестнул юношу по правой руке. Не успей он увернуться в последнее мгновение, сложенная рука уже висела бы безжизненной плетью, а так острые шипы лишь прочертили кровавые борозды на предплечье. Но путник, еще не пришедший в себя, мог сражаться только вполсилы. К тому же деревья, окружавшие источник, лишали его свободы маневра, не давая далеко отпрыгнуть. Он лихорадочно примеривался, куда лучше нанести удар, чтоб разом прикончить проклятое отродье Сета. В глаз? Или в место сочленения груди и шеи, где обвисает мешком и дрожит, как у жабы, морщинистая кожа? Должно же найтись у этой погани хоть одно уязвимое место! Но в то мгновение, когда он уже твердо решил загнать клинок в глаз гадины, она повела себя

странно: стала пятиться, оседать к земле, а после и вовсе рухнула набок. Гигантская туша застыла, только лапы и хвост еще конвульсивно подергивались.

Какой бы несокрушимой ни была вера киммерийца в свой ратный талант, он не торопился приписывать себе победу и был изрядно озадачен. Но ему не пришлось долго ломать голову над загадочным поведением монстра, ибо на сцену выступило новое действующее лицо: из-за деревьев появился невысокий сухощавый человек в длинном одеянии с капюшоном.

— Кто ты? — выдохнул варвар, изумленно глядя на незнакомца.

— Чиндара Хон, сын мой, путник из Вендии, ищущий свет знаний на дорогах странствий. А как твоё имя, юноша?

— Конан... Конан из Киммерии.

* * *

Чиндара Хон не солгал Конану. Он и правда был странствующим жрецом. Да и обычно вендийцы избегали открытой лжи. Однако если бы варвар знал хоть что-нибудь о Вендии, он, наверное, догадался бы, что старик что-то не досказал ему. Не родился еще тот вендиец, который станет выкладывать всю правду о себе первому встречному. Чиндара Хон не просто странствовал по свету. У него была четко определенная цель.

Уже многие годы правителям Турана не давали покоя богатые западные земли Вендии и ее прекрасная столица Айодхья, но великолепно

обученная и образцово дисциплинированная вендийская армия была серьезным противником, и поэтому Туран не решался развязывать войну, ибо исход ее мог оказаться не в его пользу. Гораздо заманчивее было попытаться ослабить соседа-соперника, помешать ему развиваться и не допустить, чтобы страна богатела и процветала. И Туран старался вовсю. Торговые караваны из Вендии облагались такими немислимыми пошлинами, что их владельцы отказались от всяких попыток двигаться на запад через туранские земли, хоть товаров у них было предостаточно. Вендия славилась своими мастерами. Здесь ткали необычайной красоты шелковые ткани, чудесные яркие, пушистые и мягкие ковры, изготавливали тонкие ажурные изделия из золота и серебра, замечательные украшения из драгоценных камней и самоцветов. Торговля могла бы заполнить казну до отказа, но постепенно продавцов в стране становилось больше, чем покупателей.

Обеспокоенный правитель Вендии разослал по всему свету многочисленных тайных посланцев, чтобы те разведали новые торговые пути. Одним из них и был благочестивый старец, так вовремя повстречавшийся Конану.

Чиндара Хон сбросил с головы капюшон и пристально посмотрел на юношу темно-карими глазами, в которых светились мудрость и доброта.

— Ты ранен, сын мой. Позволь мне помочь тебе. Я немного смыслю во врачевании. Раны твои не опасны, но ты сейчас слаб и измучен, и они могут причинить тебе немало страданий.

Конан благодарно кивнул.

— Давай устроимся где-нибудь поудобнее, чтобы я приготовил все необходимое,— продолжал старик.— Ты можешь идти?

— Да.

— Тогда не будем терять времени.

— Погоди. Я голоден. Давай разделаем это страшилище. Из него, наверное, мог бы получиться неплохой ужин.

— Я не ем мяса. К тому же монстр не погиб, я только усыпил его. Убеждения не позволяют мне лишать жизни ни одно существо, даже если оно исполнено злобы. Пусть живет. Идем. У меня есть чем накормить тебя.

Конан с трудом сдержался. Он явно был недоволен, но открыто возражать не стал. Ему очень хотелось отдохнуть и набраться сил, а новый знакомый, похоже, помог бы ему в этом. Они тронулись в путь и вскоре обнаружили место, которое оба сочли подходящим для стоянки. Старик порывшись в складках своего широкого плаща, извлек откуда-то мешочки с травами, тонкую металлическую чашу и несколько маленьких граненых бутылочек. Всыпав в чашу по щепотке травы из каждого мешочка, он что-то быстро проговорил, добавил по капле жидкости из всех пузырьков, перемешал все это деревянной палочкой, опять что-то пробормотал и повернулся к варвару.

— Все готово. Это прекрасная мазь. Завтра ты и не вспомнишь о своих ранах. Позволь мне смазать их.

Конан охотно согласился. Боль мгновенно утихла, стоило лишь старцу прикоснуться палочкой к ране. Как только все было закончено, юноша вспомнил, что в его желудок уже давно не попадала сколько-нибудь ощутимая еда. Сухари и вяленое мясо не в счет. Словно прочитав его мысли, Чиндара Хон произнес:

— Теперь можно и поесть.

С этими словами он развязал свой мешок и достал оттуда несколько свертков. Ноздри молодого варвара затрепетали, уловив запах копченой рыбы. Он, конечно же, предпочел бы хороший кусок жареного мяса с кровью, но все-таки рыба была намного лучше, чем сухари, успевшие Конану порядком поднадоесть. Вслед за рыбой появились несколько аппетитных лепешек из белой муки, приличный кусок сыра, источавший чудесный аромат, и несколько горстей сушеных фруктов. Юноше казалось, что всего этого ему хватит едва ли на один зуб, но, к собственному глубочайшему удивлению, он довольно быстро насытился.

Наслаждаясь покоем, прохладой и непередаваемым ощущением приятной тяжести в желудке, Конан чувствовал себя если не счастливым, то вполне довольным.

— Давно мне не было так хорошо и спокойно,— сказал он, поворачиваясь к своему спутнику.— Мне вообще редко доводилось отдыхать.

Старец по-доброму улыбнулся и кивнул.

— Так хорошо мне было только дома,— продолжал Конан, удивляясь собственной разговорчивости. Он вообще-то не любил болтать. Вот

орудовать мечом — совсем другое дело.— А дома я не был уже давно. И вряд ли скоро буду. Мне было пятнадцать, когда гиперборейцы взяли меня в плен. Если бы не раны, живым бы я не дался. Потом жил в Халогге. Был гладиатором. Бежал. Добыл оружие.— При этих словах старик пристально посмотрел на ножны, но ничего не сказал.— Хороший меч. Даже колдуны перед ним не устояли. Два колдуна. И еще была одна ведьма... Но я с женщинами не дерусь. Даже с такими.— Юноша помолчал немного.— Сейчас иду в Шади-зар. Говорят, славный город. Хочу обучиться там ремеслу. Воровскому. Может, и здесь удача будет сопутствовать мне? — Он снова замолчал, задумавшись. Затем, видимо, решил, что и так слишком разговорился, и спросил: — А ты чем занимаешься?

— Брожу по свету. Моя цель — знание. Этому я посвятил всю свою жизнь. Я человек мирный. Моя религия не позволяет мне никого убивать. Потому и мяса не ем. Долгие годы я изучаю всякие премудрости, мне даже доступно Высшее Знание. Конечно, постичь его до конца никому еще не удалось, но я сумел многого добиться. Я иду из Вендии, и сейчас мой путь лежит на восток, к берегам моря Вилайет. Хочу посмотреть, какие там живут люди. Может, удастся узнать что-нибудь новое. Зачем тебе в Шади-зар? Это плохой город. Город воров, разбойников и блудниц.— При последнем слове глаза юноши загорелись, но старец продолжал, словно ничего не заметил: — Лучше направь свои стопы в Вендию.

— Что я там забыл?

— Это прекрасная страна. Она красива и богата, там всегда тепло. Но солнце у нас не злое и беспощадное, как здесь, а доброе и ласковое, оно дает жизнь цветам и деревьям, животным и птицам. Сколько у нас прекрасных птиц! Их яркие перья игрой цветов могут поспорить с самыми роскошными драгоценными камнями, а голоса так сладкозвучны, что хочется слушать их вечно.

— Мне бы это быстро наскучило.

— В Вендии много животных. И милых, добродушных, которых люди охотно держат в домах, и злобных страшных хищников. Наши тигры и пантеры так свирепы, что нужно быть очень храбрым человеком, чтобы осмелиться вступить с ними в поединок. Ты мог бы стать охотником, добывать шкуры диких зверей или ловить слонов и обучать их послушанию. За это платят хорошие деньги.

— Драться с безмозглыми тварями неинтересно.

— Ты мог бы разбогатеть, найти себе девушку по сердцу и обзавестись семьей. Знаешь, какие у нас прекрасные женщины! Они темноволосы и темноглазы. Их фигуры — само совершенство, а когда они танцуют, кажется, что это изгибаются на ветру ослепительно красивые благоуханные цветы...

Эта часть рассказа заинтересовала варвара значительно больше, чем вся предыдущая речь Чиндары Хона, но и тут юноша нашел что возразить:

— Мне еще не хочется думать о семье. Воля заманчивей. А женщины... В Шадизаре их тоже много. Наверное, найдутся и те, кто чудесно танцует и даже поет. Да и жениться на них совсем не обязательно. Они и так доступны. Мне гораздо больше по душе хорошая битва. Да и денег бы неплохо.

— Тогда ты мог бы стать наемником. В Вендии отличная армия. Наши воины смелы и хорошо обучены. Любой военачальник был бы рад командовать таким войском. Ты молод, храбрости тебе не занимать. Ты мог бы зарабатывать на жизнь оружием. В нашей армии есть и пехота, и кавалерия. Даже боевые слоны. Выбирай, что тебе больше по сердцу, и станешь блестящим воином.

— Ну уж нет! Дисциплина, ты говоришь? Это значит, я уже не могу поступать, как считаю нужным? Довольно! Мною в Халогге достаточно помыкали. Теперь я хочу воли, денег и наслаждений. А уж драк на мой век хватит.

— Погоди. В Вендии много людей, постигших скрытую суть вещей. Ты мог бы обучиться всяким премудростям, тебе открылись бы тайны мира...

— Тайны? Нет уж. Открытый, честный поединок — это дело, а тайн не люблю.

— Но жизнь бродяги полна опасностей и, как правило, коротка. Ты можешь не достичь возраста, с которым мудрость приходит сама.

— Что ты все твердишь о мудрости! — воскликнул Конан, окидывая взглядом невысокого

старца. — Я хочу быть сильным, а мудрость сил не прибавляет.

— Не скажи, — Чиндара Хон мягко улыбнулся.

— Что дала она тебе? — насмешливо поинтересовался юноша.

— Смотри, у тебя очень интересные ножны. Хочешь, только положив на них руку, я расскажу тебе, откуда они появились и что за зверь заплатил своей шкурой, чтобы твой меч всегда был укрыт от дождей и ветров?

— Попробуй, — недоверчиво протянул Конан.

— Дай мне их, и увидишь все сам.

Старец положил на колени ножны, протянутые ему Конаном, коснулся их кончиками пальцев и закрыл глаза. Не прошло и мгновения, как мудрец заговорил:

— Чудовище ростом с высокого человека появилось из-за валуна. Оно стояло на задних конечностях, опираясь на длинный хвост. Желтые глаза излучали холод и злобу. Выпяченные губы оно сложило в трубочку, чтобы в любой миг иметь возможность плюнуть в противника. Слюна чудища ядовита. Это Стит, кровожадная тварь, очень проворная.

Голос старца звучал глухо и как-то безжизненно, но все, что он говорил, было правдой. Конан поежился. Чиндара открыл глаза, взглянул на юношу несколько рассеянно, будто только что проснулся, и спросил:

— Продолжать? Это, наверное, был трудный бой.

— Нелегкий.

Конан задумался. Жрец молча смотрел на него, не желая прерывать неожиданно нахлынувших воспоминаний юноши. А тот словно снова переживал ту давнюю схватку с ядовитой дрянью, когда Сенгх ловким ударом посоха заставил монстра подавиться собственной слюной и тем самым дал Конану возможность нанести чудищу смертельный удар. Юноша вздрогнул и глубоко вздохнул. Сенгх, верный друг. Жаль, что его уже нет в живых.

— Продолжать? — снова спросил старец.

— Как ты это узнал? Это колдовство?

— Нет. Это всего лишь умение, которое дает Высшее Знание. Как видишь, мудрость тоже обладает какой-то силой. Так надо продолжать?

— Не надо. Дальше все было очень просто. С помощью своего друга, который позже пал от кинжала негодая, я победил эту гадину. Потом из ее шкуры сделали ножны, и Сенгх подарил их мне.

— А меч? Его тоже подарил тебе друг?

— Нет. Это совсем другая история. Рассказать?

— Позволь мне самому все узнать.

Конан кивнул и протянул своему спутнику клинок.

Меч был слишком тяжел для немощных рук старца, и он положил клинок на колени. Тонкие чуткие пальцы осторожно скользнули вдоль длинного лезвия, словно лаская металл, коснулись рукоятки. Морщинистые веки опустились, и киммериец подумал, что вендийца неожиданно смо-

рил сон, как это часто бывает со старыми людьми. Разглядывая лицо мудреца, непроницаемое и неподвижное, Конан гадал, сколько зим минуло с тех пор, когда лицо это было юным. Он бы несколько не удивился, узнав, что Чиндара влачит оковы жизни вдвое или втрое дольше, чем отмерено обычному смертному. Вдруг по лицу старика пробежала судорога, затем его исказила гримаса ужаса и отвращения, как будто он коснулся змеи или ядовитого паука. Вендиец отдернул руки от меча, открыл глаза и вперил в варвара мрачный пронзительный взгляд.

— Лучше бы ты оставил этот клинок там, где нашел, на коленях мертвеца... Видно, Светлые Боги спали в тот день, когда ты проник в обитель смерти.

Черные брови Конана сошлись у переносицы, как грозные тучи.

— Я благодарен тебе, старик, за спасение жизни, хоть ты и помешал мне прикончить гнусную тварь, но не лучше ли тебе идти своей дорогой и не вмешиваться в дела воинов. Этот меч я добыл в честной схватке, и не родился еще тот человек, который отнимет его у меня.

Вендиец досадливо поморщился:

— Язык твой обгоняет ум, а горячность так же безмерна, как и храбрость. Прости, если мои слова обидели тебя, но клинок этот запятнан Злом. Он несет на себе древнее проклятие.

Конан задумался. Обстоятельства, при которых он завладел мечом, были и впрямь необычными. Случилось это во время его побега из Ги-

пербореи, где он был рабом. Когда киммериец, безоружный и полунагой, очутился в лесной чаще на границе с Бритунией, за ним увязалась стая голодных волков. И неизвестно, чем бы все закончилось, не попадись беглецу на глаза нагромождение камней, которые, как оказалось, закрывали вход в склеп. В усыпальнице Конан и нашел оружие. Но прежде чем клинок перешел в руки нового хозяина, варвар выдержал жестокую схватку с ожившим мертвецом, против которого сталь была бессильна — только огонь помог киммерийцу взять верх. Даже теперь при воспоминании об этом юноша поежился. Но потом меч служил ему верой и правдой. О каком же проклятии может идти речь? Или старика пугает один вид оружия? Ведь он без конца толкует о Добре и Зле, о том, что каждая тварь имеет право на жизнь, даже та, что вырвала у него, Конана, кусок мяса из бедра и чуть не отправила в путешествие по Серым Равнинам...

— И ты прости меня за резкие слова, вендиец,— начал юноша уже спокойно, поскольку решил, что нельзя осуждать дряхлого старца за трусоватую осторожность,— но это оружие уже не раз послужило Добру. Меч как меч. Разве что древний.

— Поверь мне, ты носишь беду в своих ножнах. Если меч до сих пор не проявил своих магических свойств, так это лишь оттого, что Зло еще не пробудилось. Оно спит... до поры.

Варвар помрачнел. Как и всякий дикарь, он испытывал суеверный ужас перед колдовством.

— Владелец меча, тот, чей покой ты потревожил, заплатил за него страшную цену и пролил реки крови.— Старик возбужденно размахивал руками.

— Каждый, кто берется за оружие, льет кровь. Я и сам уже пролил ее немало.

— Вижу, словами тебя не проймешь, ибо невежество твое не знает границ. Что ж, придется нарушить запрет и приподнять покрывало Истины перед непосвященным. Подойди ко мне и сядь рядом!

Последние слова пришлись не по вкусу киммерийцу. Он заподозрил подвох. Что, если старик погрузит его в мертвый сон, как чудище в ущелье, или превратит в голубя, чтобы он не мог больше убивать? Вон как он разошелся, глаза жгут, будто угли.

— Неужели ты боишься меня, великий воин из Киммерии? — ехидно спросил старик, словно прочитал его мысли.

Это был открытый вызов, а Конан никогда не уклонялся от схватки, даже если силы неравны. Варвар опустился на землю рядом с вендийцем, дерзко сверкнув глазами из-под нахмуренных бровей. Старик усмехнулся и, взяв его за руку, положил ее на рукоять меча, а потом накрыл своей рукой — сухой, туго обтянутой коричневой кожей, как у мумии.

— Закрой глаза! — сурово приказал он. — Не бойся, ты не уснешь. Да и голубя, сколько ни колдуй, из тебя не получится. Возможно, в будущей жизни душа твоя и будет обитать в птичьем

теле, но это будет тело ястреба или орла.— Он улыбнулся, заметив замешательство юноши, и добавил уже серьезно: — Ты должен изгнать все посторонние, суетные мысли, иначе наше путешествие не состоится.

Киммериец закрыл глаза и замер. Упрямый и недоверчивый от природы, он поначалу лениво гадал, сколько дней пути отделяют его еще от заветной цели.

Как только он минует городские ворота и облегчит кошелек какого-нибудь борова, направится прямехонько в ближайшую таверну. И Конан живо вообразил, как зубы его вонзаются в хорошо прожаренную баранью ляжку. Мясо, много мяса, и никакой копченой рыбы, никаких кореньев, Нергал побереи их всех! А еще вино, красное и густое, как кровь, немного терпкое, но не кислое. Вино льется в его глотку, а на коленях у него вертится и хихикает смуглянка, пышногрудая, как та добрая деваха, которая преподавала ему первые уроки любви...

— Может, хватит мечтать о том, как ты будешь пожирать трупы несчастных животных и лапать непотребных женщин! — Старец прервал радужные мечты Конана. — Клянусь Асурой, иногда я впадаю в искушение обломать палку о спину молодого осла вроде тебя.

Представив, как сухонький старичок, едва доходивший варвару до середины груди, прыгает вокруг него, словно задиристый воробей, и пытается отходить палкой, киммериец расхохотался. Вендиец сначала сердито сверкал глазами, пыта-

ясь придать себе грозный вид, а потом и сам захихикал, как проказливый мальчишка.

— Ох, мудрейший,— простонал Конан, утирая слезы,— а ты, оказывается, и кричать умеешь! Как наскочил на меня, а! Знаешь, тебе тоже не суждено стать голубем в следующей жизни — ты будешь бойцовым петухом.

— Увы, все мы рабы своих слабостей,— вздохнул вендиец, но в глазах его продолжали вспыхивать искры смеха, а губы невольно кривились в улыбке.

— Сознайся,— не отставал варвар,— и ты в молодости был горяч.

— Чего скрывать, порядочный был олух. Упрямый, как буйвол. Наверно, боги что-то напутали. Мне бы родиться в семье воина, а не жреца. У нас судьба человека predetermined: сын идет дорогой отцов и дедов. Еще мальчишкой меня отдали в учение, а я, вместо того чтобы зазубривать священные гимны и прислуживать наставнику, удираю в лес и часами предавался дурацким мечтам: вот я лечу на боевой колеснице, затмевая всех блеском славы, и красавицы тайком вздыхают обо мне. Да мало ли о чем может грезить безмозглый сопляк... Иногда я даже завидовал обезьянам, которые свободно носятся по лесу, перелетая с дерева на дерево.

— А что было потом?

— Учитель пожаловался отцу.

— И тот вздул тебя хорошенько?

— Нет, пригрозил, что, если я не возьмусь за ум, отречется от меня и выгонит из дома, так что

я стану неприкасаемым и все будут избегать меня, как прокаженного. Однако как ловко ты спутал мои мысли и заставил забыть о главном! Как ни горько мне это сознавать, из тебя выйдет изрядный пройдоха и искусный вор. Если только проклятая сталь не погубит тебя раньше...

— Ну вот, опять ты за свое!

— Эх, сын мой, ты юн и глуп и не видишь опасности, пока она не возникнет перед самым твоим носом. Говорю тебе, Зло спит до поры, но если оно проснется...

— ...Я возьму над ним верх, как уже бывало.

— И зачем только я свернул с дороги и поспешил к тебе на помощь! Почему я помешал дракону избавить мир от заносчивого мальчишки, от этой горы мяса с умом младенца?

— Не потому ли, что ты любопытен не в меру и любишь совать нос в чужие дела? Не помешай ты мне, я бы и сам выпустил кишки из этой ящерицы и освежевал ее. Представь, какой щит можно было сделать из ее каменной шкуры. Ни одна стрела, ни один клинок не пробил бы его!

— Если бы я не вмешался, эта «ящерица» сейчас бы мирно ужинала тем, что осталось от голодного варвара, похрустывая косточками.

— Если бы не ты, я бы сейчас обгладывал ее косточки, вместо того чтобы давиться всякой пакостью, которую ты называешь едой.

Старик презрительно поджал губы, всем своим видом показывая, что не намерен больше опускаться до пререканий с мальчишкой. И Конан почувствовал, что зарвался. Честно говоря, вен-

диец был недалеко от истины: он появился как раз вовремя, выручил его, Конана, из беды, врачевал его раны, разделил с ним пищу, а взамен только наслушался дерзостей. Он, конечно, порядком наскучил своими нравоучениями, но старые люди любят надоедать советами, даже когда об этом не просят. Не будет большой беды, если позволить ему поколдовать немного...

— Вот именно, — буркнул вендиец, — беды не будет, если этот назойливый старикашка вложит немного ума в твою пустую голову.

Конан вздрогнул: он забыл о том, что Чиндара свободно читает его мысли.

— Скажи, о почтенный старец, а много ли таких искусников, умеющих влезать в чужой разум, как вор — в чужой кошель?

— Нет, непочтительный щенок, у тебя хватило бы пальцев на руках, чтобы перечесать их.

— Это славно, а то некому было бы приносить жертвы Белу, покровителю воров и торговцев.

— Так ты готов открыть свой ум для Истины?

— Готов, если ты уверен, что это Истина.

Со снисходительным вздохом, с каким взрослый смиряется с капризами ребенка, Конан лениво смежил веки. Сухие старческие пальцы стиснули его руку, и перед мысленным взором варвара потекли, вытесняя одна другую, картины, то сумеречно тусклые, то ослепительно яркие.

Привиделся ему каменистый берег неласкового северного моря, и длинная узкая ладья, лежащая на берегу, и люди в одеждах из звериных шкур, сновавшие возле нее. Одни забивали пазы

между темными досками толстыми кожаными шнурами, другие смолили дерево, заменяли изношенные куски обшивки, осматривали длинные весла, чинили парус. Поодаль стоял рыжебородый великан в сапогах с высокими голенищами и кожаных штанах. Мощный торс его прикрывала безрукавка из вывернутой мехом внутрь козьей шкуры, которая оставляла полуобнаженной богатырскую грудь. На крепкой бычьей шее поблескивало ожерелье из золотых самородков, знак власти. К рыжебородому приблизилась статная светловолосая женщина, голову которой украшал золотой обруч. Она робко дотронулась до руки великана и что-то сказала ему. Красивое лицо выражало мольбу и страх. Но рыжебородый даже не повернул головы в ее сторону, только нахмурился. Женщина гневно тряхнула головой, резким движением отбросила на спину тяжелые косы цвета спелой ржи. Теперь красавица говорила горячо, почти кричала. Великан наконец смерил ее тяжелым взглядом и что-то процедил сквозь зубы, коротко и зло. Женщина упала перед ним на колени, обхватила его ноги и продолжала говорить, давясь рыданиями и указывая на трех мальчуганов, которые носились наперегонки с огромными свирепыми псами.

Лицо рыжебородого разгладилось, и он жестом подозвал к себе старшего из мальчиков, а когда тот подбежал, достал из ножен, подвешенных к поясу, нож с широким лезвием и костяной рукояткой и протянул его мальчику. По знаку рыжебородого к нему приблизился угрюмый измож-

денный человек в лохмотьях, шею которого обхватывал металлический ошейник. Лоб человека был отмечен клеймом. По-видимому, повинуясь приказу господина, человек попробовал бежать, что давалось ему с трудом, потому что мешала тяжелая цепь, которой были скованы ноги. Мальчишка замахнулся и метнул нож в спину бегущему. Лезвие вошло под левую лопатку по самую рукоять. Человек в ошейнике вскинул руки и грузно повалился на землю лицом вниз. Мальчик подбежал к нему, уперся ногой в поверженное тело, рывком вытащил нож, обтер лезвие о штаны и вернулся к рыжебородому. Тот оскалил острые белые зубы в довольной улыбке, потрепал мальчика по волосам цвета меди, как у него самого, и, отцепив от пояса ножны, протянул их ребенку.

Берег растаял, как будто его заволокло клубами тумана, и возникло новое видение. Теперь рыжебородый стоял на носу ладьи, легко рассекавшей зеленоватые ленивые волны. Рука гиганта рассеянно поглаживала искусно вырезанную из дуба голову матерого волка с ощеренной пастью. Волчья голова скалила зубы и на полотнище, которое плескалось на вершине высокой мачты. Ветер надувал парус, сшитый из длинных полотнищ сурового холста. За спиной рыжебородого гребцы дружно налегали на весла. Что бы ни высматривал великан в морских дальях — чужой парус или спину кита, — это не имело ничего общего со зрелищем, открывшимся его взору.

Морская пучина разверзлась, и из глубин вынырнула ромбовидная голова гигантского змея, поблескивая злобными немигающими глазами. Безобразную голову несла покрытая зелено-бурой чешуей колонна тугой плоти. Эта колонна вздымалась все выше и выше, пока почти не сравнялась высотой с мачтой. И тогда обнаружилось, что это не тело змеи, а только шея, хотя толщиной она походила на ствол столетнего дуба. Шея перетекала в огромное туловище с четырьмя плавниками-крыльями и мощным хвостом. О размерах туловища было трудно судить, потому что над водой выступала лишь верхушка спины, на которой топорщился зубчатый костяной гребень. Шею и спину змея покрывал слой густой слизи, кое-где к ней прилипли ракушки и коричневые водоросли. Чудовище разинуло пасть, обнажив длинные кривые клыки — по две дуги острых костяных лезвий на каждой челюсти. Длинный красный язык вылетел из пасти и также стремительно втянулся обратно. Внезапно гибкая шея изогнулась, и голова монстра полетела вперед со стремительной неотвратимостью камня, выпущенного из пращи. В следующее мгновение в зубах змея уже билось и извивалось человеческое тело. Громадные челюсти сомкнулись и положили конец содроганиям жертвы.

Нападение застало людей врасплох. Гребцы повскакивали с деревянных скамей, бросив весла. Еще немного — и они стали бы метаться в слепом ужасе по палубе. Но рыжебородый не позволил им поддаться животному страху. Лицо его побат-

ровело от ярости, и, судя по гримасе, искажившей его, львиный рык прокатился над головами перепуганных людей. Гребцы, сидевшие прежде ближе к борту, покорно ухватились за весла, а те, кто греб с ними в паре, бросились в трюм, видимо за оружием. На их счастье, чудовище не спешило повторить нападение, то ли оттого, что было уверено в полной незащитности врага, то ли потому, что слегка утолило голод. Когда люди, вооруженные мечами и копьями, выскочили на палубу, змей все еще лениво следил своими маслянистыми желтыми глазами за суетой жалких беспомощных тварей. По взмаху руки рыжебородого сразу с десяток копий взлетели в воздух, и бурая чешуйчатая колонна оцетинилась металлическими иглами. Страшный рев разодрал пасть чудовища. Оно мотало головой и крутило шеей, пытаясь избавиться от жал, вонзившихся в нее, но копьа глубоко вошли в змеиную плоть. Тогда разъяренный дракон стал молотить хвостом по воде, вспенивая ее.

Поднялись огромные волны. Водяные валы обрушивались на палубу, смывая с нее людей. Неожиданно чудовище нырнуло, как будто решило искать спасения в зеленоватых мрачных глубинах. Но людям рано было благодарить богов за спасение. Страшный удар сотряс судно, едва не опрокинув его. Этим толчком нескольких гребцов и рыжебородого выбросило за борт, и они попадали в воду. Кое-кому удалось подплыть к ладье, но рыжебородого откинуло слишком далеко. Внезапно между ним и высоким бортом

всплыла змеиная голова. Казалось, еще чуть-чуть — и морской дракон проглотит очередную жертву. Но великан не стал дожидаться, пока его сожрут. Вместо того чтобы попытаться отплыть подальше, он рванулся к чешуйчатой шее и ухватился за копье, торчавшее из нее. Наверное, от этого движения боль, терзавшая монстра, стала еще нестерпимее. Он разинул пасть и бешено замолотил головой, надеясь стряхнуть с себя врага. Скорее всего, ему бы это удалось, потому что покрытая слизью чешуя была невероятно скользкой, но рыжебородый уцепился ногами за еще одно копье. Опираясь на него, он дотянулся до третьего металлического жала, вонзившегося совсем близко к уродливой голове, и переместил свое тело еще выше. Рука рыжебородого метнулась к поясу, взлетела вверх с длинным клинком и вогнала его в желтый, пылающий злобой глаз. В то же мгновение пучина проглотила и дракона, и человека. Казалось, она навеки похоронила смельчака вместе с чудовищным морским гадом. Но вскоре среди огромных волн, рожденных конвульсиями колоссального тела, мелькнула рыжая голова...

И снова все заволокло туманом. Исчезло море, исчез корабль, танцевавший на волнах, и проступили бревенчатые стены. Рыжебородый сидел на краю огромного ложа, устланного пушистыми волчьими шкурами, поверх которых было небрежно кинуто одеяло из тех же шкур, подбитое беличьим мехом. Перед ним стояла темноволосая девушка, покорно опустив голову и полуприкрыв

густыми черными ресницами густую синеву глаз. Упругие полушария груди высоко вздымались под рубашкой из грубого сероватого холста. На смуглой длинной шее темнела полоса металлического ошейника. Рыжебородый проговорил что-то с ухмылкой, и девушка, опустившись на колени, стала стаскивать с него сапоги, потом поднялась, отступила и замерла, очевидно ожидая новых приказаний. Великан поманил ее к себе, и она послушно присела на краешек ложа. Рука рыжебородого потянулась к застывшему лицу. Грубый палец прикоснулся к уголку нежного рта и заскользил, повторяя очертания побелевших от скрытого напряжения губ. Потом он приподнял дрожащий подбородок. Черные ресницы встрепнулись, и холодные серые глаза мужчины встретились взглядом с пронзительно синими. Губы рыжебородого раздвинулись в хищной улыбке. Тяжелые руки легли на плечи, скрытые грубым холстом, и два лица — жесткое, искаженное желанием и смятенное, мертвенно бледное от страха — стали неумолимо сближаться. Вожделение сделало великана беспечным, и он не заметил, как тонкая рука скользнула к ножнам на поясе, который рыжебородый не успел снять. С неожиданной силой девушка оттолкнула его и занесла руку с ножом для удара. От былой покорности не осталось и следа. Пламя ненависти полыхало в синих глазах. Брови рыжебородого удивленно поползли вверх, потом дрогнули уголки губ, сочных и красных, как сырое мясо, и он разразился издевательским хохотом. Смех сотрясал все его

крупное тело. Он повалился на ложе, как будто лишился сил. Этот отвратительный смех переполнил чашу ненависти. Глаза девушки из синих стали черными, и она кинулась на врага, как дикая кошка. Однако железные пальцы перехватили на полдороге тонкое запястье, стиснули его. Нож упал на светлый пушистый мех. Рыжебородый поднял его и зашвырнул в угол. И уже без тени улыбки повернулся к своей жертве...

Когда жесткое, словно составленное из ломаных линий, лицо в обрамлении огненных волос снова соткалось из тумана, стало заметно, что резец времени оставил на нем свои следы. Теперь рыжебородый восседал в массивном дубовом кресле, на помосте, высившемся в конце просторного зала. Через весь зал тянулся уставленный блюдами стол, за которым пировали рослые суровые люди. В очагах, сложенных из огромных камней, пылал огонь. По залу бегали псы, подбирая объедки, брошенные пирующими. На почетном конце стола, рядом с хозяином, где гостей обносили в первую очередь, сидели трое молодых мужчин, похожих на рыжебородого статью, чертами лица и медными волосами. Буйные во хмелю, они толкались, орали что-то, задирали друг друга и соседей, но рыжебородый смотрел на них снисходительно, как старый пес на разыгравшихся щенков. Среди слуг была и черноволосая женщина с печальным осунувшимся лицом, все еще красивым, хотя краски молодости поблекли. Наливая одному из пирующих вино, она как будто задумалась или дрогнула усталая рука, и багряная влага

хлынула через край. Это не ускользнуло от глаз дородной высокой хозяйки дома, гордо носившей на голове золотой обруч, знак ее высокого положения. Хищной птицей налетела она на провинившуюся и, вцепившись одной рукой в массу черных волос, все еще густых и прекрасных, стала другой хлестать служанку по лицу, вкладывая в удары неутолимую, словно зреющую годами злобу. Мужчины, наблюдая за избиением, потешались от души и пьяным ревом и жестами поощряли расхажившую хозяйку. Только одному человеку эта сцена не доставляла удовольствия: из угла залы, сжавшись в комок, следил за расправой мальчишка, грязный и оборванный. Настоящий звереныш с копной черных волос и ледяными серыми глазами — единственное, что он унаследовал от своего отца...

На широком ложе, устланном серебристо-серым мехом, спал человек. Волосы и борода его цветом напоминали льды, сковавшие северное море, просторы которого он бороздил когда-то. Время и болезнь изглодали могучее тело, и рука, безвольно лежавшая поверх мехового одеяла, была желтой, как воск. Старик спал, не подозревая, что возле его ложа стоял человек, тайно проникший сюда. Спутанные черные волосы скрывали широкий низкий лоб. Густые угольные брови сомкнулись у переносицы. Под ними мерцал грязно-голубой лед безжалостных глаз. Тонкие губы презрительно кривились. Жилы вздулись на шее, и в нее почти вливался металлический ошейник. Незванный гость был сложен так, словно не смертная

женщина выносила его в своей утробе, а божества выковали из меди, готовя ужасное орудие, сеющее смерть.

Старик спал, не подозревая, что волчьи глаза не отрывались от его изъеденного временем и хворью лица, что гнев раздувал могучую грудь, как кузнечные мехи, что жесткие пальцы судорожно сжимались, вонзая ногти в ладони, как будто мужчина боролся с нестерпимым желанием броситься на спящего и перегрызть ему горло.

Пришедший из мрака склонился над ложем и вдруг замер — старик открыл глаза. Два волка, старый и молодой, уставились друг на друга в мертвом молчании. И воля старого хищника подчинила себе плоть от плоти его. Вместо того чтобы сжать пальцы на горле старика, черноволосый повалился на колени и припал губами к желтой руке. Он молил о чем-то, что-то требовал, горячо и страстно. С трудом просунув пальцы под ошейник, он пытался сломать металлическое кольцо, словно оно душило его. Старик наблюдал за ним с холодным равнодушием, а потом оскалил редкие зубы. Он издевательски хохотал, но смех неожиданно перешел в удушье. Желтые руки схватились за горло, раздирая его ногтями. Лицо посинело, глаза вылезли из орбит. Последний хрип вырвался из черного провала рта. Глаза, в которых навеки застыл ужас, остекленели. И теперь уже другой человек хохотал, как будто в жизни не видел ничего смешнее смертного одра...

На морском берегу лежал плот, сколоченный из огромных бревен. Посреди него на высокой

груде поленьев и хвороста покоилось завернутое в меховой плащ тело. Ветер трепал седые волосы, в которых поблескивал золотой обруч. В правую руку, вытянутую вдоль тела, вложили меч. Согнутая в локте левая рука мертвеца держала продолговатый медный щит с изображением ощерившегося волка. Слева и справа от неподвижного владыки вытянулись два человеческих тела, которые смотрели пустыми глазами в серое небо, словно спрашивая богов, неужели и после смерти им суждено носить ошейник. В ногах у покойника стояли стянутый медными обручами дубовый бочонок, сундук и несколько деревянных ларцов. Угрюмые люди спустили плот на воду и привязали его к небольшому челноку, в который сели трое гребцов. Они налегли на весла, и челнок заскользил по волнам, увлекая за собой плот. Заплыв довольно далеко, гребцы отвязали плот и вернулись на берег. Из молчащей толпы выступил тот, кто унаследовал власть и ожерелье из самородков. Ему подали тяжелый лук и стрелу, конец которой был обмотан паклей. Молодой вождь натянул тетиву, а воин, стоявший неподалеку с факелом, поджег паклю. Стрела просвистела над водой и воткнулась в погребальный костер... Когда пламя пожрало тела мертвого властителя и его спутников, люди покинули берег и начали взбираться по крутой тропе через скалы туда, где высился окруженный рвом частокол...

Во дворе, между большим домом с двускатной крышей, сложенным из темных толстых бревен, и

низкими хозяйственными постройками, сновали слуги.

Новый хозяин ожерелья и двое похожих на него рыжеволосых гигантов встали перед домом. Молодой вождь вынул из ножен меч и застыл в величественной неподвижности. К нему медленно потянулась вереница людей. Сначала приблизились носящие оружие. Каждый опускался на одно колено и целовал клинок. За воинами последовали с овечьей покорностью люди в ошейниках. Они простирались перед господином на земле и целовали кончик сапога. Очередь дошла до черноволосого смуглого великана в отрепьях. Однако он не спешил распластаться на земле. Он дерзко ухмылялся. Его хозяин побагровел от ярости. Свинцовый кулак врезался в ненавистное лицо, разбивая рот и круша зубы, чтобы стереть наглую усмешку. Но разбитые губы снова растянулись в улыбке, и черноволосый сплюнул сгусток крови на сапоги из мягкой дорогой кожи. Стоящие рядом с господином схватились за мечи, но вождь остановил их мановением руки и отдал приказание воинам. Смутьяна схватили и потащили к двум столбам, в которые были вделаны внизу и на высоте человеческого роста металлические кольца. Кольца защелкнулись на запястьях и щиколотках черноволосого, так что он оказался распятым между двумя столбами. С него содрали темную от грязи и пота рубаху, обнажив тело до пояса. Тяжелый кожаный хлыст с металлическими накладками рассек воздух и обрушился на медную кожу, оставив после себя красную

полосу. Снова и снова взлетал бич, пока кровавые борозды не слились в одно пятно...

На окраине черного леса, возле болота, паслось стадо полудиких свиней, поджарых, горбатых, с загривками, поросшими жесткой щетиной. Неподалеку на камне сидел мрачный великан. Взгляд его блуждал между одинокими голыми стволами, торчавшими из топи, как гнилые клыки из смрадной пасти. Этот беспокойный взгляд словно пытался пронизать седую пелену, стлавшуюся над трясиной. Потом голова человека склонилась, и черные слипшиеся пряди закрыли глаза. Человек так глубоко погрузился в свои невеселые думы, что ничего не замечал вокруг.

Он не видел, как клочья зловонного тумана стали сливаться, сгущаясь, и на краю болота возникла уродливая старуха. Ее горбатое иссохшее тело облекало грязно-серое рубище, перехваченное поясом из звериных позвонков, нанизанных на жилу, и диковинного вида плащ из волчьей шкуры. То, что было когда-то головой матерого зверя, прикрывало голову старой карги, лапы с длинными когтями свисали с ее плеч.

Перепуганное стадо сбилось в кучу. Старый секач, низко опустив безобразную морду с грозными клыками, рыл копытом землю, но не решался напасть. Визг свиней наконец привлек внимание черноволосого. Он поднял голову и поймал на себе взгляд хитрых мутно-зеленых глаз, посверкивавших в глубоких складках дряблой кожи. Тонкогубый рот разъехался в заискивающей улыбке. Человек угрюмо пробормотал

что-то и кивнул на камень. Старуха поспешно заковыляла к нему и присела рядом. Сначала разговор не ладился, потому что черноволосый отделялся односложными репликами или вообще не давал себе труда разжать упрямо стиснутые челюсти. Но старуха не отступала, втолковывая что-то собеседнику — сначала вкрадчиво, а потом с наглой назойливостью. Голова ведьмы подергивалась, словно норовила клянуть хищным носом, загибавшимся над черной ямой беззубого рта. Черноволосый нахмурился в ответ на хитрые речи, лицо его передернуло гримаса отвращения. Но яд, влитый искусно, по капле, уже побежал по жилам. Морщины сомнения разгладились, и странная пара ударила по рукам, заключая сделку...

Высокий человек пробирался во мраке между черными стволами. Ветки цеплялись за его одежду, хватали за спутанные волосы, словно хотели остановить. Но он уже достиг большой поляны и вступил в круг из высоких плоских камней, испещренных непонятными знаками: молниями, трезубцами, косо перечеркнутыми палочками... Знаки обегали вокруг примитивного рисунка — изображения человеческой фигуры с головой волка. В центре круга на двух камнях лежала толстая плита.

Луна вынырнула в разрыве между облаками и осветила бледное лицо. Человек вытащил что-то из-под плаща и отдал появившейся из темноты старухе. Руки его дрожали. Старая ведьма заковыляла к алтарю и положила на плиту, белую в

лунном свете, черного ягненка. Достав откуда-то из складок одежды нож, ведьма перерезала ягненку глотку. Темная струйка побежала по желобку, выдолбленному в камне, и стала наполнять чашу, которую подставили скрюченные руки. Ведьма опустила палец в кровь и обсосала его, жадно причмокивая. Она поставила чашу на землю неподалеку и вернулась к жертвеннику. Костлявый когтистый палец заплясал в воздухе, и в темноте вспыхнули языки голубого пламени, которые стали жадно лизать жертвенник. Тушка ягненка вспыхнула, быстро обуглилась и рассыпалась пеплом.

Ведьма захлопотала у плиты, натирая ее пеплом и что-то приказывая остолбеневшему от ужаса человеку. Тот покорно сбросил одежду и лег на плиту. Обмакивая палец в кровь, старуха смазала ею губы черноволосого, начертила знаки у него на лбу, на щеках, расписала кровавыми узорами все тело. Потом она поднесла чашу к губам, осушила ее одним глотком и начала безумный танец вокруг алтаря. Она притоптывала, кружилась, воздевала корявые руки к небу, призывая кого-то. Голубые искры загорелись и забегали на поверхности серых камней, окружавших жертвенник, начали стекаться к верхушке, а потом слились в светящиеся шары, которые оторвались от камней и поплыли к жертвеннику, чтобы соединиться над ним в полыхающую сферу.

Горящий шар стал сплющиваться, преобразаясь в огромное яйцо, которое затем стало разма-

тываться, как клубок. Обрывки мерцающих нитей образовали вихрь, который устремился к разрисованному знаками телу, обретая постепенно очертания волчьей морды. Сначала демон жадно слизывал кровь призрачным языком, потом его клыки вонзились в горло человека, стали рвать куски его плоти. Вихрь подхватил бесчувственное тело, поднял его над плитой и понес, как сухой листок, к самым верхушкам деревьев. Волк играл добычей, то отпуская ее и забавляясь ее падением, то подхватывая и снова вознося ввысь. Наконец, натешившись вволю, вихрь обволок собой тело, заключив его в голубой кокон, который плавно опустился обратно на каменную плиту. Когда свечение потухло, рассеялось, стало видно, что страшные рваные раны, нанесенные клыками демона, исчезли без следа. И хотя веки человека были плотно сомкнуты, грудь его ровно вздымалась. В правой руке он сжимал меч...

Высокий черноволосый человек стоял посреди длинного зала и в недоумении разглядывал свои руки. Они были красными. От кончиков пальцев и выше. И грудь его покрывали красные пятна, пятна крови. И одежду. Он ощупывал тело в поисках раны, из которой натекло столько крови. Но не находил ее. Он оторвал взгляд от своего тела и увидел меч, лежавший в темно-красной луже. И обезглавленный труп. Потом еще один, со вспоротым животом. Просторный зал напоминал поле уже отгремевшего боя. Груды мертвых тел. Вон там — дюжий детина с топором в руке, на лице его застыло изумление. А тот пытался

спастись бегством, но кто-то настиг его и уложил ударом в спину. Человек осел на пол и обхватил руками голову...

Это было последнее, что удалось увидеть киммерийцу. Рука старика соскользнула, увлекая за собой его руку, и видения оборвались. Смуглое лицо вендийца побелело, на лбу проступили бисеринки пота. Встревоженный Конан потряс его руку:

— Мудрейший, ты не захворал?

К его великому облегчению, глаза Чиндары медленно открылись.

— Не беспокойся. Просто такие мысленные странствия отнимают много сил. И я не выношу вида крови.

— Да. Чего-чего, а крови там было достаточно,— беспечно отозвался варвар, которого, говоря по чести, трудно было удивить таким зрелищем. За свою короткую жизнь он успел навидаться мертвых.

— Теперь-то ты понял, глупый мальчишка, какую опасную игрушку таскаешь с собой?

— Теперь я понял, что ты умеешь не только рассказывать сказки, но и показывать их. Было очень занятно, клянусь бородой Крома!

— Так ты вообразил, что я...

— ...Решил немного меня попугать. Ты великий колдун. Ловишь чужие мысли. Может, и сны умеешь насылать?

— Неужели я тебя не убедил, что твой меч — не творение рук человеческих? Что его, верно, ковали демоны?

— Да хоть бы и сам Нергал... Клинок-то получился знатный.

— Послушай, ничто в этом мире не дается даром. Рано или поздно Темные Силы потребуют плату. Странно, что этого до сих пор еще не случилось.

— Я уже расплатился сполна, когда тот скелет едва не задушил меня.

— Глупости. Если клинок до сих пор не проявил своих волшебных свойств, так это потому...— Старик неожиданно замолчал.

— Почему же? Я терпеть не могу всякого колдовства, но любопытно.

— Ладно, лучше тебе это узнать от меня, чтобы ты не стал искать ответа у какого-нибудь черного мага. В одной старинной рукописи я прочитал, что заколдованное оружие только тогда приобретает грозную силу, когда его обладатель с ним породнится.

— Породнится? Как это?

— Совершит колдовской обряд или жертвоприношение, а может, прочитает заклинание. Все зависит от того, какое заклятие наложено.

— И что же нужно делать с моим мечом?

— Не знаю. Да если бы и знал, не сказал бы.

— Как так?

— Породнившись с этим мечом, ты породнишься со Злом. Оно пожрет тебя, как поглотило того, кто прежде владел им.

— А что такого страшного сотворил тот человек? Просто отомстил за себя. Я и сам бывал в его шкуре. Знаю, что такое рабство.

— Вижу, что убеждать тебя бесполезно. Ты слепая игрушка в руках судьбы.

— Вот уж нет. Никто не может управлять мной. Я живу по своей воле. Это ты скован по рукам и ногам. Этого нельзя, того нельзя.

— А ты не подумал, что привело тебя в тот склеп? Случайно ли ты там оказался?

— Что, что... Бежал от волков...

— Волк в лесу, волк на знамени, на щите, на камне... Демон-волк. Эти люди считали волка своим предком, своим покровителем. Они сами были волками в человеческом облике.

— Оборотнями?

— Нет. Просто хищниками с каменными сердцами.

— А где ты видел других людей?

— Увы, в твоих словах много истины.

— То-то и оно. И лучше быть хищником, чем добычей.

— В этом мы с тобой не придем к согласию. Скажи лучше, ты заметил, что тот человек, хозяин меча, очень похож на тебя? Только глаза другие. Может, мать его принадлежала к твоему народу? Это мне тоже не нравится.

— По твоим словам выходит, что я ему приглянулся, потому что похож на него, и он послал волков звать сородича в гости. Что же он тогда чуть не придушил меня?

— Не он тебя выбрал. Тебя избрало Спящее Зло. Оно искало нового хозяина. Бесстрашного, могучего и юного, у которого впереди долгая жизнь. И не обижайся — не слишком умного, та-

кой душой легче овладеть. Обитатель склепа знал это и решил остановить тебя любой ценой, пресечь путь Спящего Зла.

— Может, я глуп, но не настолько, чтобы путешествовать безоружным из-за того, что тебе везде мерещится Зло.

— Что ж, поступай как знаешь. Время уже позднее, а нам завтра предстоит долгий путь.

На следующий день они расстались, потому что вендиец направлялся на восток. Конан успел привязаться к беспокойному старику и прощался с ним не без сожаления. Чиндара уже отошел на несколько шагов, как вдруг вернулся чуть ли не бегом.

— Я забыл сказать тебе кое-что очень важное, — проговорил он, задыхаясь. — Если ты все же решишь избавиться от меча, не дари его, не продавай. Лучше зарой в землю или брось в воду. Кто знает, в какие руки он может попасть. И держись подальше от тех, кто сведущ в магии.

* * *

Уже второй день Конан опять шел по унылой степи один. Никакие увещания старца не заставили варвара отказаться от намеченной цели. Его манил Шадизар, словно какая-то магическая сила влекла его туда. Жизнь вора, полная приключений, опасностей и всевозможных удовольствий, казалась юноше прекрасной. Ему хотелось испытать себя, доказать, что он не только смел, но также ловок и хитер. Время от времени Конан задумчиво улыбался, представляя, как тратит

деньги растяпы-богача в шумном кабаке, пьет терпкое вино и гладит крутое бедро доступной и ласковой аппетитной красавицы. Она залиристо хохочет, запрокинув голову, и шелковые локоны, разжигая желание, щекочут сильную шею и мощные плечи удачливого вора. О боги! Что все премудрости мира по сравнению с такой полной радости жизнью! Пусть мудрость тешит стариков, а он, в ком силы играют и требуют выхода, не свернет с избранного пути.

Пейзаж постепенно менялся. Чем дальше путник продвигался на юг, тем больше появлялось деревьев с пышными кронами, все чаще попадались небольшие прозрачные ручейки, в которых журчала чистая холодная вода. Смерть от жажды и злого солнца уже не грозила ему, однако запас сухарей и вяленого мяса истощился, а такой добычи, что могла бы составить сносную трапезу, юноше пока не посчастливилось встретить, и пустой желудок все чаще и чаще напоминал о себе.

Конан внимательно посмотрел по сторонам, увидел неподалеку поблескивающую ниточку ручья, извивающуюся в ярко-зеленой траве, и решил присесть там ненадолго, чтобы перекусить. Устроившись поудобнее, он с явным удовольствием погрузил руки в холодную воду, зачерпнул полную пригоршню и плеснул себе в лицо обжигающую голубоватую влагу. Вода тонкими струйками потекла по лицу, шее, груди, взбадривая путника и снимая усталость. Юноша развязал свой тощий дорожный мешок, достал оттуда не-

сколько сухарей и небольшой кусок жесткого сухого мяса. Эти припасы были последними. Конан взвесил на ладони свой скудный обед, криво усмехнулся и решительным жестом отправил еду в рот. Он старался жевать как можно медленней, чтобы растянуть удовольствие. Закончив трапезу несколькими глотками ледяной воды, Конан начал озиаться по сторонам в надежде, что из травы появится хоть какой-нибудь любопытный зверек, которого можно будет отправить в желудок вслед за сухарями и жалким кусочком мяса. Но все было тихо, только по ветвям дерева, возле корней которого расположился путник, прыгала крошечная пичуга, столь щуплая, что на нее не позарился бы даже голодный кот. Глубоко вздохнув, юноша лег на спину, закинул руки за голову и, глядя в высокое небо, по которому медленно плыли облака причудливых форм, задумался и незаметно для себя задремал.

Тихое шуршание мгновенно разбудило Конана. Он резко сел и схватился за рукоять меча. Трава возле ручья едва заметно колыбалась, но не ветер был тому причиной. Зоркие глаза киммерийца заметили, как солнечный луч вспыхнул в траве, отразившись от чешуи плавно ползущей змеи. Тварь была, похоже, крупной, толщиной едва ли не с руку Конана. Варвар знал, что мясо змей не только съедобно, но и даже вкусно. Правда, о вкусе он сейчас совсем не думал, юноша готов был уже жевать кору дерева. В предвкушении столь близкого обеда рот киммерийца мгновенно наполнился голодной слюной, а пальцы

сами по себе плотно сомкнулись на рукояти меча. Конан резко вскочил на ноги, и это оказалось его роковой ошибкой: змея молниеносно прыгнула, и острые ядовитые зубы глубоко впились в ногу варвара, пронзив его тело острой болью. Отбросив меч, юноша схватил гадину за голову и мощным рывком разжал сильные челюсти. Затем, вложив в одно движение все свои силы, разорвал твари пасть. Крупная плоская голова развалилась пополам, и из раны фонтаном забила яркая кровь. Змея еще шевелилась, когда Конан отбросил ее в сторону, но это были уже посмертные судороги.

Киммериец медленно опустился на траву, чувствуя, что быстро слабеет. На ноге, чуть ниже колена, зияли глубокие рваные раны, оставленные зубами толщиной примерно с палец. Края ран буквально на глазах краснели и опухали. Будь варвар хоть немного слабее, он уже лежал бы мертвым рядом с убитой змеей, но невероятно сильный организм упорно боролся со смертельным ядом. Недолго думая юноша схватил меч и решительно вырубил из раненой ноги большой кусок плоти, захватив и ту часть, до которой краснота и опухоль еще не успели доползти. От невыносимо резкой боли он на какое-то время потерял сознание и поэтому не видел, как клинок, обгагрившийся его кровью, вспыхнул голубоватым пламенем, которое тут же погасло.

Конан довольно быстро пришел в себя. Нога нестерпимо болела, по всему телу волнами разливалась слабость, глаза застилал туман, голова кру-

жилась. С большим трудом дотянулся варвар до своего дорожного мешка и, пошарив в нем рукой, извлек оттуда маленький пакетик, оставленный ему старцем. В пакетике лежали остатки целебной мази, которой Чиндара лечил раны юноши. Стараясь унять дрожь в руках, чтобы — да хранят от такой напасти Светлые Боги! — не уронить снадобье в песок, Конан достал мазь и аккуратно нанес ее на ногу. Боль тут же начала утихать, туман перед глазами рассеялся, и киммериец обрел способность трезво мыслить. Он внимательно осмотрел гадину, чуть не лишившую его жизни, вырезал из нее большой кусок и жадно впился в еще теплое мясо зубами. Оно оказалось на редкость нежным и вкусным, и варвар быстро утолил терзавший его голод. Запив обильную еду водой из ручья, Конан решил остаться тут и отдохнуть до утра, чтобы набраться сил, так как путь, по его предположениям, предстоял еще неблизкий.

Наутро путник проснулся бодрым, полным сил и решимости идти дальше. Рана на ноге не болела и не кровоточила. Конан собрался позавтракать, но... он спал так крепко, что не слышал, как ночью какие-то мелкие хищники начисто обглодали тело змеи. Теперь в густой зеленой траве лежал лишь длинный белый хребет. Лишенный завтрака юноша попил воды, тяжело вздохнул и тронулся в путь, надеясь по дороге поймать какую-нибудь живность.

Сначала он шел легко и быстро, но постепенно голод начал давать о себе знать, а никакой добы-

чи как назло Конану не попадалось. Так прошел почти весь день, начало смеркаться, и тут зоркие глаза варвара различили на горизонте какие-то странные очертания. Шатры? Похоже. Какие-то животные... О боги! Да это же верблюды! И, кажется, костры... Уж не караван ли расположился на постой там, вдали?

Зрение не обмануло Конана. Это оказался караван, идущий из Ианты, столицы богатого Офир-а. На его землях находилось множество рудников, где в огромном количестве добывали чистейшее золото, которым вполне успешно торговали с другими государствами, щедро оплачивали наемников, а также покупали мир и благополучие на границах. Люди там жили сытно и богато, отличались добросердечием. Конечно, как и повсюду, там встречались и мошенники, и злодеи, и хитрецы, но в целом об офирцах шла слава людей мягких и миролюбивых.

Караван, который увидел Конан, вез в Шадизар золото. Он состоял из пятнадцати верблюдов и нескольких лошадей, однако лишь три верблюда везли огромные золотые слитки, остальные животные были нагружены шатрами, снаряжением, запасами провизии и воды, оружием. Купцы намеревались продать в Шадизаре золото и купить на вырученные деньги прекрасные вендийские ткани и ковры, драгоценные и полудрагоценные камни, изделия из металла и кожи, восточные пряности и много-много других товаров, которыми изобиловали шадизарские базары.

Естественно, такое огромное богатство надо было хорошо охранять, и поэтому караван сопровождала сотня вооруженных до зубов воинов.

Это были в основном наемники, возглавляемые офицером Аримиумом. Тридцатипятилетний мужчина высокого роста, могучего телосложения, неглупый и незлобивый, искусно владел и мечом, и луком, однако был совершенно беспощаден к врагам, лентяям и трусам. Он не любил подчиняться кому бы то ни было и привык принимать решения сам, однако редко противоречил начальству в открытую, храня в душе мечту о более высоких должностях. Сейчас его начальником был глава каравана Ульфиус Кеда. Этот пятидесятилетний вельможа, заплывший жиром из-за своего безмерного аппетита и природной лени, столь же важный, сколь и хитрый и коварный, не вызывал у Аримиума добрых чувств, однако заслуженный воин держался с ним вежливо и ни разу не выказал неповиновения, хотя многие распоряжения Ульфиуса считал бессмысленными.

Караван расположился на отдых. Раскинули шатры, самый роскошный из которых, конечно же, занял Ульфиус Кеда, сняли тюки с животных, развели небольшие костры, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, выставили охрану. Путь каравана выдался на редкость спокойным, и поэтому охранники не слишком усердствовали на привалах, уже начиная забывать, когда в последний раз обнажали клинки.

Когда Конан возник в свете костра, возле которого удобно устроился Аримиум, военачальник тут же вскочил на ноги.

— Кто ты? Как ты тут очутился?

— Охрана у вас неважная. Эти слепцы даже не заметили меня.

— Секама! — позвал Аримиум воина, которого поставил во главе стражи.

Звеня доспехами, из темноты выбежал молодой человек и с изумлением уставился на варвара.

— Ты кто такой?

— Это я должен у тебя спросить, — нахмурился Аримиум. — Будешь наказан.

Секама бросил злобный взгляд на Конана, но возражать начальнику не стал и молча удалился. Аримиум повернулся к юноше:

— Так кто ты? И как тебе удалось обойти охрану?

— Я Конан. Киммериец. А такую нерадивую охрану может обойти даже ребенок.

Аримиум поморщился и сжал рукоять меча, висевшего у него на поясе, но промолчал, ожидая, что еще скажет этот юный оборванный нахал. Однако тот, видимо, считал, что ответил на все вопросы. Офирцу пришлось первым нарушить молчание:

— И чего же ты хочешь?

— Караван направляется в Шадизар?

— Да.

— Могу предложить вам свой клинок. В вашем отряде ведь есть наемники?

— А почему ты решил, что нам нужен еще кто-нибудь?

— Я неплохо владею мечом. Да и платы мне большой не надо. Я тоже иду в Шадизар.

На самом деле Конан согласился бы стать охранником только за еду, ибо его пустой желудок уже начал бунтовать, и за кусок хорошего мяса варвар был готов перерезать глотки десятку отчаянных смельчаков. Но гордость не позволяла просто попросить кусок хлеба, а кроме того, он не хотел дальше идти один. Он пережил уже немало приключений и теперь мечтал лишь поскорее добраться до цели.

Аримиум смерил юношу с головы до ног долгим оценивающим взглядом. Конечно же, этот наглец довольно силен, но уж слишком молод... Да и вид его не внушает доверия: грязные лохмотья, потрепанный и явно пустой дорожный мешок, ввалившиеся глаза, спутанные длинные волосы.

Воины, расположившиеся на отдых, тоже с подозрением рассматривали непрошеного гостя, и тот им явно не нравился. Каждый легко мог представить себя на месте провинившегося стражника, а молодость Конана просто выводила их из себя. По мнению многих, он вел себя слишком дерзко и самоуверенно. Видя, что начальник не торопится принять предложение юнца, они начали потихоньку подшучивать над ним, постепенно распаляясь все больше и больше.

— Эй, Утрим, посмотри на этого птенчика! Он, похоже, считает, что один может заменить сотню воинов!

— Конечно, может. И деньги за это загребает немалые. Взгляни, какие у него великолепные доспехи! Он честно заработал их своим мечом.

— Осторожнее, не рассердите молодого льва, а то он сейчас всех нас сожрет!

— Да уж, с голодным хищником лучше не иметь дел.

— А может, покормим его?

И, заготовав во всю глотку, воин бросил в Конана обглоданную кость. Тот молниеносно уклонился, и «угощение» пролетело мимо. Варвар с удовольствием снес бы обидчику голову одним ударом, но сейчас, собрав всю свою волю в кулак, решил не позволять гневу вырваться наружу. Ему нужна была эта работа, нужна еда, и поэтому, словно не слыша насмешек, он неотрывно смотрел на Аримиума. Начальник охраны понял его поведение неправильно, решив, что парень не может постоять за себя, и, усмехнувшись, сказал:

— Нет, мне не нужны младенцы. С нами нет ни одной женщины, и некому будет менять пеленки.

Охранники захохотали так, что даже верблюды испуганно вскочили на ноги. Конан сжал зубы, и желваки заходили на скулах. Он выхватил меч:

— Попробуй испытать меня!

Потом, сообразив, что в этой драке никто не должен погибнуть, предложил:

— Я могу даже не пользоваться мечом. Предлагаю так: твой меч против палки. Найдется у кого-нибудь посох?

Аримиум недоверчиво пожал плечами и тем не менее согласился. Странно, но этот щенок начинал ему нравиться. А если юнец не будет вооружен, то это вполне благовидный предлог, чтобы не убивать его.

На шум из своего шатра выглянул Ульфиус — посмотреть, что там происходит. Не обнаружив ничего интересного, он собрался было вернуться обратно, но в этот миг Конан достал меч из ножен, и Ульфиус вздрогнул: от меча явно исходила магическая энергия.

Ушлый офицер достаточно разбирался в магии, чтобы сразу понять это. Он даже собирал всякие колдовские предметы, не всегда четко представляя их назначение. Однако, будучи человеком не слишком глубокого ума, упивался игрой с неземными силами, дававшей ему иллюзию могущества. Меч сильно заинтересовал Ульфиуса, и он даже с досадой крикнул, когда Конан убрал оружие в ножны. Толстяк решил остаться и понаблюдать, пока не выдавая своего присутствия.

Услышав о предстоящем необычном поединке, к костру, возле которого стояли Конан и Аримиум, стали собираться воины, погонщики и даже купцы. У одного из купцов оказался в руках тяжелый посох с резным золотым набалдашником. Купец, подумав немного, решительно протянул его варвару:

— Это подойдет?

Конан взял посох, взвесил его на руке и уверенно кивнул:

— Вполне. Я верну его тебе в целости и сохранности.

Зрители образовали круг, оставив сражающимся довольно просторную площадку. Аримиум выхватил меч и ринулся в атаку. Конан едва уловимыми движениями легко уходил от выпадов противника, выжидая мига, когда можно будет нанести ощутимый, но не слишком болезненный удар. В конце концов, ему надо было лишь блеснуть мастерством, и он решил показать себя в наилучшем свете.

— Эй! Ты собираешься драться или танцевать? — съехидничал кто-то из зрителей.

Конан даже бровью не повел. Все его внимание сосредоточилось сейчас на оружии Аримиума. Офирец, разозленный тем, что никак не может даже зацепить неуловимого юнца, схватил меч двумя руками, поднял его над головой и подпрыгнул, намереваясь нанести удар сверху. Но Конан не зря внимательно наблюдал за жрецами в Нерушимой Обители. Он снова увернулся и коротким, резким движением, который могли заметить только самые внимательные наблюдатели, опустил посох. Удар пришелся в бок Аримиума, и, если бы не доспехи, ребро, скорее всего, оказалось бы сломанным, так как умерить свою силу молодой варвар так и не сумел. Офирец издал изумленный возглас и покачал головой. Зрители затаили дыхание. Киммериец продолжал кружиться по площадке, толпа возбужденно гудела. Еще одна атака офирца закончилась ничем. Конан снова увернулся, и еще раз,

и еще. Посох, словно живой, бил Аримиума по ногам, груди, рукам, и опытный воин понимал, что, будь у юноши тяжелый меч, ему, Аримиуму, пришлось бы несладко. Снова подняв над головой меч, он решительно бросился вперед, но неожиданно толпа зрителей раздвинулась, и, оттолкнув стоявшего рядом купца, в круг ворвался Ульфиус.

— Остановитесь! — крикнул он, вскидывая над головой руку. — Юноша доказал, что умеет драться. Пусть остается.

* * *

На следующий день, ближе к вечеру, когда караван снова остановился на привал, Конана отыскал щуплый человечек с юркими глазами. Окинув юного варвара взглядом, одновременно опасливым и наглым, человечек сказал:

— Мой господин, высокородный Ульфиус, приглашает тебя в свой шатер.

Как видно, слуге было приказано держаться повежливей с дикарем, а он не понимал, почему должен так себя вести с бродягой, у которого всего и добра-то что меч, да и тот годится разве что на переплавку.

Конан последовал за слугой с большой неохотой. Ему не нравился этот хорек с бегающими глазками, не понравился и его хозяин, хотя киммериец видел его лишь мельком. Какое дело может быть у офирского вельможи, чья мошна лопается от золота и чья власть велика даже в чужих землях, к прохожему голодранцу? Под

началом Ульфиуса и так достаточно головорезов, готовых прикончить любого — только пальцем шевельни. Что-то тут нечисто. Поэтому, отгибая полог шатра из тяжелого узорчатого шелка, варвар дал себе слово держаться настороже: кто знает, какую паутину плетет жирный паук.

Как только Конан оказался в шатре, ноги его утонули в густом ворсе роскошного вендийского ковра. Хозяин полулежал, развалился, на куче разноцветных бархатных подушек. Перед ним на небольшом резном столике стояли тяжелый кувшин из молочно-белого полупрозрачного камня и два золотых кубка. Над бронзовой курильницей вился дымок, распространяя по шатру сладковатый запах благовоний.

Пухлая холеная рука офираца поигрывала золотыми кистями подушки, невольно выдавая беспокойство, которое нельзя было прочесть на лоснящемся жиром лице. Какое-то время гость и хозяин молча рассматривали друг друга. Хотя Ульфиус понимал, что полуголый дикарь полностью в его власти, по его телу пробежала дрожь, когда он встретил дерзкий взгляд синих глаз. Наверное, что-то подобное чувствовал человек, заглянувший в глаза саблезубой кошки. Конечно, возле входа в шатер несли охрану четверо стражников, и стоило ему только крикнуть, как они прикончили бы юнца, хоть тот и показал себя искусным воином. А если варвар успеет все же перерезать ему глотку? Ульфиус судорожно глотнул, словно почувствовал прикосновение холодной стали. Дикарь опасен, очень опасен...

Жаль, что нельзя беседовать с ним в присутствии стражей. Интерес к клинку, ничем внешне не примечательному, может вызвать подозрения. Чего доброго, узнает Аримиум...

— Присядь,— небрежно предложил Ульфиус гостю.— Путь был длинным и утомительным. Отдохни. Давай немного поболтаем.

Конан устроился на ковре, усмехаясь про себя тонкому писклявому голосу вельможи.

— Я позволил тебе идти с караваном, потому что ты позабавил меня, сбив спесь с Аримиума. Этот надутый болван воображает, будто ему нет равных в ратном деле.

— Невелика заслуга,— пожал плечами Конан.— Аримиум дрался вполсилы, потому что не ожидал встретить во мне достойного противника. Он опытный и могучий боец.— «И стоит десятка таких, как ты»,— мысленно добавил киммериец.

— Ну-ну, не скромничай. Хоть ты и юн, сразу видно, что побывал не в одной схватке. Сам я редко берусь за оружие, но люблю посмотреть на хорошую драку или послушать рассказы о подвигах.

«Хорошо, если этот боров, заплывший жиром, знает, с какого конца держать меч,— подумал варвар,— Такие предпочитают загребать жар чужими руками. Хотя он, наверное, все же способен перерезать горло спящему или всадить кинжал в спину».

— Не выпьешь ли вина? — продолжал офирец, поглаживая ухоженную бороду.— В этих степях горло так быстро пересыхает от жары и

пыли. Да, долгий утомительный путь и никаких развлечений, никаких удовольствий, кроме глотка доброго винца... Плесни себе в кубок. Славное вино, пуантенское. Обошлось мне недешево, но стоит того. Я всегда вожу с собой бочонок.— Ульфиус притворно вздохнул и улыбнулся одними губами.— Что поделаешь, слаб, люблю хорошие напитки.

Конан налил себе вина. В глотке действительно першило. К тому же было бы неучтиво ответить отказом, а он не хотел повздорить с офицером из-за ерунды и снова брести в одиночестве через бесплодные и опасные земли. Он поднес кубок ко рту, но только слегка пригубил вино: что, если радушный толстяк не пожалел для гостя яда или сонного зелья?

— Что же ты не пьешь? — спросил Ульфиус, осклабясь.— Боишься отравы? Ну ладно, смотри.— Он приподнялся на локте, наполнил второй кубок, отпил из него и причмокнул губами, закатив глаза, словно испытал неземное блаженство.

Конан залпом осушил кубок. Толстяк не совра, вино было отменным, хотя сам киммериец предпочитал терпкое красное.

— Нет, нет,— затараторил толстяк и замахал руками,— этот божественный нектар нельзя пить, как кислую бурду, которую подают в дешевых тавернах. Его надо вкушать маленькими глотками. Хотя ты еще слишком молод, чтобы понимать толк в хорошем вине... Налей еще. И крохотными глоточками...

«Уж не хочет ли он накачать меня вином допьяна? Но зачем? Чтобы потом зарезать, как барана? Или надеется развязать мне язык? Для этого ему пришлось бы влить в меня бочонок»,— подумал киммериец и наполнил кубок до краев.

— Пей же и расскажи мне, какая земля рождает таких могучих воинов. Откуда ты?

— Из северных земель.

— Вот как,— удивился офицер. Короткие редкие брови поползли вверх, и на какое-то мгновение между припухшими веками и розовыми щеками показались крохотные круглые глазки.— А я-то думал, что тамошние земли населяют светловолосые или рыжеволосые великаны с белой кожей. У нас, в Офире, их охотно нанимают на военную службу, ибо они свирепы и бьются до последнего.

— Ты говоришь, верно, о вонючих псах, живущих в Асгарде и Ванахейме.

— Вонючих псах...— Толстяк захихикал.— Похоже, ты их не жалуешь.

— Они исконные враги моего народа. Насмотрелся я на эту падаль, пока был в плену в Гиперборее.

— Ну, на немедийца или бритунца ты тоже не похож.

— Я киммериец.

— А-а, вот оно что. Воинственное дикое племя горцев, не так ли?

— Да, мы появляемся на свет, чтобы сражаться. Редкий из нас умирает на соломе.

— Кстати, раз уж мы заговорили о сражениях... Меня заинтересовал твой клинок. Любопытная вещь. Старинная, кажется. Я, видишь ли, люблю собирать старый хлам, особенно из металла. Всякие фигурки, светильники, оружие. Ты позволишь мне взглянуть на меч?

Конану совсем не хотелось хотя бы на миг расставаться с оружием. Его передергивало при одной мысли, что эти короткие, как обрубки, пальцы коснутся его меча. С недавних пор в нем окончательно созрело ощущение, что эта холодная серая сталь — неотделимая часть его самого и он не может избавиться от нее, как не может по своей воле лишиться руки или ноги. К тому же это небезопасно. Но как отказать в такой невинной просьбе? И киммериец нехотя протянул клинок толстяку, решив: если тот задумал недоброе, можно на худой конец проломить ему голову увесистым каменным кувшином или запустить в него курильницей.

Сальные руки жадно ощупали рукоятку, погладили лезвие. Лицо офира оставалось невозмутимым, но от взгляда Конана не ускользнуло, что на висках высокородного проступил пот, а в глазах появился лихорадочный блеск. Но, видимо, в роду Ульфиуса были не только вельможи, но и торгаши, потому что офирец, построив равнодушную мину, проговорил:

— Он не так хорош, как мне казалось. Старинной работы, но ничего особенного. Впрочем, я мог бы дать за него золотой, просто из расположения к тебе.

Конан молчал.

— Хорошо. Пять. Я богатый человек и могу позволить себе маленькие прихоти, даже нелепые.

Киммериец только покачал головой.

— Сколько же ты хочешь за эту старую железку?

— Ровным счетом ничего. Этот клинок уже не раз выручал меня, и я с ним не расстанусь.

— Что ж, считай, что ты упустил удачный случай сбыть с рук этот хлам. Не выпить ли нам еще вина?

Наполняя вином кубки, Ульфиус лихорадочно соображал, как завладеть клинком, не привлекая к нему внимания. Если Аримиум или кто-то из наемников хотя бы заподозрит, какая мощь заключена в мече, множество жадных рук потянется к нему. То ощущение, которое пронзило его, когда он первый раз увидел оружие в руках варвара, было верным. Как хорошо, что никто в караване и понятия не имеет о магии. Конечно, и сам он только слегка приблизился к тайному знанию. В свое время он скрывал в потаенных покоях своего дома в Ианте стигийского жреца, изгнанного за пределы Стикса. Стигиец ценил мрачные тайны Змееголового гораздо ниже радостей плоти. К сожалению, от него пришлось избавиться: он стал слишком требовательным, вино поглощал бочонками, без конца обжирался и даже начал поглядывать на женщин, обитавших в доме. К тому же Ульфиус опасался, что слуги что-нибудь пронюхают и разболтают и тогда на него ополчатся

жрецы Митры. Жаль, очень жаль, он не успел многого почерпнуть из косноязычных объяснений вечно пьяного слуги Сета. Конечно, с тех пор он усердно собирал, не жалея денег, старинные пергаменты, но в них столько неясного...

Тем не менее он знал достаточно, чтобы осознать: меч — средоточие могущества, власти, огромной власти. Не понятно, как проявляет себя сила, заключенная в мече, что именно она несет тому, кто владеет клинком, но это не смущало офирца. Главное — заполучить меч, а там уж он разберется во всем, пороется в манускриптах... К счастью, этот тупой полуголый дикарь, кажется, не понимает, каким сокровищем обладает, иначе он бы уже вел за собой дикие орды в набег. Если меч и обнаруживал необычайные свойства, варвар, скорее всего, по скудоумию приписал себе заслуги магической силы. Жаль, что он не соблазнился деньгами... Повстречайся они в Ианте, Ульфиус и не подумал бы торговаться — верные ему люди закололи бы бродягу в темном закоулке и принесли меч хозяину, не задавая лишних вопросов. Однако наемников, сопровождавших караван, отбирал Аримиум, и те предавались ему, как псы. Он, Ульфиус, не может отдавать приказания этим негодьям. А их начальник, похоже, взял киммерийца под свое покровительство.

— Скажи, а где ты раздобыл это старье? Наверно, вытащил из кучи лома, предназначенного на переплавку. Только не говори, что купил его.

— Этот меч я завоевал в честном поединке.

— Ха, значит, какой-то недотепа лишился жизни из-за такого хлама?

— Я бы так не сказал, — не сразу ответил киммериец, подумав, что нельзя отнять жизнь у мертвеца.

— Какая жалость! А я уже надеялся услышать историю о том, как ты снес ему голову или выпустил кишки. Люблю послушать что-нибудь эдакое. Горячит кровь.

Конан, едва сдержавшись, чтобы не наговорить дерзостей, ответил просто:

— Я не мастер рассказывать истории.

— Конечно, конечно, за тебя говорит сталь, мой юный герой. Мне горько думать, что такой храбрец должен довольствоваться жалким оружием. Знаешь, я чувствую к тебе большое расположение. По годам ты мог бы быть мне сыном. — Тут Конан мысленно вознес хвалу Крому и всем Светлым Богам за то, что был зачат не этой горой жира, которая словно растеклась перед ним по подушкам. — Да, я всегда мечтал иметь такого сына. Я хочу сделать тебе подарок. Золоченые доспехи, шлем и какое-нибудь оружие. Больше всего тебе подошли бы секира и палица. Да, да, именно секира! Могучее оружие в могучих руках. Увы, я не вожу с собой таких вещей. Но кое-что у меня есть. Броко! — В шатер тотчас проскользнул похожий на хорька слуга. Стремительность, с которой он появился, наводила на мысль, что все время хлипкий человечек подслушивал где-то поблизости. — Открой мой сундук и покажи гостю клинки, которые лежат сверху, завернутые в шелк.

Изображая всем своим видом, что лично он не дал бы оборванцу даже кусок кизяка для костра, слуга извлек из сундука сначала кривую туранскую саблю, затем диковинного вида меч с волнистым клинком, пару кинжалов, зингарскую ламину. Все это было дорогое оружие, украшенное драгоценными камнями, накладками из золота и серебра в виде звериных морд, священных символов и орнаментов.

— Выбирай, не смущайся,— предложил офирец.— А этот твой меч... Что же с ним делать? Думаю, ты не сможешь всучить его даже слепому. Но и бросать жалко. Оставь его мне. Я сохраню его в память о нашей встрече.

— Ты очень щедр, благородный Ульфиус,— усмехнулся варвар.— Но я не могу принять твой дар. Конечно, мой меч не стоит и десятой доли того, что можно выручить за твоё оружие. Но я к нему привык. А это все игрушки, которые таскают на поясе богатые бездельники, чтобы их не перепутали с женщинами.

Офирец чуть не изошел желчью. Вольно или невольно Конан угодил в больное место. Сколько Ульфиус помнил себя, он всегда боялся. Он окружал себя оружием, увешивал им стены роскошного дома в Ианте, играл с ним, лаская металл, как женскую кожу. Он не мог уснуть, если пальцы его не нащупывали рукоятку кинжала под подушкой. Ничто иное не будило в нем такого бесшешеного вожделения, потому что оружие дарило ему иллюзию силы. Но рядом с людьми, подобными Аримиуму или киммерийцу, эта иллюзия та-

яла, и Ульфиус ненавидел их так же сильно, как и боялся.

Офирец закудаhtал, изображая смех, и даже вытер воображаемые слезы:

— Ты прав, прав тысячу раз. Не все обладают таким львиным сердцем, какое бьется в твоей груди. Слабые люди должны искать себе опору в оружии или вине. А есть еще такое зелье... Его привозят из Кхитая и Вендии. Очень дорогое, но одна щепотка дарит блаженство, которого не изведать даже с самой прекрасной женщиной. Черный лотос делает счастливым любого, труса превращает в храбреца, а смельчака уподобляет богам. Я иногда позволяю себе капельку. Не хочешь ли попробовать?

— Благодарю, но я бы лучше отдохнул.— Киммериец решительно поднялся.— Небезопасно, знаешь ли, тешить себя сладкими снами, когда кругом так много коварных людей.

Прежде чем уснуть, Конан долго ворочался. Неприхотливый варвар был приучен суровой жизнью мгновенно погружаться в сон, что бы ни служило ему ложем — охапка гнилой соломы или голая земля. Но сейчас его лишали сна тревожные мысли. Офирец хотел во что бы то ни стало заполучить меч. Зачем? Добавить еще одну игрушку к тем, что таскает с собой в сундуке? Чтс им движет — пустая прихоть праздного толстосу-ма, который привык потакать своим капризам, или тайный умысел? Не знается ли высокородный с Темными Силами, которые открыли ему то, что Конан узнал благодаря вендийцу? Если

это так. Ульфиус не оставит попыток завладеть мечом. Странно, что он еще не приказал охранникам попросту отобрать клинок у оборванца. Наверное, побоялся открыться кому бы то ни было. В любом случае нужно быть осторожным...

Усталость взяла свое, и киммерийца сморил сон. И всю ночь ему снился тот, кто когда-то владел мечом. Теперь вместо рабского ошейника он носил ожерелье из золотых самородков. Он вел за собой воинов в далекие земли, чтобы предать огню и мечу города и селения. Он носился по полю битвы, как вихрь. И везде горы мертвых тел отмечали его путь, путь Смерти. Его клинок косил людей, как траву, и делал своего хозяина неуязвимым. Ни стрела, ни копье, ни меч не могли пробить невидимой оболочки, которая защищала черноволосого гиганта надежнее самых тяжелых доспехов. Вчерашний раб обрел великую славу, богатство и далеко простер пределы своих владений.

И когда юный варвар пробудился на рассвете, улыбка торжества играла на его губах. Теперь он твердо знал, что никогда не расстанется с мечом. Он тоже когда-то был рабом, испытал унижения и голод. Он знал, как это страшно — не иметь права распоряжаться своей судьбой. И теперь совсем не важно, кто — светлый Митра, суровый Кром, злобный Сет или мрачный Нергал — дал ему возможность вознестись над простыми смертными. И все это благодаря мечу, с которым жадный мертвец так упорно не хотел расстаться.

* * *

Дни медленно тянулись один за другим. Караван шел по безлюдной местности, дикие звери здесь, похоже, не водились, и охрана изнывала от бездействия. Конан, никогда еще за свою короткую, но насыщенную бурными событиями жизнь не ведавший столь долгого покоя, казалось, наконец-то мог отдохнуть. Но ему приходилось все время держаться настороже. Он понимал, что Ульфиус не отстанет от него. Вельможа, привыкший потакать даже мелким своим прихотям, на сей раз, похоже, серьезно заинтересовался оружием киммерийца. Юноша постоянно чувствовал, что толстяк неотрывно следит за каждым его шагом: всюду, куда бы варвар ни направлялся, он постоянно натывался на Брок, который тут же делал вид, что спешит по каким-то своим делам.

Ко всему прочему отношения с воинами, охранявшими караван, не складывались. Независимый нрав варвара раздражал очень многих, а его неоспоримое воинское искусство, сила и смелость вызывали жгучую зависть. Он сам казался себе волком, попавшим в стаю шакалов, и понимал, что при первом удобном случае любой из наемников с удовольствием воткнет ему в спину кинжал. Единственным человеком, проявлявшим к нему хоть сдержанную, но все же симпатию, был Аримиум. Родившийся и выросший в благополучном и богатом Офире, бывалый воин никогда не знал и даже не мог себе представить в полной мере всех испытаний, о которых однажды скуп

и неохотно рассказал ему киммериец. Юноша не сломался, сумел закалиться в огне кошмара, который ему пришлось пережить, и это вызывало у офираца невольное уважение к варвару. Сотник так и не обзавелся семьей и теперь, украдкой поглядывая на Конана, думал, что не отказался бы иметь такого сына, с которым хорошо драться рука об руку, которому можно во всем доверять. Однако сотник скорее согласился бы отрубить себе руку, чем дать волю чувствам, и киммериец мог только догадываться, что здесь у него есть друг.

Но если Ариниум тщательно скрывал свое расположение к Конану, то Ульфиус, наоборот, из всех сил стремился показать, как любезен его сердцу юный варвар. Мысль о мече, излучающем столь сильную магическую энергию, не давала сановнику покоя, он плохо спал, почти потерял свой знаменитый аппетит, и даже тонкие вина не радовали его. Приятели Ульфиуса решили бы, что он тяжело болен. Да, у его болезни было вполне определенное название: зависть. Он мучился оттого, что вожаденная вещь находится не у него в руках, и лихорадочно пытался придумать, каким образом уговорить, обмануть или запугать киммерийца. Он строил хитрые, как ему казалось, планы, но тут же сам отказывался от них, присматривался к варвару, стараясь понять, есть ли у того слабости и можно ли их использовать, и даже подумывал, не заплатить ли кому-нибудь из охранников, чтобы тот втихомолку перерезал Конану горло и принес ему, Ульфиусу,

меч. Но сановник не хотел раньше времени показывать свой интерес к оружию киммерийца. Наконец, измучившись до предела, Ульфиус придумал. Он согласился пожертвовать одной из своих диковин, чтобы сделать Конану предложение, против которого, как думал офирец, варвар не сможет устоять.

Закончился еще один долгий день. Вновь зажгли костры, и путники устроились возле них, чтобы отдохнуть и поужинать. Конан сидел в стороне от всех, мрачно пережевывая лепешку и задумчиво глядя вдаль. Ему страшно надоел этот бесконечный путь, хотелось поскорей увидеть Шадизар, погулять в таверне и наконец-то провести ночь не под открытым небом, а в мягкой постели, в объятиях жаркой и податливой девицы. Варвар представил, как его руки ласкают пышную упругую грудь, сжимают гибкую талию, пробегают по нежному горячему бедру. Он почувствовал такое острое желание, что глаза заволокло туман, а голова закружилась. Чтобы отогнать навязчивое видение, Конан сильно тряхнул головой и яростно впился зубами в лепешку, стараясь думать о чем-нибудь другом.

— Эй, варвар, тебя зовет господин.

Конан обернулся и увидел Брокю.

— Зачем я ему нужен? — хмуро спросил киммериец.

— Я не задаю господину лишних вопросов. Он велел тебя позвать, а зачем — не мое дело. Я не любопытен.

Броко, конечно же, кривил душой. Более любопытного человека найти было очень и очень трудно. Подсматривать и подслушивать — это он любил больше всего на свете и потому догадывался, что надо Ульфиусу от киммерийца, так как видел мучения своего господина и слышал, как тот, забывшись, говорил сам с собой. Правда, Броко далеко не все понял, но и этого было достаточно, чтобы дрожать от предвкушения великой тайны, которая могла открыться ему сегодня вечером.

— Поторопись, Ульфиус. Кеда не любит ждать.

— Я еще не поужинал.

— В шатре хозяина приготовлено угощение для тебя. И хорошее вино. У господина не бывает плохого вина. Да и поесть он любит вкусно и сытно. Тебя ждет ужин, о каком ты и не мечтал, дикарь.

Как бы ни был неприятен Конану Ульфиус, провести вечер в его шатре, да еще и с хорошим угощением, было намного лучше, чем сидеть у костра и выслушивать тупые шутки этих шакалов, с каждым из которых киммериец с удовольствием поговорил бы один на один. Варвар стремительно поднялся на ноги.

— Идем.

Стражники, стоявшие возле входа в шатер, смерили Конана злобными взглядами, но молча расступились, пропуская его, так как слышали, что Ульфиус поручил Броко привести варвара. Юркий слуга попытался было тоже проскользнуть в шатер, но сановник резким окриком оста-

новил его, приказав оставить их с гостем наедине. Броко вынужден был поклониться и, пятясь, покинуть шатер. Постояв чуть-чуть возле входа, он вдруг хитро улыбнулся, кивнул, как бы отвечая на свои мысли, и быстро-быстро мелкими шажками потрусил к противоположной от входа стороне. Там он выбрал только ему известное место, где в тяжелой ткани шатра была проделана крохотная дырочка, и, прикинув к ней, весь обратился в слух.

Ульфиус с кряхтением поднял свое грузное тело с подушек и, сладчайше улыбаясь, шагнул навстречу гостю.

— Рад тебя видеть. Мне стало скучно и вновь захотелось поговорить с человеком, который видел так много интересного. Присаживайся, угощайся. Вот вино. Этот божественный напиток располагает к долгой теплой беседе.

Конан хмуро посмотрел на приветливого хозяина, но чарующий запах, исходивший от умело приготовленных блюд, и аромат золотистого тонкого вина изменили его настроение, и он, устроившись поудобнее на мягком ковре и положив под локоть вышитую бархатную подушку, взял предложенный кубок, понюхал вино и сделал большой глоток. От нежнейшего напитка по телу растеклось приятное тепло.

— Помнишь, я говорил тебе, что собираю редкости? — начал разговор Ульфиус. — Хочешь посмотреть некоторые безделушки? Их я вожу с собой — иногда они помогают скрасить скуку и однообразие долгого пути.

Конан кивнул и сделал еще глоток. Его мало интересовали пристрастия толстяка, но он подумал, что отказываться невежливо, а раз уж он принял приглашение офирца, то обижать хозяина не следует. И хоть варвар не любил болтунов, он все же понимал, что иногда чрезмерно словоохотливый собеседник может оказаться полезным. Как знать, не проговорится ли Ульфиус, зачем ему так нужен внешне ничем не примечательный клинок. А вдруг это вовсе не прихоть? Демоны коварны, они могут действовать руками и самого ничтожнейшего из людей. Может, не стоит вообще иметь никаких дел с этим вельможей? Впрочем, время покажет. Киммериец не сомневался ни на йоту, что в любом случае сумеет постоять за себя.

Пока он размышлял, Ульфиус успел открыть один из сундуков и извлечь из него прекрасный золотой светильник тонкой работы. Конан вежливости ради изобразил заинтересованность. Сановник пояснил:

— Это не простой светильник. Любой человек, которому приходится много путешествовать, согласился бы заплатить за него большие деньги. Дело в том, что тот, кто им владеет, никогда не собьется с пути и никогда не замерзнет, даже если ему придется ночевать в снегу.

— Интересная вещица,— согласился варвар.— Но если человек не может найти дорогу и боится замерзнуть, словно избалованная женщина, ему лучше вообще оставаться дома. Вольные пути не для таких.

Ульфиус ничего не ответил, убрал светильник на место и достал из сундука красивую серебряную чашу.

— Посмотри,— обратился он к гостю,— если знать одно-единственное, очень коротенькое, заклинание, такое простое, что его легко запомнит даже ребенок, эта чаша мгновенно наполнится вином или соком. Причем тем вином, какое ты пожелаешь, или соком тех фруктов, которых ты даже никогда не видел.

Конан усмехнулся:

— Вино — плохой спутник. Тому, кто отваживается в одиночку отправиться в путь, надо иметь ясную голову и зоркие глаза. Никогда не знаешь, что тебя ждет впереди.

Офирец досадливо поморщился, но и на сей раз промолчал, аккуратно положил чашу в сундук и извлек оттуда хрустальный сосуд.

— Этот сосуд никогда не бывает пустым. В нем всегда есть чистая родниковая вода, свежая и прохладная, стоит лишь правильно попросить.

Конан вспомнил те кошмарные дни, когда чуть не погиб от жажды, и сказал:

— Пожалуй, это наиболее полезная вещь. Но таскать с собой хрусталь... Он ведь может и разбиться. Да и идти налегке проще.

— Это еще не все. Смотри.— С этими словами Ульфиус протянул варвару рог, выполненный из слоновой кости, покрытый тонкой и изящной резьбой.— Хозяин этого рога никогда не будет голодным. Произнеси пару магических фраз — и

у тебя всегда будет еда. Любая, какую только сможешь представить.

— Забавная штучка,— кивнул дерзкий юнец.— Если ты не можешь сам раздобыть еду, можно валяться на подушках и обжираться до обморока. К тому же это все колдовские игрушки, а я всегда предпочитал меч заклинаниям.

— Тебе приходилось сталкиваться с магией? — поинтересовался Ульфиус, и по его лицу, как он ни старался это скрыть, пробежала тень беспокойства: а вдруг молодой дикарь знает, что владеет непрым оружием?

— Приходилось. И не раз.

— Ты не хотел бы рассказать мне об этом? — Офирец даже задрожал от нетерпения.

Конан задумался. Он вспомнил мрачные пещеры, в которых обитали колдун Катамаи Рей и ведьма Чунта, и перед его глазами неожиданно встала прелестная Элаши, так щедро дарившая ему любовь. Он даже тряхнул головой. Определенно, сегодня все женщины мира словно сговорились дразнить его. Что за наваждение! Ульфиус заметил, как переменялось настроение гостя:

— Тебе неприятно об этом вспоминать?

— Да нет,— досадливо поморщившись, ответил киммериец.— Так, вспомнилась одна женщина...

— Женщина? — оживился офирец.— О! Я знал многих прелестниц...

Хитрый сановник мгновенно понял, что может предложить варвару в обмен на меч. У него была одна вещь, которой он не очень дорожил, считая

ее пустячком, безделицей. Собирая предметы, обладающие магической энергией, Ульфиус надеялся наткнуться на что-нибудь, что может дать ему власть, или силу, или секрет вечной жизни. А эта безделушка скорее могла развлечь, подарить мимолетную радость, даже блаженство, но все это можно приобрести, не прибегая к магии. Его денег хватило бы на развлечения сотен и сотен человек. Он едва удержался, чтобы не потерять руки от удовольствия. Конан удивленно посмотрел на него, но промолчал.

— Я тебе сейчас покажу кое-что,— еле сдерживая душившую его радость, сказал Ульфиус.— Я собираю эти интересные игрушки давно и незадолго до отъезда из Офира приобрел одну вещицу. Ни один мужчина, в котором течет горячая кровь, не отказался бы от нее. Сейчас ты поймешь почему.

С этими словами он взял небольшую шкатулку и достал из нее фигурку какого-то уродливого существа явно мужского пола, единственную одежду которого составляло тончайшее ожерелье из крохотных разноцветных камушков. Ульфиус сложил ладони лодочкой, так чтобы фигурка поместилась на ее дне, быстро-быстро что-то прошептал и поставил фигурку на ковер. Мгновение спустя фигурка вздрогнула и начала расти, пока не достигла размеров десятилетнего ребенка. Затем существо поклонилось Ульфиусу и гулким басом спросило:

— Чего желает мой господин?

— Дай мне ожерелье,— приказал офирец.

С глубоким поклоном существо протянуло ему яркое разноцветное ожерелье, сделало шаг в сторону, уселось на ковер, поджав ноги, и застыло, словно жизнь снова покинула его. Ульфиус показал Конану ожерелье. Тот равнодушно пожал плечами: драгоценные камни мало интересовали его, ибо он плохо в них разбирался. Офирец растегнул замысловатую резную застежку и снял с нитки ярко-красный рубин. Положив его на ковер, толстяк нагнулся и снова шепотом произнес еще одно заклинание. Внутри камня загорелся алый огонек, он становился все ярче и ярче, затем рубин завертелся, словно его подхватил смерч, и вспыхнул ярким пламенем. Когда пламя стихло, на месте драгоценного камня стояла девушка с ослепительно рыжими волосами и нежной розовой кожей. Формы ее были совершенны, нагота вызывала восторг. Откуда-то полилась мелодия, и девушка закружилась в быстром танце. Варвар не отрываясь смотрел на красавицу, что казалась ему пределом мечтаний, сокровищем, за которое можно отдать жизнь.

Мелодия оборвалась так же неожиданно, как и началась, и девушка застыла в глубоком поклоне. Но это длилось недолго. По обворожительному телу пробежала дрожь, пламя охватило хрупкую фигурку, и через мгновение там, где только что стояла прелестная танцовщица, лежал ярко-красный рубин.

— Это женщина Огня,— пояснил Ульфиус ошеломленному Конану.— Она принадлежит тому, кто держит в руках ожерелье. В ее жилах

течет не кровь, а пламенная страсть. Познавший ее любовь может смело утверждать, что ему ведомо высшее блаженство.

Ульфиус снял с нитки темно-синий сапфир. Снова прозвучало заклинание, и теперь в синем камне вспыхнул яркий огонек. Камень начал быстро увеличиваться, его идеально отшлифованные грани покрылись замысловатым узором, затем узор распался, и из камня шагнула женщина с ярко-синими глазами и волосами цвета утреннего тумана. Опять полилась мелодия, но на сей раз совершенно иная. Движения женщины были резкими, решительными, они манили и зачаровывали своей силой. Казалось, танцовщицей управляет сама стихия. Изящные руки трепетали в воздухе, словно крылья, маленькие ножки едва касались ковра, красавица парила подобно птице. На середине танца мелодия неожиданно оборвалась, и скоро на пушистом ковре поблескивал мелкими гранями холодный синий сапфир.

— Это женщина Воздуха,— сказал Ульфиус.— Она тоже рабыня ожерелья. Только ей ведомы нежнейшие убаюкивающие ласки, каких не испытывал ни один смертный. Она может пробудить мужскую силу даже в том, кто уже давно забыл, что такое любовные утехы.

Конан молча смотрел. Казалось, у него язык прилип к гортани. Его изумлению не было предела, а желание, овладевшее им, когда он сидел у костра, теперь жгло так сильно, что киммериец уже не мог думать ни о чем другом. Офирец истолковал молчание гостя по-своему и снял с

нити ожерелья следующий камень. Это был прозрачный аквамарин. Очередное заклинание вызвало к жизни очаровательную девушку с ослепительно белой кожей и зелеными волосами. В звуках музыки, под которую она исполняла плавный медленный танец, слышалось журчание ручья, а сама танцовщица представлялась зачарованному зрителю глотком живительной влаги. Замерев одновременно с последней нотой, девушка отвесила глубокий поклон и вновь обернулась голубым камнем.

— Это женщина Воды. Тот, кто познал ее любовь, никогда не будет утомленным и измученным, ибо она, отдавая себя, отдает и свои силы, при этом не теряя их.

У Конана перехватило дыхание. Ноздри его трепетали, острое желание волнами прокатывалось по телу, бросая то в жар, то в холод. Варвар никогда еще не видел столь прекрасных женщин, за возможность обладать ими он готов был заплатить любую цену. Ульфиус наконец-то правильно понял напряженное молчание гостя и, возликовав в душе, сдернул с нитки следующий камень. Черный алмаз поражал великолепием. Офирец дрожащим от волнения голосом произносил совершенно непонятные киммерийцу слова, и алмаз постепенно окутывался туманом, сначала легким, белесым, затем все более и более густым. Потом туман исчез, сразу, словно его вовсе и не было, и Конан увидел женщину, каких ему еще никогда не приходилось встречать: высокую, крутобедрую, с упругой пышной грудью и очень

тонкой талией. Но не это поразило варвара. Кожа красавицы была темно-коричневой, блестя, словно смазанная маслом, и вместе с тем казалась бархатной. Танца, который она исполняла, Конан не видел и пришел в себя, только услышав визгливый фальцет гостеприимного хозяина:

— Это женщина Земли. Она тоже рабыня ожерелья. Но она отличается от тех, кого ты уже видел, ибо никому не дарит свою любовь. Ее ласки надо заслужить. Она будет преданной лишь настоящему герою, храброму, честному, решительному.

Варвар шумно сглотнул и попытался заговорить, но из его горла вырвался только сдавленный хрип. Прокашлявшись, киммериец все же сумел выдать из себя:

— Чего ты хочешь за них?

— погоди,— усмехнулся Ульфиус, стараясь продлить удовольствие от победы.— В ожерелье есть еще камни. Не хочешь ли взглянуть на них?

— Я достаточно насмотрелся на всякие чудеса. Больше мне ничего не надо. Так чего же ты хочешь?

— Могу предложить обмен.

— У меня ничего нет.

— Есть, есть. Я отдам тебе ожерелье и обучу заклинаниям, вызывающим этих красоток, а ты дашь мне меч. Тебе легко будет добыть другое оружие.

Конан был согласен на все. Юноша потянулся за мечом, но едва рука коснулась рукояти, как голова прояснилась, терзавшее его желание ис-

чезло, и он понял, что не сможет даже достать оружие из ножен. Никогда и ни за какие сокровища он не расстанется с ним. Это было выше его сил.

— Нет,— покачал он головой.

Офирец, который уже мысленно держал меч в своих руках, рассвирепел:

— Ты упрямый выродок, сын шакала и змеи! Убирайся! Ты еще заплатишь за свое тупое упрямство!

Конан резко поднялся на ноги, швырнул кубок с вином под ноги Ульфиуса и молча покинул шатер.

Полог еще трепыхался, когда цепкая рука отодвинула его и внутрь заглянула острая плутоватая мордочка. Брокко подобострастно улыбнулся.

— Да простит меня мой господин...

Ульфиус злобно посмотрел на слугу:

— Что тебе надо?

— Позволь мне войти.

— Заходи.

— Да простит меня мой господин еще раз, но я совершенно случайно слышал обрывки вашего разговора. Господину нужен меч? Я знаю, как можно наказать нахала и завладеть его оружием. Не соизволит ли господин выслушать неразумного раба?

* * *

Несмотря на досаду и раздражение, вызванные разговором с назойливым офирцем, Конан заснул мгновенно, и лишь стояло ему сомкнуть веки,

как новое видение посетило его. Варвару снова пригрезились черный лес, поляна и капище. В окружении высоких серых камней стоял хозяин меча, а возле жертвенника кружилась в дикой пляске старая ведьма. На каменной плите был распростерт юноша, черноволосый и смуглый. Его тело покрывали кровавые знаки. И снова голубые искры побежали по серым камням, чтобы слиться в мерцающие шары и дать начало колдовскому вихрю. Голубой смерч возник над жертвенником и вдруг понесся прямо к великому воителю. Меч сам собой выскользнул из ножен, увлекаемый магической спиралью, и та вознесла его высоко над капищем, а потом метнула вниз. Оцепенев от ужаса, владыка следил за стремительным падением жала Смерти. Он рванулся к плите, но было поздно: сталь уже впилась в тело юноши, поразив его прямо в сердце. Могучие руки выдернули клинок из мертвой груди, безумные глаза бежали каменный круг. Владыка искал ведьму, чтобы излить на нее бешеный гнев. И глазам его предстал облаченный в рубище скелет, который приплясывал возле жертвенника. Могучая рука описала полукруг и снесла череп. Она взлетала и опускалась, пока землю возле жертвенника не усеяло костяное крошево...

Вереница людей тянулась через лес, направляясь к пещере, чей черный зев зиял в склоне холма. Люди ныряли в темную пасть, оставляя в ней тяжелые сундуки, резные кресла из темного дерева и прочий скарб. Затем в пещеру вкатили боевую колесницу. Когда последний человек вы-

шел из-под мрачных сводов, владыка, до сих пор восседавший на коне, спешился и приблизился к сопровождавшим. Люди падали перед ним на колени и целовали руку господина. Лицо его оставалось бесстрастным, уста хранили молчание. Приняв последнюю дань поклонения, он повернулся к своим подданным спиной и навсегда исчез во мраке. Человеческий муравейник снова пришел в движение. Люди катили ко входу в пещеру огромные каменные глыбы, и вскоре черное отверстие скрылось за нагромождением серых валунов...

От едва уловимого шороха Конан мгновенно проснулся. Солнце уже поднималось над горизонтом, и в сером свете занимавшегося утра киммериец увидел скорчившуюся возле его дорожного мешка фигуру. Молниеносным движением он выкинул руку, схватил непрошеного гостя за шею и сильным рывком повернул голову к себе, едва не сломав бедняге хребет. Крысиная мордочка Броко побагровела, но тут же кровь отлила от впалых щек, и они стали мертвенно бледными.

— Не убивай меня,— залепетал несчастный.— Я все объясню.

Не ослабляя железной хватки, варвар тряхнул тщедушное тельце.

— Только не выкручивайся и не ври. Первое же лживое слово станет для тебя последним.

— Господин послал меня. Твой меч не дает ему покоя.

— И ты, дохлая крыса, хотел его украсть?

Конан едва сдержался, чтобы не расхохотаться. Достойного противника он вызвал бы на поединок, а марать руки об это жалкое подобие человека воину не пристало. Киммериец встал, поднял насмерть перепуганного Броко за шиворот, развернул его и с явным удовольствием дал ему хорошего пинка под зад. Взвизгнув, тот отлетел довольно далеко, шлепнулся на землю и на четвереньках быстро-быстро пополз к шатру своего господина. Киммериец посмотрел ему вслед, усмехнулся и снова улегся, собираясь досмотреть удивительный сон, прерванный столь неожиданно. Все произошло так быстро и так тихо, что никто вокруг ничего не услышал. Все продолжали спать.

Когда Конан снова проснулся, уже стояло спокойное солнечное утро. Он сладко потянулся и, вспомнив события минувшей ночи, задумался. Если офирец решил пойти на откровенное воровство, то он точно не отступится. Покидать караван варвару не хотелось, тем более что путь проделан был уже немалый и до Шадизара оставалось всего несколько дней перехода. Много рассуждать Конан не привык и, так и не придя ни к какому решению, отправился завтракать. Не успел он сделать и нескольких шагов, как полог шатра Ульфиуса откинулся, оттуда выскочил раскрасневшийся толстяк и завопил во всю мощь своих легких:

— Вор! Негодяй! Я принял его как лучшего гостя, кормил и поил, а он обворовал меня, грязный шакал!

Конан огляделся по сторонам, пытаясь понять, на кого обрушился гнев сановника, и искренне изумился, когда увидел, что толстый палец с огромным золотым перстнем-печаткой показывает прямо на него. Варвар не считал предосудительными ни воровство, ни убийство, ни грабеж, но клеветников ненавидел всей душой. Считая оправдания ниже своего достоинства, он решительно повернулся к своему дорожному мешку, схватил его и резким движением вывернул наизнанку. Из пустого еще вчера мешка с гулким стуком вывалилась серебряная чаша, которую Ульфиус показывал ему накануне. Конан мгновенно понял, что делал Броко ночью возле его вещей. В глазах у киммерийца потемнело.

Офирец подбежал к находке, высоко поднял ее над головой и заверещал:

— Все видели? Все? Гнусный вор! Так ты отплатил мне за госте...

Но он не успел договорить фразу до конца. Меч варвара, словно сам по себе вылетевший из ножен, снес Ульфиусу голову. Кровь брызнула из огромной раны и окатила Конана с головы до ног. Бешеная ярость всколыхнулась в душе варвара, а по его оружию побежали голубые блики. Колдовской меч, откликнувшись на зов души хозяина-побратима, проснулся и возжаждал крови.

Первый же бросившийся к киммерийцу воин не успел даже нанести удар и упал к ногам варвара с разрубленным черепом. Вперед выступил Секама, давно таивший злобу на Конана, но едва он поднял оружие, как сталь вспорола ему живот,

и из открывшейся раны вывалились дымящиеся внутренности...

Конан стоял, как скала, и лишь блеск металла показывал, что он вооружен, настолько быстро работал он мечом. С диким яростным воплем к нему подскочил следующий смельчак, но крик его тут же оборвался: из головы, разрубленной пополам, брызнули мозги. Глаза варвара застилал гнев, он видел все как в тумане, и лишь рубил, колол, не отдавая себе отчета в том, что делает.

Вот он отбил чью-то занесенную над его головой саблю, вот чья-то рука, все еще сжимавшая рукоять, взвилась в воздух и, описав дугу, шлепнулась кому-то прямо в лицо, вот его меч мягко вошел в чью-то грудь, еще в одну, еще... Он кромсал плоть, как мясник. Руки, ноги, головы, — вокруг Конана, быстро увеличиваясь, росла страшная кровавая груда.

Кто-то бросил в киммерийца остро отточенный боевой топор, но меч варвара, сверкнув в воздухе, легко отбил удар, и топор вонзился в шею одного из воинов. Словно заколдованный, стоял Конан среди нападавших. Никакое оружие не причиняло ему вреда, ни одной раны не получил он, хотя число поверженных противников росло с каждым мгновением. Ноздри Конана трепетали. Запах крови будоражил его, ему хотелось убивать, уничтожать все живое.

Прямо перед ним возник Аримиум. Выхватив из ножен свой меч, офирец бросился на варвара. Их клинки скрестились, высекая искры, и за-

мелькали над головами так быстро, что даже очень зоркие глаза не могли бы их различить. Армиум продержался дольше остальных, но вот и он упал, а из раны на боку, где меч киммерийца пробил тонкие позолоченные доспехи, густым потоком полилась кровь. Однако сильный офирец еще был жив. Он приподнял голову и протянул к Конану руку, словно что-то хотел сказать, но молниеносный удар колдовского меча не дал ему этого сделать.

Дикая, яростная, неудержимая бойня продолжалась. Вскоре все воины, сопровождавшие караван, были мертвы. Купцы и погонщики, слегка опомнившись от первого ужаса, пытались сопротивляться, отстаивая свое право на жизнь, но никто из них не мог совладать с Конаном, который подобно неуязвимому призраку сеял смерть... Люди метались из стороны в сторону, крича от безумного страха, сталкивались, падали, вставали, хватали друг друга за руки. Среди всего этого хаоса, как демон Смерти, носился киммериец, не ведающий жалости. Никому не удалось избежать страшной участи.

Лошади и верблюды, напуганные криками, запахом и видом крови, тоже метались в беспорядке, давя в суматохе тех, кто еще дышал. Страшный меч не пощадил никого, и лишь когда на месте стоянки каравана не осталось ни одной живой души, насытившийся кровью клинок плавно скользнул в ножны. И тут Конан словно проснулся. Он вытащил из ножен меч и изумился, увидев, что на нем нет ни следов крови, ни зазуб-

рин, какие обычно остаются после ударов по металлическим доспехам.

— Вот это оружие! — воскликнул варвар. — С ним я могу один выходить против целого войска! Я теперь непобедим!

Среди кровавого месива валялись огромные золотые слитки, выпавшие из тюков. Конан подошел к одному из них, попробовал приподнять, но, словно спохватившись, бросил. «Зачем мне лишняя тяжесть? — подумал он. — Обойдусь и без них». Он с трудом отыскал свой дорожный мешок и начал собираться в дорогу. Переложив в мешок несколько кусков сыра, копченого мяса, горсть сухарей, Конан наполнил бутылку водой, тщательно ее закупорил и, туго затянув завязки, вскинул поклажу на плечо. Прежде чем уйти, он еще раз окинул взглядом поле битвы. Из всех погибших ему было не жаль никого — они сполна заплатили за оскорбления, которые он и так слишком долго терпел.

Неожиданно Конан почувствовал, что кто-то стоит за его спиной, обернулся и увидел вендийца. Старик застыл, протянув к нему руку, но не решался подойти ближе.

— Я чувствовал, что нельзя оставлять тебя один на один с этим... Я боялся и все-таки надеялся... — проговорил Чиндара глухим голосом. — Зачем, зачем я ушел и оставил тебя...

Киммериец не отвечал, уставясь равнодушным взглядом в лицо старика.

— Вскоре после того, как мы расстались, я понял, что тебе угрожает беда. Какие-то темные

силы раскидывали сети вокруг тебя и этого проклятого меча...

— Ты не ошибся, старик. Один офирец — его труп валяется среди этой падали — хотел выманить у меня меч. Он был колдуном, но не очень искусным. И его голова распрощалась с телом.

— И не только его, как я вижу...

— А, эти... — Варвар обвел взглядом мертвые тела. — Если мужчина не умеет защитить свою жизнь — он ее не заслуживает.

— Этот офирец... Не подвергал ли он тебя какому-нибудь обряду?

— Обряду? Нет. Пытался напоить, сулил деньги, подсовывал разные вещицы.

— Ты прикасался к ним?

— Нет, только смотрел. Он показал мне забавное ожерелье. Самоцветы превращались в красавиц. Они пытались соблазнить меня. Я чуть не поддался. Как глупо. Слишком давно был с женщиной. Но ничего... Скоро у меня будет много женщин. И много золота. Целые горы...

— А еще что-нибудь приключилось с тобой с тех пор, как наши пути разошлись? До того, как ты встретил караван?

— Да ничего... Хотя нет, меня ужалила змея. Я убил ее.

— И как же ты остался жив?

— Я вырезал то место, куда впились зубы, клинком. Мазь, которую ты дал мне, сделала остальное.

— Да, да, конечно... Мечом...

— Что ты там бормочешь?

— Ты породнился с ним, бедный мой мальчик. Ты породнился со Спящим Злом.

Конан расхохотался:

— Со Злом? Я породнился со Славой. Я породнился с Величием и Могуществом! Перед тобой стоит не тот безмозглый юнец, которого ты лечил и наставлял. Ты был прав, старик. Я рожден не для жалкого жребия вора. Меня ждет высокая участь. Тебе повезло, старик. Ты оказал услугу человеку, перед которым будет лежать в пыли весь мир...

— О чем ты говоришь? Ты бредишь? — испугался вендиец.

— Брежу? Нет, никогда еще мой рассудок не был так ясен. Мрак рассеялся, и теперь я вижу цель. Я пойду в Гирканию. Я подчиню себе племена, которые кочуют в степи. Соберу огромное войско и двину его на Туран. Но это будет только начало, только начало, старик. Ты пойдешь со мной. Будешь моим советником. А если захочешь, я посажу тебя на вендийский престол. Ты ведь пойдешь со мной?

— Да, да, конечно. Я больше не оставляю тебя, сын мой... Я позабочусь о тебе...

— Жаль, что это золото замарано кровью. Я не хочу брать его. Но у нас будет еще больше золота.

— Да, да, много больше... Но сейчас тебе надо отдохнуть. Ты устал, очень устал... Глаза твои слипаются...

Что-то в голосе Чиндары насторожило Конана. Он попытался посмотреть вендийцу в глаза, но тот отвел взгляд.

— Почему ты не смотришь прямо в лицо, старик? Ты лукавишь, я вижу. Меня не проведешь. Ты решил сыграть со мной ту же шутку, что и с той ящерицей? Да? Ты задумал насрать на меня сон и украсть меч! Ты хитер, старик. Все люди одинаковы, даже те, что твердят о Добре. И ты не лучше других. Но тебе не провести меня... Не помешать... Потому что мы сейчас расстанемся. Я пойду на восток, а ты... Ты, старик, отправишься на Серые Равнины.

И не успели отзвучать эти слова, как холодное лезвие снесло голову Чиндары. Однако вендиец, по-видимому, успел завершить начатое. Руки варвара безвольно обвисли, голова упала на грудь. Он рухнул на колени, а потом ткнулся лицом в землю.

Красное Око Митры равнодушно взирало на мертвые тела людей и животных. Хищные птицы парили над местом их последнего успокоения, клекотом созывая сородичей на пир...

Раскаленный диск уже почти коснулся горизонта, когда киммериец поднял голову и обвел мутным взглядом то, что окружало его. Рядом лежала голова. Кроткие карие глаза смотрели прямо в лицо Конану. Чиндара... Как он тут очутился? Что произошло?

Варвар сел и покачал головой. Что же случилось? Этот толстый пес обвинил его в воровстве, он вывернул мешок, чтобы убедить всех в своей невиновности. Но оттуда выпала чаша. Видимо, Брок, мерзкий хорек, провел его и подsunул чашу. А он-то решил, что тот намеревается ук-

расть клинок. Как бы то ни было, колдун попался головой. А дальше... Что же было дальше? Кто перебил всех этих людей? У кого поднялась рука на старого безобидного мудреца?

Конан встал и пошел, пошатываясь и волоча за собой меч, который не выпускал из руки даже во сне. Кром, ну и бойня... Может, эти люди взбесились и перерезали друг друга? Но ведь кто-то должен был уцелеть... Варвар спугнул стервятника, клевавшего глаз мертвеца. Аримиум... И его тоже... Умер, сражаясь... Славная гибель.

Киммериец обошел всю стоянку, но не отыскал никого, в ком бы еще теплилась жизнь. Даже верблюды и те мертвы. Кто-то разошелся не на шутку. Но кто же запяtnал свои руки кровью беспомощных стариков и бессловесных тварей? Он не мог уйти, не оставив следов. Но следов нет. Значит... Значит, этот человек... Этот человек — он сам. Он убил всех этих людей, расправился с Аримиумом, обезглавил вендийца...

* * *

Уже трижды солнце садилось и вставало, а варвар шагал и шагал, сам не зная куда. Он задержался на стоянке только для того, чтобы предать земле тела Чиндары и Аримиума. До остальных ему не было дела. Он ничего не взял с собой, кроме своего собранного дорожного мешка. Не тронул даже тех сокровищ, что лежали в сундуке Ульфиуса.

Неясные обрывки мыслей проносились в голове Конана. «Меч... Спящее Зло... Золото... У нас

будет много золота... Много золота... Ты пойдешь со мной... Зачем ты пришел, старик?... Беги!... Спасайся!... Он убьет тебя... Этот дракон сожрет тебя... Дракон... Или волк... Беги!... Я задержу его... Спящее Зло проснулось... Скорее же!.. Ты еще успеешь... А мне нужно спешить... Меня ждет войско... Утром мы выступаем в поход... Весь мир... Весь мир будет лежать в пыли у наших ног... Но сейчас тебе надо отдохнуть... Ты устал, очень устал... Глаза твои слипаются...»

Конан растянулся на земле прямо там, где эти мысли настигли его. Глаза его и в самом деле слипались. Кто-то склонился над ним и прохладной рукой отвел мокрые от пота пряди волос со лба.

— Старик, ты жив? Как хорошо... А я-то думал, что убил тебя.

— Т-ш-ш... Успокойся... Я пришел потому, что не успел сказать тебе кое-что... Но ты устал и хочешь пить. Сейчас, сынок, потерпи.

Мягкая рука приподняла налитую свинцовой тяжестью голову, чаша с водой оказалась у пересохших губ.

— Вот так, хорошо. А теперь мы поговорим. Не поднимайся, тебе нужен отдых.

— Старик, послушай... Я не хотел... Я не виноват...

— Знаю, знаю. Успокойся. Я должен был предвидеть. Но теперь это уже не важно. Только одно важно — меч. Он подчинил тебя. Это началось, когда тебя укусила змея и ты дал ему отведать гвоей плоти, как тот, другой, сам принес свое

тело в жертву демону. Он снова почуял вкус крови и захотел еще. Но до поры до времени ты был в безопасности. Пока ты владел собой, Зло не смело поднять голову, оно выжидало. Только гнев, слепая, безумная ярость могла освободить его. Так случилось и с тем, у кого ты отобрал меч. Он был зачат в ненависти и вскормлен ею. Волчья кровь, которая текла в его жилах, требовала отмщения. И он отдал себя Злу. Зло вознесло его — сначала к вершинам деревьев, потом к вершинам Могуущества. А за это забрало самое дорогое — единственного сына и наследника, единственное существо, которое он любил. Ты должен избавиться от меча.

— Хорошо. Но как? Похоронить в земле?

— Нет. Ты отдашь его тому, кто назовет мое имя.— Старик посмотрел на него пристально и, как почудилось Конану, даже ласково, и предложил:

— Давай поговорим, пока мы не расстались, я могу еще кое о чем тебе поведать.

Они разожгли костер, и под легкое потрескивание горящего дерева и шуршание осыпающихся угольков старик рассказал киммерийцу множество чарующих и загадочных историй из жизни людей и вещей, и варвар понял: в мире есть еще много такого, о чем он и не знал прежде.

Особенно запомнился варвару удивительный рассказ о Синем Сапфире, таинственном камне, который возникал и опускался на дно реки времени в течение долгих веков, словно обломок погибшего корабля в пене морской волны.

Конан и не заметил, как прошла ночь. Только угольки угасающего костра в неярком предутреннем свете напомнили о наступающем новом дне.

— А теперь мне пора...— с легкой печалью в голосе поднялся старик.— Прощай...

— Постой, куда же ты? Я еще не успел спросить тебя...

Но вендиец исчез так же внезапно, как и появился. Его образ растаял, рассеялся. А вместе с ним рассеялось и наваждение, терзавшее Конана, словно его исцелил глоток призрачной влаги. Тьма еще не отступила, но рассвет уже брезжил впереди.

Глава первая

вечеру Конан наконец добрался до шадизарских стен и башен. Перед ним на широкой равнине лежал прекрасный и порочный Город Негодяев — манящая и опасная цель его странствия. Здесь, в святилище Бела и в воровских кварталах Пустыньки, сбудется сокровенная мечта, согревавшая его долгими ночами в холодных гладиаторских казармах Халогии. Его обучат искусному и удачливому мастерству! Он станет вором — дерзким, умелым, лучшим из всех!

Уже смеркалось, и багровый Глаз Митры, склонившийся к далеким отрогам Карпашских гор, золотил лишь зубчатые верхушки башен и купола храмов. Ворота, окованные широкими железными полосами, оказались закрытыми.

Если б на месте киммерийца был обыкновенный крестьянин или торговец, вряд ли он стал стучать в массивные створки в такое время и беспокоить стражу. У простого путника один лишь

вид высоких стен привычно вызывал должное уважение — человек просто отошел бы от греха подальше за ближайший холм и скоротал там ночь, дрожа от холода и ожидая того времени, когда у вожделенных ворот начнут собираться торговцы овощами и живностью из ближайших селений, подойдут караваны из далеких стран — и стражники, опухшие от пьянства и бессонной ночи, проведенной за игрой в кости, лениво двинутся на свой пост.

Тогда разрешено будет путникам войти в город, но не бесплатно, ибо дань придется заплатить всем: и богатому караванщику, и бедному торговцу, и бродяге. Все, все должны раскошелиться на процветание прекраснейшего из городов Заморы! И еще не всякого впустят свирепые стражи — не понравится им кто-то своим видом, или мзда покажется недостаточной, не видать бедняге как своих ушей ни пышных храмов, ни богатых дворцов, ни шумного базара. Долго он будет вымаливать разрешение на вход, пока наконец, вдоволь натешившись его унижением и вытряхнув последнее из кошелька, ему дадут возможность войти в город. Как говорят мудрые, привратник на своем месте главней правителя, ибо тот далеко, а страж — вот он, рядом!

Конану, однако, рассуждать об этом было недосуг. Он не один день провел в пути, устал, несмотря на свою молодость и могучее здоровье, да и к тому же был страшно голоден — следовательно, зол и нетерпелив. Огромные и крепкие шадизарские врата не вызвали у него какого-либо

уважения; он просто видел в них помеху на своем пути. Ни мгновения не раздумывая, Конан подошел вплотную и стукнул по обшарпанной доске. Удар могучего, как кувалда, кулака обрушился на створку, и дерево загудело подобно большому барабану под колотушкой глашатая.

— Кого еще Нергал принес в такое время? Эй, Кетаб, посмотри! Кетаб, сын пса, тебе сказано! Взгляни, кто там ломится в ворота! — Нехотя оторвавшись от кувшина с вином, старший стражник махнул рукой в сторону ворот.

Высокий тощий воин-замориец, недовольно ворча, поплелся в указанном направлении. Подойдя к воротам, он слегка отодвинул планку, закрывавшую смотровую щель. Возмутителем спокойствия оказался черноволосый высокий парень в потерявших всякий цвет лохмотьях; на поясе его висел кинжал, а из-за плеча виднелась рукоять меча. Стражник уже собирался послать бродягу подальше, но, встретившись с ним глазами, ощутил вдруг странную слабость в ногах. Стальной взгляд, словно пронизывавший насквозь, заставил заморийца поежиться от непонятного чувства страха, хоть он и был в полной безопасности за толстыми створками ворот. От этого юноши лет шестнадцати-семнадцати исходили сила и мощь, как от бойца, прошедшего сквозь множество битв.

— Ну, что ты там застрял? — нетерпеливо поинтересовался старший, видя, что Кетаб будто прирос к смотровой щели. Пока страж соображал, что ответить, начальник поднялся и, подойдя к воротам, встал рядом со своим воином.

— Ты что, язык проглотил? Дай я сам посмотрю! — Он плечом отодвинул Кетаба и приник к щели.

— Впусти-ка меня в город, отец доблести. Видишь, уже близится тьма, а я голоден и не хочу ночевать в степи, среди шакалов и ночных духов, — спокойно произнес стоявший у ворот. — У меня нечем заплатить, но, клянусь Кромом, я не забуду твоей доброты — и, как знать, может, и пригожусь тебе. А непустишь, так это я тоже запомню!

Не в привычках шадизарских стражников было впускать кого-то в позднее время, а уж чтоб безвозмездно... И все же руки стражника словно сами собой потянулись к висевшим на поясе ключам.

«Лучше не связываться с таким разбойником! Мало ли что может случиться?» Сдвинулись смазанные маслом засовы, и Конан вошел в город своей мечты.

Любого, попавшего в Шадизар, город подавлял своим великолепием и богатством. Он располагался на перекрестке торговых путей, что вели из восточных стран на запад — в Коринфию, Бритунию и Немедию, и дальше, в Аквилонию, Офир, Аргос, Зингару. Каждый день богатые караваны останавливались на шадизарских базарах, и купцы, укрывшись от палящих лучей солнца под балдахинами, вели нескончаемый торг; смуглые, босоногие и расторопные носильщики распаковывали тюки, разносили по лавкам и грузили верблюдов всевозможными товарами.

Вечером торг прекращался, и купцы обмывали удачные сделки в многочисленных тавернах и

веселых домах, где можно было не только выпить прохладного терпкого вина, наесться до отвала жирной баранины или жареной дичи, но и насладиться ласками жриц любви, коих было в Шадизаре превеликое множество: и волоокские белотелые женщины с севера, из Гандерланда и Бритунии; смуглые узкоглазые невольницы из Кхитая, особые искусницы в любовных усядах; тихие покорные красавицы из Офира или Коринфии; словом, всякий удовлетворял здесь любые свои желания. Потом, вернувшись домой, купцы своими рассказами об этих веселых домах удивляли многих — и неизмеримо росла слава Шадизара, и все больше любителей острых ощущений пускались в далекий и опасный путь, надеясь на удачу в делах, а также поразвлечься всласть в этой Жемчужине Востока — так еще называли Шадизар.

На деньги гостей рос и богател Шадизар, на них укрепляли старые и возводили новые стены, строили дворцы, золотили купола храмов. И всем здесь находилось дело и заработок: и сборщикам податей, и стражникам, и писцам, и судейским чиновникам, и ростовщикам, и держателям таверн да веселых домов, и носильщикам, и водоносам, и шорникам, и медникам, и золотых дел мастерам — да мало ли кто кормился здесь и, в свою очередь, кормил этот город?

Ну, а где звенят монеты, там истинный рай для всяческих темных людишек: разбойников и мошенников, мелких воришек и взломщиков, скупщиков краденого и прочих обладателей лов-

ких рук, умельцев в мгновение ока облегчить кошелек ближнего — то ли зазевавшегося купца, то ли деревенского простофили.

В таком городе юному Конану еще бывать не доводилось; он шел по чистым мощеным улицам, где за оградами из камня возвышались великолепные особняки, окруженные пышными садами; сияли разноцветные купола святилищ Митры, Бела, Иштар и других богов, тихий шепот фонтанных струй наполнял вечерний воздух прохладой и свежестью.

«Неплохое местечко, клянусь Кромом!» — отметил про себя юный киммериец. Перед его мысленным взором предстали бескрайние ледяные пустыни Гипербореи, и воспоминание это было таким отчетливым, что Конан даже поехал, несмотря на теплый ветерок, ласково овевавший его усталое тело. Он не знал еще, что в этом городе есть не одни лишь богатые кварталы, но и кривые пыльные улочки да проулки, где живет простой люд. Это будет потом, после; а пока — так уж случилось! — он попал в Шадизар прямо с парадного входа. Прохожих почти не было, лишь изредка проносилась колесница какого-нибудь знатного вельможи, запряженная сытыми лошадьми, с разряженным возничим да парой слуг с увесистыми дубинками; иногда в сопровождении пары вооруженных охранников и бежавшего впереди человека с фонарем на шесте попадался паланкин.

Конан прошел уже несколько улиц в поисках таверны и веселого дома, где он надеялся найти

кров, пищу и, конечно, женщину — ибо за время, проведенное в пути, он стосковался по этим простым радостям. Но нет — вокруг были только роскошные дома, дворцы, сады, храмы, и обратиться с расспросами куда-нибудь он не решался: почти все двери были закрыты на запоры. Справиться с ними, силой либо хитростью, не составило бы для киммерийца особого труда, но каждую дверь, как он полагал, охраняли стражники. В планы же Конана пока не входило затевать большую потасовку; он устал, он хотел есть и пить, он жаждал отдыха для души и тела.

Но тут ему повезло: на противоположной стороне улицы вдруг открылась дверь, и выглянувший оттуда мужчина в синих шелковых шароварах и расшитой желтыми цветами безрукавке поманил киммерийца к себе. Весь его вид говорил о том, что считает он себя человеком важным и значительным, а то, как круглился под его одеянием большой живот, доказывало, что живет ему совсем не плохо.

Привратник или приказчик, решил Конан, направляясь к нему.

— Слушай, приятель, — начал толстопузый, со знанием дела изучая внушительную фигуру варвара, — по виду ты нездешний и, похоже, ищешь работу. Моему хозяину нужны лихие парни вроде тебя, в охрану. Отличная кормежка, оденешься не хуже меня, да и оплата щедрая — двадцать монет в луну. А еще, — тут его рот растянулся до ушей, а лицо стало напоминать хорошо пропеченную и густо смазанную маслом лепешку, — еще у

хозяина есть несколько молоденьких невольниц, и, коль он будет тобой доволен, сам понимаешь...— Толстяк причмокнул губами, и глаза его совсем исчезли в складках жирных щек.

Конан замер в нерешительности. Ему очень хотелось мяса и вина, и здесь, наверное, все это можно будет получить сразу, лишь только он согласится. Он уже представил, с каким наслаждением вопьется зубами в отлично прожаренного цыпленка и опрокинет пару чаш терпкого вина, а при одном только слове «невольницы» ноги сами понесли его вперед.

Итак, юноша сделал еще несколько шагов к заветной двери и загораживавшему ее толстяку. Искушение было так велико! Запахи мяса, вина и женской плоти уже щекотали его ноздри... Внезапно Конан опомнился. Как бы ни хотелось ему сейчас, не думая ни о чем, принять заманчивое предложение, но разве за этим пришел он в Шадизар? Чтобы снова сделаться рабом и слугой? Нет, хватит! Этого он успел нахлебаться в Халогевдоволь.

— Работа мне нужна, да не нужен хозяин,— буркнул он.— А еще лучше бы раздобыть вина и жратвы без всякой работы! Вот и скажи мне, отвислое брюхо, где тут ближайшая таверна?

— Ну и дурень же ты, оборванец! Воображаешь, тебя там накормят? Ха! — Привратник в сердцах плюнул и, потеряв к киммерийцу всякий интерес, хлопнул дверью. Тем не менее изнутри глухо донеслось: — Ступай дальше по улице, там спросишь!

Глава вторая

онан неспешно зашагал вдоль бесконечной череды каменных оград, из-за которых доносились божественные запахи еды, особо чувствительные для человека с пустым желудком. Еще он слышал сладкие напевы флейты, песни и смех веселившихся людей, которым дела не было до того, что он устал, голоден и зол, как оставшийся без добычи тигр.

Между тем улица вывела его на большую площадь с длинными рядами навесов из тростника; позади них виднелись лавки, закрытые коваными стальными решетками с крепкими запорами. В противоположном углу площади Конан разглядел людей в доспехах, которые, собравшись в кружок, о чем-то оживленно толковали. Не иначе как базарные стражники, подумал он, соображая, не подойти ли к ним, поинтересоваться, где тут ближайшая таверна. Однако стражей да охранников он не любил и потому решил не связываться с этим отродьем Нергала.

Пройдя в раздумье еще несколько шагов, киммериец вдруг резко остановился, прислушиваясь к шороху, что раздавался справа от него, за углом ближайшей лавки. На всякий случай он нащупал кинжал, не раз выручавший его во всяких переделках. Но на этот раз тревога оказалась напрасной — это фонарщик, забравшись на длинную легкую лестницу, заливал масло из длиннорлого кувшина в медный фонарь на высоком, отполированном временем столбе.

— Эй, почтенный, не скажешь ли, как добраться до постоялого двора? — спросил Конан.

Фонарщик, занятый своим делом, ответил не сразу. Он заткнул кувшин с маслом пробкой, обернутой тряпичей, не спеша прицепил его к наплечному ремню и, осторожно перебирая босыми ступнями, спустился на землю.

Фонарщик выглядел человеком степенным, деловым и важным, не чета всяким оборванцам, что шныряют в темноте. Но впереди у него была длинная ночь, когда он в одиночестве обходил свое хозяйство, следя за тем, чтоб огонь в фонарях не угас, и, кроме стражников, которые время от времени встречались на его пути, других собеседников не предвиделось. Поэтому он обрадовался новому человеку и, предвкушая долгий разговор, тщательно вытер руки, заткнул тряпку за пояс, после чего поднял глаза на киммерийца.

Он уже успел бегло рассмотреть его сверху, когда варвар окликнул его, но молодой голос и потрепанная накидка не внушили ему опасений. Очутившись же рядом с ним, фонарщик немед-

ленно почувствовал сильный озноб, а язык его от страха прилип к гортани. Перед ним стоял молодой гигант с гривой спутанных черных волос, пронзительные синие глаза холодно мерцали в сумеречном свете наступающей ночи. Всякий люд попадался в Шадизаре, но такого молодца фонарщик видел впервые. Напугал его и меч, что висел у великана за спиной, ибо клинок тот был шириною в ладонь и длиной не меньше пяти локтей.

Конан, однако, за свою недолгую жизнь привык уже к тому, что многие в первый момент встречи с ним испытывают изумление — и от его громадного роста, и от вида могучих мышц, бугрившихся на груди и плечах. А потому он спокойно ждал, когда недомерок с кувшином придет в себя и сможет продолжить разговор. Наконец тот, овладев собой и с облегчением заметив, что стража находится достаточно близко, пробормотал:

— Тебе придется идти далеко, на другой конец города, странник.

Незнакомец внушал фонарщику самые черные подозрения, но кликнуть стражу он не решился — вдруг этот варвар возьмет да свернет ему голову, как цыпленку!

— Кром! — рыкнул Конан. — Что, ближе ничего нет?

— Есть-то есть, да таких, как ты, туда не пускают, — с сомнением оглядывая его лохмотья, ответил фонарщик.

— Это уж не твоя забота, — усмехнулся варвар. — Ну, говори, куда идти?

— Минуешь эту улицу, — фонарщик не стал упорствовать, — там будет белый храм — вон, видишь его купол? Потом свернешь налево и доберешься до площади. Дальше найдешь сам.

Небрежно кивнув, Конан двинулся в указанном направлении. Фонарщик же, возблагодарив Бела за то, что остался цел и невредим, немедленно направился к стражникам, которые продолжали свой бесконечный спор и не оглядывались по сторонам.

— Почтенный Дасай, — с заискивающей улыбкой обратился фонарщик к старшему из воинов, — здесь шатается какой-то подозрительный малый. Я направил его к веселому дому — к тому, что около Аренджунского базара. Может, догоните да посмотрите? Только осторожно — он здоров, как стигийский бык, и по виду с севера — то ли гипербореец, то ли киммериец.

— А, это ты... — небрежно откликнулся стражник. Ему очень не хотелось отрываться от интересных баек о том, что в Черных Королевствах не надо платить женщинам за любовь, но наоборот, тебе еще приплатят, если проведешь ночь с чернокожей красоткой. Особенно там вроде бы ценились заморийские мужчины. Брат Косого Газзата недавно вернулся из Кутхемеса, и там ему эти байки напел торговец из Кешлы, что в Кешане. Дасай не сводил взгляда с рассказчика, и на лице его застыла похотливая улыбка — ну, разве интересовал его какой-то там бродяга?

Но настырный фонарщик не унимался и продолжал дергать его за рукав. Тогда Дасай раздраженно прорычал:

— Ну, куда, говоришь, ты его наладил? На Аренджунский базар? Ну, так пусть Файзул его хватает, там его квартал! А ты, фитиль из сухеного дерьма, иди себе, иди! Нечего тут молоть языком!

Конан уже приближался к храму, возле которого полагалось свернуть налево, когда вдруг услышал где-то в проулке топот ног и истошные крики: «Держи его, держи! Уйдет, клянусь Белом! Уйдет, верблужья моча!»

Киммериец отступил в тень большого платана. Шум погони нарастал, словно приближавшаяся горная лавина.

Наконец из-за угла вылетел растрепанный худощавый человечек. Затравленно озираясь по сторонам, он явно пытался прикинуть, куда мчаться дальше. От своих преследователей ему удалось оторваться совсем немного, громыхание лат и пронзительные вопли слышались почти рядом. Конан не привык долго раздумывать. Он уже сообразил, что перед ним — местный воришка, которому сегодня не повезло, и закончиться этот вечер мог для него большими неприятностями: тюрьмой, а то и усекновением головы — органа не всегда полезного, но для жизни весьма необходимого. Еще со времен своего пребывания в Халогге Конан не питал большой любви к представителям закона, а уж к стражникам это относилось в особенности. Поэтому он ни мгновения не колебался, как поступить.

Одним прыжком настигнув воришку, он схватил его за ворот рубахи и за ногу и забросил на

ближайшую ветвь платана, под которым только что прятался сам. От неожиданности тот даже не пискнул, но со скоростью белки скользнул еще выше и затаился в густых ветвях. Конан не успел отступить в тень; из-за угла вывалились потные, с вытаращенными глазами стражники.

— Ты, вонючая падаль, не видал здесь кого? — рявкнул их мордастый предводитель.

Конан молчал, хмуро уставившись на пятерых стражников; люди невысокие, как все заморийцы, плотного телосложения и умевшие обращаться с мечами и боевыми топорами.

Увидев, что перед ним всего лишь юноша, старший решил взяться за него всерьез.

— Ты что, оглох, скотина? — набрав в легкие воздуху, заорал он, — С тобой говорит десятник квартальной стражи! А ты кто? Чего здесь шляешься? Клянусь Белом, я посажу тебя в яму до утра, чтоб вспомнил, чего видел! А утром, с палкой да плетью, разберемся, что ты за птица!

— Я пришел сюда из Халогии и сейчас ищу, где поесть да заночевать, — спокойно ответил Конан. Он вовсе не собирался поднимать большой шум в первый день пребывания в городе, который весьма ему нравился. Но кулаки у киммерийца уже чесались.

На свою беду доблестный страж принял его за гиперборейца, а с гиперборейцами у него были свои счеты. Когда-то давно, в пьяной драке, гиперборейский наемник расшиб об его череп тяжеленную глиняную кружку, и с тех пор в голове довольно часто неприятно шумело.

— Ты, гиперборейский волчонок! — Выхватив меч из ножен, стражник бросился к киммерийцу. — Ну, сейчас я отправлю тебя погулять по Серым Равнинам!

Конан отступил, уклоняясь от клинка, со свистом рассекшего воздух над его плечом. В следующий миг мощный удар в челюсть добавил стражнику шума в голове — пролетев шагов пять, он рухнул в пыль и затих. Остальные воины в первый момент оцепенели, но, сообразив, что их четверо против одного юнца, полукругом двинулись в атаку.

Разумеется, если б стражам довелось побывать в Халогии на гладиаторских боях и поглядеть, как киммерийский раб-гладиатор орудует мечом, они остереглись бы с ним связываться — и завтра спокойно выпили бы по кружке винца в любой из шадизарских таверен. Но им не повезло; видать, светлый Митра, и хитроумный Бел, и луноликай Иштар были в этот вечер к ним немилостивы. Да и не могут же они, в конце концов, заботиться о всех и каждом! Тем более о квартальных стражниках.

Конан сделал два пружинистых шага назад.

— Ну, ублюдки, не пора ли вам отправиться за своим начальником? — прорычал он. Два шага Конана для заморийцев равнялись четырем, и они невольно ускорили атаку, стремясь настигнуть длинноногого варвара. Ровный их строй нарушился; киммериец бросился к стражнику, собиравшемуся поразить его секирой, и, схватив оружие за древко, резко крутанул вправо. Ис-

пользовав его вместо палицы, варвар сбил с ног второго стражника.

Предоставив им разбираться, кто первым встанет с земли, Конан, выхватив огромный меч, бросился на тех двоих, что еще оставались на ногах. Дальше он все делал ловко, быстро и точно, как будто снова оказался на гладиаторских аренах Халогии. Отразив выпады противников, киммериец вышиб у одного из них меч и, пока тот поднимал оружие, снес голову его неудачливому товарищу. Но первого заморийца это вроде бы не устрасило, и этот несчастный не догадывался, что, несмотря на молодость, мало кто мог сравниться с Конаном в искусстве владения мечом; пребывание в Халогии, среди воинственных гиперборейцев и асов, не прошло для него даром. В результате поединков закончился быстрее, чем оказались на ногах оставшиеся в живых стражи. Их секиры оказались плохой защитой от меча. Секира хороша в сомкнутом строю, когда, вздымая боевые топоры, отряд наступает на врага; но здесь, против стремительного и ловкого варвара, шансов у стражников не имелось. И через несколько мгновений на улице вновь стало тихо.

Конан осмотрел их пояса и, обнаружив пригоршню серебряных монет, довольно хмыкнул; деньги пригодятся, решил он, ибо без них в этом городе нельзя ни поужинать, ни переночевать, не говоря уж о достойной оплате более приятных услуг. Затем, оглядев древесную крону и не обнаружив спасенного им вора, киммериец тихо поспивистел, полагая, что тот спрятался где-то побли-

зости. Но ответа он не дождался — как и благодарности.

— Жаль, — пробормотал Конан. — Этот шельмец мне бы пригодился... Хоть до таверны бы довел!

Впрочем, долго сокрушаться об исчезновении воришки он не стал и, пристроив меч на прежнее место за спиной, продолжил путь.

* * *

Ши Шелам весь вечер просидел под раскидистой айвой, ожидая, когда в веселом доме «Улыбка Иштар», на противоположной стороне улицы, закончится пир. Причиной для сборища была на редкость удачная сделка, заключенная между Калоем, торговцем драгоценностями, и заезжим купцом из Хоршемиша. Вино, видимо, лилось в «Улыбку» рекой, поскольку голоса веселящихся уже заглушали и девушек-певичек, и гнусавый звук зурны, и даже щебетание птиц, устроившихся на ветках совсем рядом, прямо над его головой.

«Хорошо гуляют!» — с завистью подумал Ши Шелам. Ему в «Улыбку» вход был закрыт, рылом да кошельком не вышел — этот кабак предназначался для таких, как Калой и его приятели. И дело заключалось не в том, что все они относились к людям почтенным, торгового или ремесленного сословия. Нет, совсем не в том! В компании их присутствовали и главари воровских шаек, без которых не была бы столь успешной коммерция достойного Калоя; да и другие сомнительные личности. Но все гости считались боль-

шими людьми, удостоенными милостей Бела; одним словом, не мелочь какая-то, вроде Ловкача Шелама.

Собственно, и болтаться в этом богатом квартале такому человеку, как Ши Шелам, было совсем не с руки. Хорошо еще, что его знали некоторые местные стражники, а не то можно было бы получить хорошую взбучку или, хуже того, переночевать в яме да еще и заплатить наутро изрядный выкуп. Но уж очень хотелось ему переговорить с Калоем сегодняшним вечером. Ши Шелам не зря носил прозвище Ловкач — среди шадизарского воровского братства он славился как удачливый и умелый сбытчик краденого. Ребятишки с Восточного рынка потрошили лавки, а случалось, и караваны, опрометчиво заночевавшие неподалеку от городских врат, и с этих дел всем кое-что перепало. Закончив свою часть работы, воры переправляли товар мелкоте вроде Ши Шелама, которые потом сбывали товар большим людям — тому же Калою, например.

Почтенный купец этот Калой, ничего не скажешь! Богатые караваны снаряжает и в Коф, и в Офир, и в Аквилонию! А что половина товаров была краденой, так на них не написано... Товар он и есть товар: дорогие камешки, кувшины с маслом да вином, ковры да ткани, ларчики да ларцы — вон сколько добра ходит-бродит по свету, поди разберись!

Темнело; постепенно вечер уступал место ночи. Уже и фонарщик со своей лестницей и кувшином прошелся по площади и зажег пару фонарей:

один у входа в «Улыбку Иштар», другой шагов на сорок подальше, там, где начиналась улица, тянувшаяся напрямик до Большого Канала. А за ним лежала Пустынька, приют разного темного люда, где и обитал Ши Шелам. Жил он среди людей, подобных ему: воров, беглых каторжников, нищих, потрошителей караванов, скупщиков краденого и прочих умельцев, которые не слишком чтит закон и не испытывали особого почтения к властям предержащим. Пустынька — она и есть Пустынька! Один хитроумный Бел, покровитель воров да грабителей, властен над ней!

Ловкач устал ждать и уже подумывал, не плюнуть ли ему на Калоя и не пойти ли домой. Однако дело есть дело, и какое дело! Жаль, если сорвется...

«Вот шакалий потрох! Обещал ведь, вечером, мол, потолкуем!» — сокрушался про себя Ши Шелам. Он решил все-таки еще немного подождать.

Вдруг его тоскливые думы прервал легкий шорох. Ловкач обернулся: в трех шагах от него стоял высокий парень с черными, ниспадающими на плечи волосами. В колеблющемся неярком свете фонаря Ши Шеламу он показался несколько изможденным или, может быть, просто усталым. За спиной его висел меч, а сам незнакомец был облачен в потрепанный, выдавший виды плащ и еще какие-то лохмотья.

«Подкрался, а я и не слышал! По воздуху летает, что ли? — пронеслось в голове Ши Шелама, пока он разглядывал путника. — Экий волчок... голодный да злой... глаза так и сверкают!»

— Послушай, приятель,— обратился к нему парень.— Говорили мне, что есть тут место, в котором можно выпить да повеселиться. Ну, и где оно?

«Северянин, из Гипербореи либо Киммерии»,— продолжал размышлять Ловкач, прислушиваясь, как незнакомец выговаривает слова на заморийском. Бел знает, как попал он в город в такой час! Пришел из северной части Шадизара, это точно, но как ему удалось миновать кварталы знати, не попавшись стражникам? Удивительно!

— Вот оно, видишь? — Ши Шелам махнул рукой туда, откуда доносились звуки веселой пиррушки.— Только, думаю я, вряд ли он тебе подходит. Клянусь милостью Бела! Тебя и на порог не пустят, парень!

— А это уж не твоя забота,— усмехнулся северянин. Теперь Ши Шелам ясно видел, что он еще очень молод, несмотря на внушительный рост и могучие мышцы.

— Ты, видать, недавно в Шадизаре,— покачал головой Ловкач,— и не знаешь здешних обычаев. Может, тебя куда и пустят, но только не в этом квартале,— продолжал он. Парень пришелся ему по душе, но Ши Шелам даже не мог объяснить почему. Было в нем что-то намекавшее на судьбу необычную и высокую, будто боги отметили его своей печатью. Словом, Ши Шеламу захотелось предостеречь его от неприятностей.

— Что тут за квартал такой? — удивился парень.— Вино тут в золотых чашах подают, что ли?

— А ты как думал? Здесь гуляют не какие-то оборванцы, а люди почтенные и богатые, так что

давай-ка я провожу тебя в другое место. Откуда тебя вышвырнут, как щенка, да еще и ребра пересчитают — привратники уж больно свирепы!

Конан на мгновение задумался. Этот невысокий шуплый замориец, чье лицо напоминало смышленную хитрую мордочку хорька, наверняка был продувной бестией! Как раз из тех самых оборванцев, которых в приличный кабак не пускали. А молодой киммериец хотел свести знакомство с людьми именно этого сорта — иначе зачем он пришел в Город Негодяев?

Не в его характере было отступать от задуманного, а уговоры тощего заморийца только подлили масла в огонь. Конан усмехнулся:

— Видишь ли, мне как раз пришло время поужинать, и шакалы, что стоят здесь у входа, мне не помеха. Видит Кром, давненько я не выпускал шакалых кишок! Можно и размяться перед едой.

— Ну, что же, вот и двери,— указал на вход в «Улыбку» Ловкач Ши. «Хочет свернуть себе шею, так Нергал с ним. Светлый Митра видит, я пытался его отговорить!» — подумал он, а вслух сказал:

— Может, оставишь мне плащ, великий воин? Подстелю его здесь, на камнях, чтоб тебе не больно было падать, а?

— Сказано было — о том забота не твоя, тощий хорь! — Глаза Конана холодно сверкнули, еще раз заставив Ловкача вспомнить о волчонке.— А плащ и вправду постели, только свой. Сгодится трупы заворачивать!

И с этими словами он решительно направился к массивным, из толстых кедровых досок, богато изукрашенным резьбой дверям. Замориец еще раз подивился, что почти не слышит его шагов.

«Такой большой и тяжелый, а ступает легко, как вендийская танцовщица!» Еще облик и повадки юноши напомнили Ши Шеламу хищного зверя, неслышно подбирающегося к своей жертве, — но вот какого зверя, Ловкач пока толком не уяснил.

Тем временем на стук молодого варвара двери растворились, шум гулянки вырвался наружу. Конан вошел, закрыл дверь; затем прошло немного времени, и голоса внутри внезапно стихли. Ловкач на всякий случай отступил еще дальше от входа и спрятался за деревом, куда не достигал свет фонаря. Вскоре шум возобновился, но звуки его были уже совсем иными, поскольку к человеческим голосам прибавился какой-то звон, возня и глухие удары — будто кто-то в «Улыбке» затеял выбивать ковры.

Внезапно тяжелые дверные створки разлетелись вдребезги, и наружу выпал какой-то бесформенный предмет, похожий на мешок тряпья. Ши Шелам с изумлением узнал в нем почтенного Калоя. Охая, купец попытался приподняться, но сделать ему этого не удалось, ибо, с таким же воем и такой же скоростью, из разбитых дверей один за другим начали вылетать его собутыльники. Казалось, дверь эта была пастью огромного чудища, и теперь оно выплевывало приятелей Калоя одного за другим.

— Бел, заступник! — в изумлении прошептал Ши Шелам.

Впервые он был свидетелем такого потрясающего зрелища — а уж он-то повидал всякого! И теперь, пока Ловкач, затаившись в тени дерева, с восхищением любовался, как росла перед входом в «Улыбку» гряда тел, в его хитроумной голове закружились всякие мысли. Если быть точным, целых три! Во-первых, он понял, что напрасно ошивался здесь целый вечер — разговор с Калоем сегодня вряд ли состоится; во-вторых, он искренне сознался в ошибке — не плащ стоило подстелить на крыльце, а ковер, да побольше; и в-третьих — это самое главное! — Ловкач теперь уяснил, что за зверь появился в Шадизаре.

Не волчонок — тигр!

* * *

Чем больше спишь, тем меньше возможностей сделать какую-нибудь глупость. Слава Подателю Жизни, сон у киммерийца был крепким и здоровым. Он проспал бы и больше, но его разбудили воробы.

Их чириканье было звонким и громким; казалось, они прыгают и дерутся прямо внутри его черепа. Конан спустил ноги на прохладный земляной пол и с трудом принялся вспоминать, что же произошло вчера вечером. События медленно всплывали у него в голове, но полной ясности эти картины еще не обрели. Видимо, вино, которым потчевали в таверне, оказалось слишком крепким для его ослабленного долгой дорогой тела, а мо-

жет быть, и это скорее было похоже на истину, терпкого шадизарского напитка выпили слишком много.

— Кром, пирушка была что надо! — Киммериец с наслаждением потянулся, словно большой кот. Мысли начинали обретать четкость, тело требовало движения. После хорошего крепкого сна он почувствовал знакомый прилив сил и желание сжевать парочку поросячьих ножек либо такой же кусок баранины, который он проглотил вчера за ужином.

Окончание вчерашнего вечера — в отличие от его начала — прошло спокойно. Разгром, который он учинил в веселом доме «Улыбка Иштар», наделал большого шума. Выбросив пару заносчивых привратников и заодно всех попавшихся под руку посетителей, Конан, не на шутку разъярившись неласковой встречей, собирался в клочья разнести это заведение. Хозяин, пару мгновений назад надменно приказавший своим прислужникам выбросить нахала на улицу, сразу понял свою ошибку и униженно молил о пощаде. От окончательного краха заведение спасло присутствие напугавшихся до смерти и плачущих женщин, их стенания и слезы подействовали на варвара; к тому же в «Улыбке» появился его новый знакомый Ши Шелам, которому удалось уговорить Конана покинуть сей прелестный уголок и отправиться в более спокойное и чистое место.

Варвар превратил помещение, где происходило пиршество местных грабителей и купцов, в нечто похожее на городскую свалку: всюду валялись

обломки мебели: вперемешку с раздавленными фруктами и осколками того, что еще совсем недавно было фарфоровыми вазами, смятые серебряные кубки, стены пятнали потеки вина и того, что совсем недавно было изысканными кушаньями, — в общем, для приличной трапезы этот зал уже явно не годился. Это как раз и объяснял киммерийцу Ловкач в перерывах между тем, как очередной предмет, пущенный мощной рукой, разлетался вдребезги, ударившись о стену. Шеламу наконец удалось завладеть вниманием буйного юноши, и, немного успокоившись, тот согласился с новым приятелем. Таверна Абулетеса, хотя и не выглядела столь шикарно, как этот веселый дом до прихода Конана, но зато была куда более подходящей для того, чтобы спокойно поужинать. И действительно, там он наконец получил столько еды и вина, сколько желала его душа.

— Что, проснулся наконец бычий загривок? Я уж думал, до вечера продрыхнешь. — С этими словами, отодвинув занавеску, из-за которой брызнул сноп яркого солнечного света, в комнату вошел Ловкач, сопровождаемый невероятно ароматным и ни с чем не сравнимым запахом свежеспеченных лепешек.

— Ну и навел ты вчера шороху! Действительно тигр! — продолжал Ши Шелам, раскладывая на столе аппетитные лепешки, сыр, не очень-то любимую Конаном копченую рыбу и несколько круглых желтовато-зеленых фруктов, которых киммерийцу видеть до сих пор не приходилось. — Тебе некоторое время лучше не показываться в

районе Восточного рынка, клянусь Белом, да и вообще нужно будет держаться подальше от тех кварталов. Там вчера вечером кто-то уколошил пяток стражников, а это даже в славном Шадизаре происходит не каждый день, понимаешь? Возможно, ты к этому непричастен, — хитро прищурился Шелам. Видно было, что уж он-то ничуть не сомневается в том, чьих это рук дело. — Сегодня с самого утра стражники обходят все дома в Восточном квартале и пытаются что-нибудь вынюхать, на Арэнджунском базаре только об этом и говорят. В Пустыньку-то они носа не сунут, здесь их и больше пяти пропадало, случалось, — усмехнулся Ловкач. — Ну да ладно, давай лучше позавтракаем, затем я найду тебе кое-что из одежды, а потом уж обсудим наши дела.

Киммерийца никогда в жизни не приходилось дважды приглашать к трапезе. Через очень короткое время все, что было на столе, благополучно перекочевало в их желудки.

— Я так и думал, что ты успеешь как следует проголодаться со вчерашнего вечера, когда ты умял целого барашка, — довольно улыбаясь, проговорил Ши Шелам.

— Я целых три дня не ел, — счел нужным объяснить Конан. — Но вино в этой таверне не бог весть какое.

— Конечно, — кивнул Ши Шелам, — но зато там чувствуешь себя спокойно, можно и о делах поговорить, а если что, смыться легко через задний двор. Абулетес свой человек, не продаст, клянусь Белом. А теперь подожди немного, я поищу

тебе одежду, хотя это непросто — у нас в Заморе не часто встретишь такого буйвола, как ты.

— Чем тебе не нравится моя одежда, обглодаешь? — усмехнувшись, поддел его Конан. Со времени их встречи не прошло еще и полудня, но они обходились друг с другом вполне по-приятельски. Ши Шеламу было лет тридцать, но рядом с варваром он выглядел ребенком: невысокий, тощий, смуглый, как все заморийцы. До того, как стать одним из самых ловких и удачливых скупщиков краденого в городе воров Шадизаре, кем он только не был: служил у купца, потом попал на хлопковые плантации, ходил с караванами в Офир и Коринфию — словом, повидал достаточно. Об этом киммериец узнал из его рассказа вчера по пути от веселого дома до таверны Абулетеса.

— Чем больше ты будешь походить на нас, тем лучше, — объяснил Ловкач. — Из-за твоей накидки на голое тело любой поймет, что ты не местный: еще лето не наступило, ночью прохладно, здесь сейчас одеваются потеплее. Я тебе подыщу шаровары, рубаху и безрукавку да плащ поприличнее, не так будешь бросаться в глаза. Постараюсь найти такое, чтобы тебе подошло. — При последних словах заморийец с сомнением окинул взглядом приятеля и, махнув рукой, вышел из лачуги.

Конан последовал вслед за ним во дворик. Прищулив глаза от яркого солнца, юноша с удовольствием потянулся.

«Ну что ж, — размышлял киммериец, — дела обстоят совсем неплохо. Ловкач обещал познакомиться с предводителем одной шайки, глядишь, все

образуется как надо. Зря, что ли, я притащился сюда, в этот разбойничий город?»

Конан присел, прислонившись спиной к стене дома, и предался мечтам, греясь под ласковыми лучами Глаза Митры. Все шло хорошо, напряжение последних дней спало, и ему уже стало казаться, что не было ни гиперборейских казарм, ни кровавых гладиаторских боев, ни бегства от стаи голодных волков по ледяной пустыне, ни страшилца в склепе — не было ничего, только теплое солнце и ощущение приятной тяжести в желудке.

Конечно, он постигнет ремесло воров, спору нет, но не только за этим он пришел в Город Негодяев. Слово наяву вновь увидел он вендийского мудреца и дымок от костра, сквозь который мерцали звезды. У старца, которого звали Чиндара Хон, были худые, темные от времени, словно прокопченные руки, и когда он вздымал их к небу, широко разводя в стороны, то казалось, что он пытается снять эти звезды своими скрюченными пальцами.

Они развели огонь на опушке леса, и под треск прогоравших сучьев тихим голосом Чиндара Хон поведал ему много древних и удивительных историй, одна из которых, произведшая неизгладимое впечатление на душу варвара, и явилась одной из причин, приведших Конана в Шадизар.

«В давнюю пору, — рассказывал старик, — никто не помнит, как давно это было, может быть, даже в те времена, когда Светлоокий Митра еще не отлучил Сета от своего благословения — в Вен-

дии жил богатый купец. Снаряжал он богатые караваны и на север, и на юг, и на восток — в Кхитай. И везде торговлю вел большую и прибыльную, богател с каждым годом. Дом у него был большой и красивый, и сад, и диковины разные, со всего света. Наложницы его были одна другой краше, и если одна пела, как соловей, то другая танцем своим завораживала до изнеможения, а третья вышивала лучше, чем кхитайские мастерицы, а четвертая... — тут старик сделал паузу и, раскинув руки, показал то, что словами не объяснить, — словом, все было у этого купца. Кроме одного — боги не даровали ему самой великой радости, детей.

Хотя, сказать надо, что был человек он благочестивый и богобоязненный, и слава о нем распространилась далеко за вендийскими границами. Почему-то боги не наградили до сих пор его за праведную жизнь. Но неисповедимы пути богов, и недоступны они нашему слабому разуму.

Взмолился купец, воззвал к богам, и Податель Жизни смилостивился над ним и послал ему сына. Не чаял души в нем отец, лучшие мудрецы обучали его наукам, храбрейшие воины воспитывали его дух и закаляли тело. Когда вырос и возмужал юноша, отец отправил сына с караваном, чтобы обучился он делу купеческому, чтобы в надежные руки перешло то, что тяжким трудом, усердием и помощью богов нажито.

Когда покидал сын свой дом, отец надел ему на руку кольцо, которое, в свою очередь, получил от своего отца, тот от своего — в общем, с незапа-

мятных времен переходил этот перстень из поколения в поколение. И сказано было следующее:

— Перстень этот дорог не камнем своим и не видом необычным. Охранит он тебя от невзгод всяческих. Пока мой дар с тобой — будь спокоен, но никогда не снимай его с руки и не отдавай никому.

Перстень, какого-то серебристого тяжелого металла, был необычным: украшали его непонятные знаки, а внутри находился камень дивной красоты — огромный сапфир глубокого синего цвета — как твои глаза», — добавил старик, внимательно посмотрев на киммерийца.

«Сын несколько лет ходил с караванами, обучился ремеслу купца, да так, что известность и достоинства его стали даже затмевать славу отца. Но так и должно быть, слава Великому Митре, ибо если бы не были наши сыновья лучше нас, то так и пребывал бы род человеческий в дикости». Старец опять воздел руки к небесам, как бы желая, чтобы они подтвердили его слова, но ни грома, ни молний с небес не последовало, и рассказчик продолжил:

«И вот однажды пришел он с караваном в Шадизар. Закончил свои дела и направился выполнить поручение отца, передать одному местному вельможе письмо. Встретили юношу приветливо, усадили как дорогого гостя на лучшее место, потчевали изысканными яствами. Когда уже заканчивался пир и гость собирался уходить, в зал вошла дочь хозяина дома, необыкновенная красавица. Что дальше рассказывать? Обычное

дело, — вздохнул старик, — сын ничего не жалел для красавицы, влюбившись в нее до беспамятства. Тратил направо и налево свое золото, и очень скоро дошло до того, что у него почти ничего не осталось. Не с чем было даже вернуться к отцу. Тогда он пренебрег запретом родителя, пошел к ростовщику и заложил свой перстень, рассчитывая получить его обратно, когда вновь вернется в Шадизар. Заплатил караванщикам, направлявшимся в Вендию, и они взяли его с собой. Больше никто и никогда не видел ни его, ни этого каравана. Божий промысел неведом смертным. Что с ними произошло: погибли от рук разбойников, а может быть, заблудились в пустыне в песчаную бурю или замерзли где-нибудь на снежном перевале? Об этом можно только гадать. Вот такая история, — подытожил старик, — или сказка, или правда, теперь уж тяжело судить».

— Почему же этот камень не предостерег сына? — спросил киммериец.

— У богов много больших дел, иногда могут и не досмотреть за такими червями, как мы. Да и Сет с Нергалом тоже не дремлют.

— А где же кольцо?

— Оно поменяло многих владельцев и исчезло из виду. Прошло еще много-много лет, и перстень опять всплыл на свет божий, и где ты думаешь?.. Опять в Вендии! Один из предков правительницы Офира то ли получил в подарок, то ли нашел этот камень в развалинах древнего города — точно не знаю, — но известно, что перстень долго переходил в качестве семейной реликвии в этой

семье. Совсем недавно при весьма загадочных обстоятельствах он опять исчез.

— Как, совсем исчез? — удивился киммериец.

— Ну нет, не растворился же он в воздухе, — усмехнулся старик. — Сказывали, что его похитил человек, живущий в Шадизаре.

Рассказ Чиндары Хона запомнился варвару. Найти бы этот сапфир, который оберегал своего владельца от превратностей судьбы! Правда, Конан не очень верил во всяческую магию и, в общем, старался держаться подальше от нее, но камень этот в любом случае не помешал бы. Если, скажем, вернуть его обратно в семью правителей Офира, то награда окажется немалой; а если он захочет к тому времени променять вольную жизнь на службу, то, пожалуй, и хорошую должность в армии удастся занять. И вот, слава Митре, он в том городе, где у кого-то, должно быть, хранится до сих пор этот удивительный перстень.

Глава третья

Мне должно быть впору, — прервал его приятные думы возвратившийся Ши Шелам. Действительно, и зеленые шелковые шаровары, и отличная — похоже, новая — рубаша, и безрукавка, не такая цветастая, как у привратника, встреченного вчера, но вполне приличная — все подошло, как будто специально сшито для Конана.

— Взял в лавке у Шелудивого Нарбека, — пояснил замориец. — Он держит много тряпья, народ разный попадает, видишь, и для такого громилы, как ты, нашлось.

Закончив с переодеванием, они собрались выйти прогуляться по базару да зайти к Абулетесу — там Ши Шелам должен был встретить коекого, переговорить о вступлении киммерийца в шайку. Конан решил не брать с собой меч, а ограничиться кинжалом — дел никаких не намечалось, да и Ши Шелам как-никак в этих местах считался своим человеком.

Пустынька и базар, который примыкал к ней с южной стороны, отличались от того квартала, по которому шел Конан вчера. Там — широкие мощеные улицы, сады, фонтаны на площадях, роскошные здания, здесь — узкие улочки и проулки, покосившиеся глинобитные заборы, чахлая растительность, пыль, грязь...

Базар был полон народу. Возгласы торговцев, зазывающих покупателей, гнусавое пение зурны и глухие удары барабанов бродячих артистов, рев ослов и блеяние баранов в скотном ряду, шарканье сотен босых ног, крики мальчишек, сновавших между торговых рядов, рычание и лай собак — эта музыка базара окутывала площадь почти осязаемой густотой.

Базары, которые Конану доводилось видеть раньше, на севере, были жалким подобием этого великолепного торжища. Варвар с любопытством озирался вокруг: от обилия зелени, овощей и фруктов рябило в глазах, запахи дурманили голову, а впереди виднелись ряды тканей, ковров, медных и серебряных изделий. Кукольники и толпящиеся около их ширм зрители, факиры с покачивающимися змеями — все искрилось весельем и яркостью. Захваченный шумным водоворотом многоголосого восточного базара, Конан еле поспевал за ловко пробиравшимся сквозь гомонящую толпу Ши Шеламом.

— Придерживай кошелек, клянусь Белом: глазом не успеешь моргнуть, как будешь пустой, — посоветовал он киммерийцу. — Здесь народ не дремлет.

Миновав базар, они свернули в переулок и через пару десятков шагов вышли на небольшую площадь. Это место Конану уже было знакомо: вчера после расправы в веселом доме именно сюда привел его Ши Шелам. Таверна снаружи представляла собой двухэтажное здание из желтого необожженного кирпича, с невысокими окнами, как бы щелями, под самой крышей из добротной офирской черепицы. Никакой, даже самой простой вывески не было, только начищенный до блеска медный фонарь на столбе у крыльца. В этом, собственно говоря, и не было нужды, ибо все, кому надо, и так знали — здесь находится таверна Абулетеса.

Кивнув в знак приветствия двум заморийцам, сидевшим на камне неподалеку от входа, Ловкач открыв дверь, знаком пригласил киммерийца следовать за собой. Конану, как и вчера вечером, пришлось слегка нагнуть голову, чтобы войти. Внутри таверна представляла достаточно просторное помещение, гораздо большее, чем можно было бы предположить по ее внешнему виду. Первый зал с несколькими рядами длинных столов из кедровых досок со скамьями без спинок, и второй, поменьше, отделенный от большого рядом деревянных колонн, между которыми было натянуто что-то наподобие рыбацкой сети с мелкими ячейками. Во втором зале вместо лавок у столов стояли тяжелые деревянные табуреты. Здесь было несколько дверей, выходивших в кухню и другие помещения, а также и во внутренний дворик, где Абулетес принимал особо знатных

гостей. Собиравшиеся в таверне разбойники вели себя достаточно пристойно, а если кто из гостей, слишком разгорячившись вином, затевал ссору, то на этот случай у хозяина в услужении были два гиганта, которые быстро объясняли забияке его ошибку, а если это не помогало, то он пробовал своим лбом крепость входной двери.

В таверне можно было подкрепиться в любое время суток, ведь у воровского мира нет распорядка, и работа идет не только глубокой ночью, но, случается, и днем, если это удобно для дел. Время близилось к вечеру, залы уже заполнялись пестрой и шумной публикой.

Расторопные мальчуганы сновали от кухни к столам и обратно, поднося гостям жареную баранину, кур на вертеле, кувшины с вином, сласти и много других кушаний, которые Конану даже не были известны.

Проходя, Ши Шелам здоровался со знакомыми, иногда даже останавливался перекинуться парой слов, так что прошло достаточно много времени, прежде чем они добрались до свободно-го стола во втором зале. Тотчас к ним подбежал мальчишка, неся в одной руке большой кувшин с вином, а в другой — блюдо с лепешками.

— Принеси-ка баранью лопатку, запеченную с сыром, и парочку кур, — распорядился Ловкач.

Варвар тем временем оглядывался по сторонам. Вчера они ужинали здесь поздно ночью, народу почти не было, да и Конан настолько устал и проголодался, что для него самым важным была еда, а где это происходило и кто там

присутствовал, не имело особого значения. Хотя в этот город он попал только что, но народ особого рода, что собрался здесь, Конану был знаком: отчаянные, лихие ребята — выхватить кинжал и пырнуть противника им ничего не стоит. Такая порода одинакова везде, что в Гиперборее, что в Аквилонии, что в Бритунии — да на всем свете их не перепутаешь ни с кем.

Внушительная фигура варвара вызвала оживление в зале, и пока он проходил, его провожали одобрительные возгласы и шепот. Конан ожидал, по обыкновению, что кто-нибудь начнет задираться, но заморийцы не отличались крепким телосложением, и никто из присутствовавших не видел себя достойным противником этому неизвестному юнцу гигантского роста.

— Думаю, через некоторое время сюда придет Фархид со своими, — начал Ши Шелам, но остановился, потому что мальчишка уже ставил на стол блюдо с парой сочных, с хрустящей корочкой, кур. Ловкач налил себе и Конану по кружке вина, оторвал изрядный кусок у ближайшей к нему курицы и только после того, как прожевал, продолжил: — Я днем, пока был на базаре, шепнул Малому, чтобы он поискал Фархида и спросил, будет ли тот сегодня у Абулетеса. Обещал попозже появиться, у него дела с Сангаром.

— Клянусь брюхом Крома, здесь действительно неплохо! — Конан не отставал от Ши Шелама, прислушиваясь к беседе за соседними столами. Он не очень хорошо понимал местный язык, особенно если говорили быстро, но уловил, что в

основном все обсуждают происшествия вчерашней ночи — вчера кто-то убил пять стражников и разгромил веселый дом недалеко от Аренджунского базара.

— Без магии не обошлось,— уверял собеседников лопухий человечек, на лысом черепе которого багровел совсем свежий шрам.— Как они могли летать по воздуху?

— Да, да,— подтверждали из-за соседнего стола,— почтенный Калой долетел до дома и только там пришел в себя.

— Выходит, какие-то демоны посетили вчера ваш город,— удивился киммериец, дочиста обгладывая куриную косточку.— Куренок хорош,— продолжал он, запивая съеденное доброй кружкой вина,— но как тебе нравится эта история?

— Здесь и не такое услышишь,— усмехнулся Ши Шелам, его хитрая мордочка хорька расцвела от удовольствия: лестно казаться опытным и бывалым человеком в глазах этого могучего варвара.

«Это и к лучшему,— подумал киммериец,— чем больше тумана вокруг этого дела, тем мне спокойнее».

— А вот и тот, кто тебе нужен.

Широкоплечий бородатый мужчина, одетый пестро, с некоторым щегольством, вошел в зал, сопровождаемый дюжиной личностей, при взгляде на которых любой сразу определил бы, что ничего хорошего ждать от них не придется. Это был Фархид. Он указал своим головорезам на свободный стол, а сам направился к одной из

дверей. Видимо, заранее предупрежденный своими мальчишками, из двери выскочил Абулетес и почтительно приветствовал предводителя крупной шайки. Абулетес, сам недюжинный мужчина, в сравнении с Фархидом несколько проигрывал в размерах. Но и предводитель оказался не самым большим в своей шайке. Последним вошел наголо обритый замориец, одетый в такие же шаровары и безрукавку, как и у Конана, и почти такой же огромный. В ширину он был гораздо объемистее киммерийца, а длинный висячий нос и оттопыренные большие уши придавали ему сходство со слоном.

— Слон,— будто бы отвечая на мысли Конана, шепнул Ловкач.— В Шадизаре нет человека сильнее, чем он.

— Эй, Абулетес,— заорал Слон через весь зал,— не забудь, что бобы в соусе я люблю самые горячие, и не приведи Митра, если ты принесешь мне то пойло, которое давал мне позавчера!

— Будет сделано,— почтительно отозвался хозяин. Он открыл дверь и пропустил Фархида перед собой. Киммериец увидел тенистый дворик, в глубине которого на мягких диванах восседали, потягивая душистый дым из кальянов, двое важных и небедных на вид мужчин.

— Надо бы поговорить с ним раньше, чем они перейдут к своим делам,— заторопился Ши Шелам,— посиди пока, может быть, все сложится как надо.— Замориец встал и направился к двери, за которой скрылся Абулетес. Конан налил себе новую кружку вина и с удовольствием отпил

глоток. Сегодня, не в пример вчерашнему, вино было много лучше, конечно, не аргосский нектар, но все же пить вполне можно. Слон, ожидая, когда ему принесут вожаденные бобы в соусе, лениво оглядывал таверну и посетителей. Он вел себя надменно, напоминая теперь уже другого представителя животного мира — петуха, восседающего на насесте. Видимо, зная его привычки, все, встречаясь с ним взглядом, опускали глаза. Конан его не знал и, когда гордо возвышавшийся над низкорослыми заморийцами грабитель посмотрел на киммерийца, продолжал потягивать вино из кружки, не отводя спокойного взгляда.

Слону это явно не понравилось.

— Что еще за молокосос сидит вон там? — указывая на варвара, нарочито громко, чтобы слышали все, раздраженно обратился Слон к соседу.

— Наверное, какой-нибудь попрошайка с базара, — подобострастно хихикнул тот.

Конан был человеком далеко не робким и не одного такого смельчака уже отправил на Серые Равнины за гораздо меньшее оскорбление, но сейчас решил не обращать внимания на забияк. Находясь в хорошем расположении духа, он налил себе очередную порцию вина и сделал добрый глоток. Ему было не до каких-то заморийцев, желающих потешить себя, — он размышлял о будущем.

— Не слышишь, придурок, что к тебе обращаются? — заорал Слон, упиваясь силой своего голоса.

В таверне вдруг стало тихо, и ответ киммерийца прозвучал негромко, но четко — так, что его тоже расслышали все присутствующие:

— Слышу, шелудивый шакал, но лучше бы ты закрыл свой гнилой рот, а то я помогу захлопнуть его — и надолго.

Это была неслыханная дерзость — подобным образом с одним из самых сильных людей в Шадизаре не осмеливался разговаривать никто. Все онемели; в наступившей тишине было слышно, как на кухне повар затачивает нож: вж-ж-жик, вж-ж-жик, вж-ж-жик... Киммериец, словно ничего не произошло, продолжал с невозмутимым спокойствием потягивать вино. Ошеломленный Слон явно не знал, что ему следует делать дальше.

В этот момент мальчишка с подносом вылетел из кухонных дверей и почтительно поставил блюдо с горячими бобами перед Слоном. Блюдо было таких размеров, что в нем запросто можно было приготовить похлебку человек на десять или выкупать ребенка. Это вывело Слона из состояния столбняка, и он со словами: «Ах ты, верблюжья задница, ну я тебе сейчас покажу» — схватил стоявший на столе кувшин с вином и с быстротой, какую трудно было предположить в столь грузном человеке, швырнул его в киммерийца.

Если бы кувшин попал кому-нибудь в голову, то это наполненное вином добротное медное изделие запросто проломило бы бедолаге череп. Однако с киммерийцем расправиться подобным образом было трудно. Он ловко пригнулся и,

пока снаряд летел дальше к стене, уже был на ногах, Кувшин еще не успел удариться о стену, как варвар оказался рядом со столом, где сидел Слон с товарищами. Конан отшвырнул двух из них, расположившихся на ближней к нему скамье, чтобы освободить себе место, и, перегнувшись через стол, поймал в кулак воротник рубахи своего противника. Хватка у варвара была стальная. Опешивший разбойник успел только открыть рот, как его голова по самые уши погрузилась в блюдо с бобами. Бобы были горячими, как он и заказывал.

— Ну как, облезлая гиена, вкусно? — осведомился Конан, позволив ему вдохнуть воздуха, и снова, теперь еще глубже, воткнул его физиономию в любовно приготовленное лучшим поваром таверны кушанье. Слон пытался выпрямиться, опираясь руками о стол, но его противник оказался сильнее. Грабители сидели словно приклеенные к своим скамьям.

Варвар еще немного подержал голову толстяка среди бобов, а затем отпустил, хотя запросто мог добавить свой коронный удар по шее, и тогда Слон отправился бы гулять по Серым Равнинам.

— В следующий раз шевели мозгами, скотина, — посоветовал ему Конан, — если они у тебя есть, конечно, — добавил он, усмехнувшись.

С обожженным лицом, вымазанный соусом с прилипшими к нему бобами, едва дышавший разбойник являл собой нечто среднее между только что пойманной рыбой и огородным пугалом. От такого зрелища вся таверна, несмотря на страх

перед Слоном, взорвалась громким хохотом. Киммериец тем временем возвратился на свое место и возобновил прерванное инцидентом занятие — потягивать вино из своей кружки. Наконец Слон пришел в себя, кое-как отер громадной пятерней бобы с лица и плюхнулся на лавку. Конан на всякий случай нащупал рукоятку своего кинжала, но продолжения не последовало. На счастье Слона дверь, ведущая во двор, отворилась, и в зал вошли Фархид с Ловкачом.

— Что за шум? — осведомился Фархид у ближайшего посетителя. Тот, давясь от смеха, пересказал ему происшедшее.

— Ничего себе, надрал Слона? — удивился предводитель и, обращаясь к варвару, добавил: — Сила есть, клянусь Белом! Проверим тебя в деле. Приходи завтра вечером, Шелам тебе скажет куда.

Сделав знак членам своей шайки, Фархид вышел, остальные последовали за ним. Киммериец и Ловкач принялись за барашка.

— Ловко ты его проучил! Однако теперь будь поосторожнее, он тебе этого не забудет, — предупредил Ши Шелам киммерийца.

* * *

На следующий вечер, когда уже начинало смеркаться, Конан подошел к окраине базара, где ему была назначена встреча. Из оружия он взял с собой только кинжал, да и то так, на всякий случай, поскольку Фархид намекнул на то, что дело предстоит легкое, без кровопролития.

Площадь была пустынна. Конан огляделся в поисках поделщиков, но рядом никого не было. Вдруг послышался тихий свист и затем варвар услышал, как его шепотом зовут:

— Эй, киммериец!

Он обернулся и увидел, что из-за угла ему машет рукой невысокий замориец, один из членов шайки.

— Иди за мной,— велел тот, и они отправились в ближайший к площади дом, где уже собрались грабители во главе со своим предводителем. Слон исподлобья глянул на Конана, в глазах его горела плохо сдерживаемая ненависть.

— Слушайте внимательно,— приказал Фархид и продолжил: — Вчера купец Гиндорус привел караван с шелком из Кхитая. Часть товара перенесли в сарай, что находится за лавкой Рыжего Шарипа. Сегодня Косой проверил, охраны нет — Рыжий надеется на свои решетки и городскую стражу. Это нам на руку.

— Слон и новичок пойдут со мной и Петухом, а Челюсть и Косой,— ткнул рукой Фархид в двух разбойников,— отправятся на тот конец базара. Вы двое,— он указал на следующих членов шайки,— идете на этот конец. Если услышите стражу, подайте сигнал — этому-то, надеюсь, вас учить не надо. Пока я не скомандую, на стражу не нападать. Лучше будет, если мы все сделаем тихо, и тогда завтра ночью спокойно перенесем товар в другое место. Все поняли, бездельники? Чтобы не было как в прошлый раз! Крюки приготовили? — Он погрозил кулаком в направлении заморийца,

приведшего Конана.— Еще раз сделаешь такую ошибку, зарежу! — пообещал он, и по выражению лица предводителя было понятно, что зарежет — как пить дать зарежет.

— Ну, пошли! — скомандовал он.— Все остальные ждут здесь! Да поможет нам Бел!

Дозорные, прижимаясь к стенам домов, поспешили на свои позиции, а четверо во главе с Фархидом пересекли площадь и направились к глинобитному забору с кованой железной дверью.

Изгородь была локтей пятнадцать в высоту, и даже Конан с его ростом вряд ли достал бы до верха, хотя и мог прыгнуть очень высоко. Вор по кличке Петух снял с пояса веревку, на конце которой киммериец заметил медный блестящий крюк, и, сделав несколько вращений правой рукой с зажатым в кулаке концом веревки, хорошенько размахнувшись, выпустил его. Петля с крюком описала полукруг, крюк зацепился за верхнюю кромку забора. Фархид подергал конец для проверки надежности.

— Пошли! Сначала ты, Петух.

Тот повиновался; упираясь ногами в стену и подтягиваясь на веревке, вор быстро взобрался на верх изгороди.

— Теперь ты, Слон,— приказал главарь.

Слон таким же образом, правда гораздо менее проворно, очутился наверху. Веревка под весом его туши натянулась как струна, но выдержала. Фархид и Конан взобрались последними. Бросив конец веревки внутрь двора, они спустились вниз.

— Вот оно,— указал главарь на стоящее в конце дворика небольшое здание с дверью, забранной решеткой из толстых стальных прутьев. В слабом свете луны тускло отсвечивал замок величиной с баранью голову.— Давай,— кивнул он Слону.

Тот вытащил из-за пояса металлический стержень, и, просунув его в дужку замка, попытался повернуть. Петля не поддавалась.

— Крепкая, Нергал ее поberi! — выругался Фархид.— Попробуйте-ка вместе,— сказал он киммерийцу.

Вдвоем с варваром дело пошло значительно лучше. Повращав рычагом несколько раз вперед-назад, они почувствовали, что петля, на которой висел замок, изогнулась; еще несколько движений — и она с тихим скрежетом переломилась. Конан сорвал замок, повернул решетку на петлях и дернул за ручку двери.

— И там замок! Клянусь Белом, нам повезло: товару, наверное, много,— удовлетворенно потер руки главарь.— Давай, Петух! — приказал он.

Петух вытащил из-за пояса несколько железных предметов, похожих на спицы, которыми в Киммерии женщины вяжут из шерсти теплые вещи, и, склонившись к двери, начал свою работу. Он вставлял свои железки в замочную скважину одну за другой и пытался отомкнуть замок. Тот, однако, не поддавался.

— Что там у тебя, вшивый ублюдок? — набросился Фархид на взломщика.— Опять не можешь? Я всегда говорил, что у тебя руки растут из

задницы. Давай быстрее, а не то я, клянусь Белом, могу рассердиться.

— Подвинься-ка,— предложил Петуху Конан. Тот повиновался, киммериец отклонился назад и, выпрямив ногу, со страшной силой ударил в то место, где находился замок. Доска треснула, варвар ударил еще раз — и дверь рухнула внутрь сарая.

— Неплохо,— хмыкнул Фархид.— Теперь тебя, Петух, можно и на Серые Равнины отправить — ты нам больше не нужен.

Замориец от таких слов посерел лицом — видно было, что он напуган до смерти.

— Не бойся, шучу,— успокоил его главарь.— Давай иди.

Тот послушно юркнул в дверной проем и исчез внутри. Через секунду раздался глухой стук, хриплый вопль, и все стихло. Конан едва успел отпрянуть, скорее почувствовав движение воздуха, чем увидев какую-то тень. Во двор влетел огромный черный пес, с горящими яростью глазами. Промажнувшись, зверь развернулся на задних лапах и беззвучно, как призрак, вновь бросился на киммерийца.

— Мастаф,— в один голос выдохнули Фархид и Слон, в ужасе прижавшись к стене. Конану приходилось видеть таких собак. Это были не какие-то сторожевые шавки, заливающиеся лаем при малейшем шуме,— натасканные на убийство бойцы, с челюстями, способными в одно мгновение перекусить руку или шею, беспощадные и не чувствующие боли.

«Лучше бы пять стражников, клянусь Кромом!» — мелькнуло в голове у Конана. Он сделал движение в сторону и прикрылся решеткой — быстроте движений варвара мог бы позавидовать даже пес-убийца. В прыжке он налетел на препятствие и, сильно ударившись мордой, упал на песок, однако мгновение спустя вскочил и вновь прыгнул на варвара, намереваясь вцепиться в горло.

Киммериец успел выхватить кинжал и, прикрывшись левой рукой, правой нанес удар в бок своему противнику. Клинок, видимо, наткнулся на кость, поэтому, слегка отброшенный ударом, мастаф вновь прыгнул — по-прежнему не издавая ни звука, отчего все происходящее выглядело еще более ужасно. Это было похоже на поединок не с живым существом, а с каким-то магическим порождением Темных Сил. Слон и Фархид, объятые ужасом, не сделали ни малейшей попытки помочь киммерийцу в борьбе с шандаратским псом.

Однако Конан уже не нуждался в их помощи. Второй выпад был точен, хотя мастаф и успел вцепиться мощными клыками в его руку. Однако сжать челюсти у пса уже не хватило сил. Кинжал вонзился в его грудь по самую рукоятку, и только тогда зверь издал первый звук, оказавшийся предсмертным хрипом.

«Слава Крому, он был один, — подумал киммериец. — Что там стая волков, с ними было справиться куда легче», — вспомнил он недавнюю схватку на гиперборейской равнине.

Они вошли в помещение и, когда глаза привыкли к темноте, увидели на полу в луже крови тело Петуха. Мастаф вырвал ему горло.

— Нергал с ним, — равнодушно произнес Фархид, к которому вернулся его прежний начальственный тон. — Зажги факел, — приказал он Сло-ну, — и давайте за дело.

Тот повиновался. Когда факел разгорелся, они увидели, что помещение доверху набито тюками с материей.

— Смотрите внимательно, нам нужен только шелк, — предупредил главарь. — И пошевеливайтесь!

Втроем они быстро вынесли по несколько тюков и сложили их вдоль забора. Фархид повторил тот же прием с крюком, который недавно выполнял несчастный Петух, и, взобравшись на верх забора, тихо свистнул. Услышав ответ от своих дозорных, он склонился к ожидавшим его распоряжений Конану и Сло-ну и скомандовал:

— Слон, залезай наверх, а ты, киммериец, будешь кидать ему тюки, да побыстрее — надо успеть до обхода стражи.

Работа закипела, и скоро кучка тюков уже лежала вдоль забора с внешней стороны. Теперь предстояла не менее важная часть воровского дела: надо было, стараясь не попасться на глаза стражникам, обходившим ночью этот квартал, перенести добычу в тот дом в конце базара, где они встретились. Конечно, если бы стражники их увидели, грабителям пришлось бы расправиться с ними — но тогда надо было уничтожать весь до-

зор, а это не всегда получалось, в стражу тоже набирали не одних лопухих и безруких. Ночные старания могут пойти насмарку — что толку грабить, если наутро весь город будет знать, что произошло и где спрятана добыча.

В этот раз Бел-покровитель повернулся к шайке воров Фархида лицом. Главарь подозвал на помощь еще двоих, и впятером они достаточно быстро перенесли все тюки с шелком в потайное место.

— Удачно, клянусь богами, — радостно потирая руки, ухмыльнулся Фархид, — теперь неплохо бы и пропустить по кувшинчику винца. Я угощаю. А ты неплохой боец, из тебя, пожалуй, выйдет толк, — похвалил он киммерийца. — Быстро ты расправился с мастафом. Жаль, что он не на меня напал, иначе конец был бы еще более скорым, — не преминул добавить предводитель шайки.

«Да уж, — подумал про себя варвар, — тебя бы он загрыз гораздо быстрее, чем я его зарезал». А вслух с почтением в голосе произнес:

— Конечно, клянусь Кромом, ты, наверное, уже много раз побеждал таких свирепых псов, а мне еще только предстоит научиться у тебя этому.

— Но прежде, чем идти к Абулетесу, — вдруг спохватился Фархид, — ты, киммериец, и ты, Слон, уберите куда-нибудь то, что осталось от Петуха. Лучше, если никто не узнает, что там были мы.

Тем же путем, как и в первый раз, они перелезли через забор, завернули несчастного Петуха в кусок ткани, перетащили на улицу и отнесли к каналу, благо он был рядом.

Конан сделал несколько шагов от берега, и вдруг все вокруг заволочло красноватым туманом. Падая на пыльную песчаную тропинку, он почувствовал острую боль в спине, в голове пронеслись, сталкиваясь друг с другом обрывки мыслей: «...надо повернуться назад... что это?... Обернись, обернись!... Нет сил... конец... все...»

Да, замориец может улыбаться и кланяться: «Все хорошо, почтеннейший, все хорошо», а стоит чуть зазеваться, тут же этому почтеннейшему и нож в спину...

— Вот так, вонючая киммерийская падаль, это тебе за вчерашнее, — криво улыбаясь и вытирая о безрукавку Конана кинжал, пробормотал Слон. — Мы своих обид не прощаем. А тебя теперь сожрут бродячие псы!

* * *

Он бежит, спотыкаясь и падая, вновь встает и продолжает карабкаться по каменистым обломкам. Лай приближается, кажется, его вот-вот настигнут... Последние ступени, заветная дверь, он хватается за ручку, дергает, дергает — никак не открыть... Вожак стаи делает прыжок, он бьет по оскаленной морде, которая брызжет бешеной слюной прямо в его лицо... Дверь распахивается, он судорожным движением проскальзывает внутрь, поворачивается, чтобы запереть засов...

«Вот и ты, киммериец!» — не голос человека, но рык зверя. Он поворачивает голову — поздно, уже ничего не сделать: огромное копье вонзается ему в спину... адская боль...

...Эта боль продолжает терзать его, он не может даже спокойно прилечь, чтобы чуть-чуть перетерпеть, превозмочь ее. Их много, может быть, десятки, может, сотни. Свирепые, в черных коротких гладиаторских туниках, они хватают его, перебрасывают от одного к другому, и каждый бьет по ране — это уже невозможно вынести, нет таких человеческих сил, кажется, что он сейчас лопнет, как бычий пузырь. В мозгу вспыхивает яркий, ослепительный, сжигающий свет... и наступает желанная прохлада, вокруг роца из раскидистых деревьев. Тропинка извивается среди громадных, замшелых стволов...

...Шум базара, в глазах рябит от потока людей и лошадей. Громкий спор торговцев, не разобрать слов, только эхо разносит звон колокольчиков... Огромная толпа калек окружает его. Все они кричат: слепые и паралитики, карлики и прокаженные бросаются к нему и не дают проходу, они ползут по дороге между ног его лошади, оглашая воздух воплями и молитвами; покрытые ужасными запыленными язвами, они идут и идут, сгорбленные, высохшие, безобразные и страшные. Он бросает монеты, но тщетно — хрипя и давя друг друга, его стаскивают с лошади, и вновь невыносимая боль застилает все вокруг...

...Зигзаги молнии вспыхивают все чаще и чаще, лошадь несется во тьме под ливнем, оглашая воздух испуганным ржанием, грива развеивается по ветру. Вокруг бескрайние поля, покрытые песком и пеплом.

— Серые Равнины!.. Великий Кром!

...Впереди огонь. Вот он ближе и ближе. Ливень стих, и буря как будто уже пронеслась. Возле костра фигуры людей, вид которых не предвещает ничего хорошего. Пламя освещает их черные лица и белоснежные зубы. Белый пахучий дым поднимается к небу — это дым жертвоприношений. Они не видят его. Чья-то тень колышется вместе с пламенем костра, ее причудливые очертания растягиваются по темной земле. Языки огня бросают свой отсвет на темную женскую фигуру, извивающуюся в танце. Какая-то птица подлетает к ней, взмахивает своими черными крыльями и садится вдали, испуская жалобный стон.

Однорукий старик с кожей цвета ореха отделился от остальных и выжидает, когда киммериец приблизится, глаза его свирепо сверкают.

— Вот он! — кричит старик. — Хватайте его!

Огромного роста черный разбойник в мокром платье, вода струится с его одежды, вытаскивает нож. Толстые губы его расплываются в ухмылке. Он сбрасывает блузу; на его обнаженном торсе, словно выточенном из черного камня, еще блестят капли влаги.

Вся шайка вдруг поворачивается к киммерийцу и бросается на него, они цепляются за его руки, одежду, волосы скрюченными пальцами, стаскивают с коня, волокут по песку.

— В котел его, падаль вонючую! — раздаются вокруг яростные и неистовые крики. Старик поворачивается к нему и смотрит горящими от

ненависти глазами. Его козлиная бородка трясется от гнева.

— Будет чем заплатить Нергалу!

— Постойте! — Женщина, только что самозабвенно отдававшаяся танцу, подбегает к ним, и вся эта крикливая и алчущая крови шайка вдруг стихает и почтительно склоняется перед ней. Ее власть столь велика, что они безропотно отдают ей истерзанного пленника и, что-то бормоча себе под нос, исчезают в кромешной тьме. Прохладные, ласковые руки касаются его разгоряченного лица, и он вдыхает сладостный аромат благовоний. Постепенно, как бы мерно покачиваясь на волнах, он погружается в сон, лихорадочный и тревожный...

— Наконец-то очнулся, — произносит тихий, ровный и нежный голос. — Благодарение Митре, будет жить.

Конан открыл глаза и увидел распахнутое окно, зеленую листву, сквозь которую пробивались розоватые лучи утреннего солнца, и склоненное к нему лицо женщины из сновидения, нежное и печальное. Ее губы шевелились, но дальнейших слов он уже не разобрал и вновь провалился в сон — на этот раз глубокий и освежающий.

Глава четвертая

Выздоравливал он быстро. Могучий организм пересилил рану, которую предательски нанес ему вислоносый замориец. Слоном метил прямо в сердце, но лезвие его ножа, скользя по перевязи, отклонилось, и это спасло киммерийцу жизнь. У него еще хватило сил в полубеспамятстве доползти до какого-то дома, стоявшего неподалеку от канала.

На его счастье хозяйка еще не спала и, услышав стоны, выглянула на улицу. Вид красивого юноши, истекающего кровью у порога ее дома, не оставил женщину равнодушной. Она крикнула служанок, и вчетвером они с трудом приволокли киммерийца в дом.

Женщине, подобравшей Конана, было уже лет двадцать пять, но она выглядела свежо и молодо. Ее покойный муж был вором, таким же, каким намеревался стать киммериец, но ему повезло меньше — погиб в схватке со стражниками несколько лет тому назад, и теперь вдова жила одна

с тремя преданными служанками. Кое-что ей досталось от мужа; кроме того, она занималась врачеванием и даже немного волшебной: бабка обучила ее в детстве некоторым магическим заклинаниям, и теперь она предсказывала судьбу, отвращала сглаз и порчу и настолько преуспела в этом ремесле, что не только жители ближайших кварталов, но и богатые купцы и вельможи обращались за помощью к умной прелестной женщине, щедро одаривая ее золотом и драгоценностями.

Киммериец пролежал в бессмятстве целых пять дней. Денияра — так звали его спасительницу — и ее служанки все эти дни не отходили от его ложа, готовили отвары из трав, окуривали целебным дымом, меняли повязки с вендийским бальзамом, и смерть отступила.

Через несколько дней после своего пробуждения Конан уже мог самостоятельно принимать пищу и даже приподниматься. Силы быстро возвращались к юному варвару. Прошла еще седмица, рана затянулась, и киммериец решил, что вполне может покинуть этот дом — тем более что у него руки чесались найти этого ублюдка Слона и выпустить ему кишки. Его даже не так интересовало отомстить именно за этот подлый удар в спину, как хотелось избавиться от мерзкого ощущения, которое не покидало его с того самого момента, когда он пришел в сознание.

«Лопоухий болван! — не переставал укорять он себя. — Какой же из меня воин, а тем более вор, если каждый шелудивый осел может подойти ко мне со спины и ударить ножом! Великий

Кром, спасибо, что не сильно наказал меня, а только испугал».

Мысли варвара занимали еще три вещи. Первая — почему Ши Шелам не ищет его, вторая — что, кроме отмщения своему обидчику, надо бы с этой шайки еще получить свою долю. А она должна быть немалой. Не оставлять же ее просто так этому ублюдку Фархиду — Конан был уверен, что Слон без позволения вожака вряд ли мог решиться на убийство новичка. И третья — он вспомнил, как старик из Вендии говорил ему, что пока с ним этот меч, который он называл «Спящим Злом», его, Конана, будут подстерегать беды и несчастья. Возможно, кинжал, предательски всаженный в его спину, — как раз и стал наказанием за то, что он не внял совету мудреца?

Но самое главное: киммерийцу казалось, что, пока он не отомстит обидчику и не потребует свою долю, он не сможет чувствовать себя прежним — ловким, смелым и сильным. Это чувство было столь всепоглощающим, что он даже не замечал, что рядом с ним все эти дни находится несколько на редкость привлекательных женщин. Ухаживая за ним, принося ему еду и питье, служанки старались как бы ненароком прижаться к нему бедром или грудью, а в их взглядах сквозили нежность и обещание исполнения любых желаний. Раньше у Конана при одной мысли о женщинах вскипала кровь, а сейчас даже все их прелести, которые были едва прикрыты легкой тканью — наступило лето и было жарко, — не вызывали у него интереса.

— Ну вот, повязка больше не нужна,— сказала Денияра, осмотрев его рану в последний раз,— еще немного, и ты будешь совсем здоров.

— Я уже в порядке,— твердо возразил киммериец,— и решил, что пора мне убираться отсюда. Клянусь Белом, у меня очень много дел!

— Не сомневаюсь, что у такого отважного мальчика дел невпроворот,— улыбнулась хозяйка.— Тебя никто не удерживает, но если кроме мускулов ты имеешь еще и голову, то послушай меня и останься здесь еще на два-три дня. Тебе надо набраться сил. Выпей это снадобье, оно должно помочь.

Кровь бросилась варвару в голову — никогда еще женщина не осмеливалась разговаривать с ним подобным образом, но он вспомнил, как нежно и заботливо она и ее служанки ухаживали за ним, когда он был совсем плох, и устыдился своего гнева.

— Ну что ж, пару дней, пожалуй, еще можно, раз ты так считаешь.

Взгляд, полный благодарности и невысказанной мольбы, который он получил в ответ, заставил его задуматься, но мысли о мщении вновь заполонили душу и мозг варвара, отодвинув на задний план все остальное. Он послушно выпил чашу зелья, которое по знаку Денияры поднесла ему одна из служанок, и через некоторое время его сморил крепкий и здоровый сон.

На следующее утро Конана разбудил звонкий женский смех, доносившийся из сада. Варвар встал с постели и подошел к окну. Окно в его комнате

располагалось достаточно высоко, под самым потолком, и обычный человек должен был подставить что-нибудь, чтобы посмотреть наружу. Конан же при его росте просто заглянул в него и увидел, что в бассейне резвятся служанки. Их тела в сверкающих брызгах воды переливались на солнце, как драгоценные камни. Киммериец засмотрелся на это прекрасное зрелище и даже не слышал, как кто-то вошел в комнату. Очнулся он от звуков ласкового голоса Денияры:

— Вот теперь я могу сказать, что ты совершенно здоров!

Варвар, вздрогнув от неожиданности, обернулся. Хозяйка, видимо, тоже только что выкупалась — вокруг ее тела была небрежно обернута белая ворсистая ткань, волосы распущены, влажная кожа источала необыкновенно свежий аромат.

— Я не ошибаюсь, сегодня ты чувствуешь себя по-другому? — спросила Денияра, подходя к нему совсем близко. Гибкие руки обвили его шею, ткань, покрывавшая ее тело, соскользнула к ногам. Конан сжал ее в объятиях с такой силой, что женщина застонала.

— Не раздави меня, дикарь! — воскликнула она, закрывая его рот мягкими, как лепестки розы, губами. Конан не противился, да и не смог бы, даже если бы собрал всю свою волю в кулак.

Последующие две седмицы прошли как в сладком сне. Конан, подобно могущественному владыке, купался в неге и обожании, утопал в

сладостном и упоительном восторге любви, который самозабвенно дарила ему судьба. О Великий Податель Жизни, если ты хочешь вознаградить раба своего, то щедрость твоя не знает предела! Конан с юношеским пылом предался страсти, ради которой стоило перенести те удары жизни, что выпали на его долю.

О Денияра! Ее красота и облик богини, ее змеиная гибкость, пышные бедра, ее искушающая улыбка, изящные ноги — все, что он видел, возбуждало его плоть. В глазах ее, укрытых длинными пушистыми ресницами, было что-то таинственное, призрачное, далекое, напоминавшее о древних и благородных народах, которые в далекие времена основали великие империи под светлым Оком Митры.

В божественном, райском саду, раскинувшемся вокруг дома, Конан вкусил величайшие, еще неведомые ему радости любви, какие только фантазия могла выткать своей золотой нитью.

Как-то раз прелестная возлюбленная, перебирая задумчиво пряди его густых темных волос, спросила:

— Не приелась ли тебе, мой воин, спокойная жизнь, не устал ли ты от нашей любви?

— Что тебе сказать? — ответил Конан, который не привык хитрить с женщинами. — Рука тоскует по рукоятке меча, но мне не хочется расставаться с тобой.

— Как ты считаешь, восстановились ли силы твоих мускулов настолько, что ты можешь участвовать в сражениях?

— А ты разве не чувствуешь это, когда бываешь со мной? — немного обиделся киммериец.

— О, это другое, — серебристым колокольчиком залилась Денияра, — вот давай испытаем тебя способом, которым у нас определяют силу воина.

— Согласен, — кивнул варвар.

— Посмотри. — Женщина указала на толстую медную цепь, свисавшую с векового ствола чинары. — Встань спиной к дереву, теперь давай сюда руки, — приказывала она.

Кольца замкнулись, варвар напряг все силы, пытаясь разорвать их. После неудачи он пытался сделать это еще и еще раз — ему так не хотелось уронить себя в глазах возлюбленной!

— Не получается! — наконец с горечью вынужден был признать Конан.

— Какой же ты еще мальчишка! — засмеялась Денияра. — Такую цепь не то что человеку — слону разорвать не под силу. Теперь же в наказание за хвастовство стой вот так, привязанный.

Вокруг ярко сверкавшей серебряной струи фонтана легким туманом светились мельчайшие капельки живительной влаги. На прогретой солнцем площадке, под синим небом, глядя на раскинутую шатром чинару, слушая полную свежести музыку журчащей воды, киммериец даже со скованными руками ощущал удивительное отдохновение — как путник, достигший оазиса после длительного и трудного пути по пустыне.

— Ну хватит, отпусти меня, — взмолился он наконец, — в следующий раз я хорошенько подумаю, прежде чем браться за невыполнимое.

— Быстро же ты хочешь получить прощение, еще не время,— засмеялась Денияра.

Она была удивительно хороша, едва прикрытая прозрачной шелковой туникой, сквозь которую просвечивало ее тело богини. Обольстительная, смуглая, с улыбкой на губах, с распущенными волосами, ниспадавшими на обнаженные плечи!

Денияра забавлялась, покусывая ему руки. Потом медленно, очень медленно, с лукавой улыбкой поглядывая на варвара, она стала расстегивать свой корсаж. О том, что он закован, она, казалось, совсем позабыла. О боги, сжальтесь над бедным юношей! Сладостная пытка продолжалась. Раздевшись, она умастила смуглое тело благовонными маслами и легла на стоявшее под деревом ложе. Конан упивался ни с чем не сравнимым наслаждением видеть ее и сам хотел уже, чтобы другие наслаждения еще не наступали, дабы в священной тишине этого утра он мог вкушать их потом все по одному.

Голубое небо, ароматы осыпавшихся в сад лепестков роз — все наполняло его тело ни с чем не сравнимым ощущением полета.

Женщина вскочила с ложа, по трепету ее тела было видно, что и она не может более сдерживать себя. Кольца разомкнулись...

Великое пламя страсти лизало их огненным языком. Охваченные им, они не знали усталости, в них рождалась та бессмертная сила, которой в наслаждении отмечены боги.

Глава пятая

Когда Конан не вернулся в Пустыньку после того, как ушел на первое дело, Ловкач Ши Шелам не придавал этому особого значения: мало ли где загулял парень после удачно проведенного налета — дело молодое. Но прошел день, за ним другой, третий, и Шелам забеспокоился. Он разыскал Фархида, но тот не сообщил о варваре ничего определенного.

— А, этот твой здоровенный киммериец? После того, как он получил свою долю, я его не видел, наверное, гуляет где-нибудь в веселом доме.

Что-то в словах Фархида — точнее, в том, как это было сказано, — вызывало недоверие, но, решив про себя, что он становится слишком уж подозрительным, Ши Шелам попытался раздобыть какие-нибудь сведения о киммерийце на базаре, среди завсегдатаев таверн и веселых домов. Он расспрашивал фонарщиков, которые много знали о ночной жизни Шадизара, говорил даже

с некоторыми стражниками. Но странно — никто ничего не мог сказать о Конане, как будто юный гигант провалился сквозь землю — был и нет его. Шелам знал по опыту, что ничто не проходит бесследно: как ни таились воры и перекупщики, как ни старались они делать свои дела тихо и скрытно — кое-что рано или поздно становилось известным, если и не всем, то тем, кто этого очень хотел.

Правда, несколько таких случаев все же было: воры исчезали без следа, их не видел потом никто ни на базаре, ни в тавернах или веселых домах, ни в городской тюрьме, ни даже головы их не было на колу на главной площади. Но Пустынька знала, что промышлять они отправились в квартал магов, а коли связался с волшбой, никто не поставит и медяка против того, что не превратился неосторожный в жабу или конское дерьмо, а то и вообще рассеялся в воздухе стружкой сизого дыма. Но чародейство дело такое, незачем удивляться и роптать на судьбу — сгинул и сгинул, значит, богам так было угодно, не ходи на промысел куда не надо.

«Тут что-то другое,— размышлял Ши Шелам,— все вроде понятно: провернули дело, разделили добычу, с волшбой не связывались... Так куда же он все-таки делся? Нет, что-то здесь явно нечисто».

По прошествии дней десяти стали до Ловкача доходить слухи, что вроде бы Слон наказал своего врага. Наверное, сам выболтал за кружкой вина кому-то из грабителей, а может быть, и намеренно — чтобы все знали и боялись его еще больше.

Шелам не стал допытываться о подробностях — много любопытствуешь, меньше живешь,— он и так понял, что, пожалуй, больше не увидит этого ловкого и сильного синеглазого киммерийца, так пришедшегося ему по душе; не придется вести с ним дела, пропускать по кувшинчику доброго вина...

«Если бы не эти ублюдки, из киммерийца мог бы получиться вор, какого в Шадизаре и не видели никогда. Но что мы можем, земные черви, поделаться против воли богов? Значит, так им было угодно... Но все-таки жаль парня»,— мрачно размышлял Ши Шилам.

У Ловкача остался меч Конана — длинный клинок с тяжелой, обмотанной ремнями рукоятью. Для заморийца он был слишком велик, вряд ли кто-нибудь из здешних мог управиться с таким оружием. Сначала меч стоял в углу Шеламовой лачуги, потом он спрятал его под кровать, и так бы меч пылился там неизвестно сколько, но подвернулся случай.

Как-то у Ши Шелама было небольшое дельце с одним торговцем из Зингары. Поторговались, купец взял товар; как водится, отметили сделку кружкой доброго вина. Слово за слово, зашел почему-то разговор об оружии, Ловкач и вспомнил про меч. Зингарец не поленился сходить с Шеламом в Пустыньку, очень тот заинтересовал его рассказом о якобы хранящемся у него огромном мече.

— Вот это вещь! — восхитился торговец, внимательно рассматривая оружие.— И знаешь, один

мой компаньон говорил, что у него есть знакомый из Вендии, Чиндара Хон его зовут, так вот он искал как раз такой меч. Продай! Я хорошо заплачу.

Ловкачу вообще-то не хотелось продавать меч киммерийца — все же это была память о нем. Но, подумав немного, он согласился, тем более что цену купец действительно предложил приличную. Потом Шелам сам себе не мог объяснить, почему все-таки пошел на это — словно что-то подтолкнуло его под руку. Так или иначе, они ударили по рукам, и оружие пропавшего приятеля отправилось в далекую Зингару — или, скорее всего, в еще более дальнюю Вендию.

* * *

Проходили дни. Как-то ранним утром, когда Конан разминал свои могучие мышцы, поднимая и опуская на землю огромную деревянную колоду на заднем дворе, он услышал скрип входной двери и радостный голос Шаризы, одной из служанок:

— Денияра, Денияра, пришел Нинус!

Конан никогда не страдал отсутствием здорового любопытства. Чем больше увидишь и узнаешь сейчас, тем легче будет потом — так его учил еще в далеком детстве один старый воин, плечом к плечу с которым они штурмовали Венариум.

Киммериец подтянулся на руках и заглянул через ограду в первый двор. Он увидел, что Денияра обнимается с невысоким и худощавым

заморийцем, одетым, как обычно одеваются все местные: в синие шелковые шаровары, белую блузу и безрукавку. Пришедший оказался Конану знакомым, похоже, где-то он уже его встречал. Великий Кром, да это же тот воришка, которого он спас от разъяренной погони в свой первый вечер в этом городе! Какое он имеет отношение к Денияре, почему его так радостно встречают?

Киммериец не очень любил предаваться размышлениям, мало ли кто может это быть, Нергал с ним! Хотя, пожалуй, где-то в глубине его души шевельнулось чувство, похожее на ревность. Он с еще большим усердием принялся за колоду, но тут вошла Замира, еще одна из служанок Денияры, и скромно стала рядом с ним, ожидая, пока он обратит на нее внимание.

— Что нибудь случилось? — спросил варвар.

— Денияра зовет тебя.

Конан подошел к бронзовому тазу, наполненному водой, настоящей на травах с Карпашских гор, и поплескал себе на лицо, шею и плечи. Божественный аромат одним своим дыханием придавал силы, не зря Денияра утверждала, что тот, кто умывается по утрам настоем из этих трав, становится сильным, как снежный барс — хозяин этих гор. Юноша чувствовал себя великолепно, рана уже совсем не беспокоила, и как ни было ему хорошо и сладко здесь, натура требовала действия. Хрустнув мышцами, да так, что Замира вздрогнула, он набросил на себя шелковую блузу и направился в дом.

— Здравствуй, радость моя,— приветствовала его Денияра. Она сидела, как обычно, на своем любимом, работы кхитайских мастеров, маленьком диванчике, а напротив нее расположился тот самый замориец.

— Познакомься с моим братом,— указала она на гостя,— Нинус, может быть, будет полезен тебе, а ты — ему.

— Что-то ты не рассказывала мне ни о каком брате,— заметил киммериец, протягивая тем не менее руку,— я уже здесь почти целую луну, а ни разу о нем не слышал.

— Да как-то не пришлось к слову,— улыбнулась Денияра.— К тому же, если бы ты узнал о Нинусе, ты сразу же захотел бы с ним связаться, а мне не хотелось расставаться с тобой.

— Ты зря беспокоишься,— покачал головой варвар.— Разве по мне так уж заметно, что я хочу тебя покинуть?

— Конечно, глупенький, а ты думал, что нет? — не очень весело рассмеялась женщина.— Тигра не удержишь, если только не посадишь в клетку. Я же вижу, что тебе нужно действие, мой нежный дикарь. Мне не хотелось говорить тебе о Нинусе, потому что профессия у него наследственная, как у нашего отца, да и у моего мужа,— он тоже промышляет отнюдь не выделкой кож.

— Что ты ему рассказываешь? — усмехнулся Нинус. Голос у него был басовитый, густой, несколько неожиданный для внешне столь невзрачного человека.— Около луны назад он здорово помог мне, помнишь, я тебе рассказывал? Думаю,

что парень хоть и очень молод, но не так глуп, чтобы предположить, что стражники гнались за мной в надежде угостить шербетом или предложить сыграть партию в кости. Клянусь Белом, этот молодец сам меня может научить кое-чему. Не так ли? — Он обернулся к Конану.

— Ты преувеличиваешь,— скромно отозвался киммериец, польщенный тем, что о нем отозвались так лестно.— Я не силен в твоём ремесле, ведь до Шадизара я был воином и гладиатором. Здесь же мне привелось участвовать в одном деле, вот только ничего хорошего из этого не получилось.

Вспомнив об оплошности, едва не стоившей ему жизни, он даже зажмурился и скрипнул зубами, досадуя на себя.

— Я еще поквитаюсь с этим шелудивым ослом.— Конан налил себе кружку молодого вина и одним глотком осушил ее.— Клянусь Кромом, этот проклятый шакал еще пожалеет, что появился на свет!

— Конечно,— согласился Нинус. Он видел варвара в деле и ни секунды не сомневался в том, что свою угрозу этот молодой, ловкий и сильный боец выполнит, как только представится малейшая возможность.— Думаю, что это для тебя будет даже не дело, а так — легкий пустячок. Я видел, как ты работаешь мечом. Таких мастеров у нас нет; может быть, только если бритунские наемники, да и то... — с сомнением покачал он головой.— Однако у меня к тебе другое предложение.

Нинус занимался более тонким ремеслом, нежели шайка Фархида или множество им подобных. Братец Денияры промышлял по богатым домам в квартале у Восточных врат, освобождая купцов и вельмож от лишних, по его мнению, золотых монет и драгоценностей, коими были переполнены их сундуки. Вор он был отчаянный и наглый, пробирался в тайники даже в то время, когда хозяева были дома. Как правило, ему все сходило с рук, не считая двух-трех раз, но тогда выручали быстрые ноги, воровское счастье и снисходительность богов. Тот случай, когда Конан спас его, навел Нинуса на мысль о сообщнике, который, в случае чего, мог отбиться от преследователей. Вдвоем с таким, как этот головорез, можно было бы проворачивать дела гораздо успешнее.

Конана не пришлось уговаривать долго. Да и Денияра не удерживала его: бесполезно привязывать орла, расправившего крылья.

— Ты будешь навещать меня хотя бы изредка? — Слезы навернулись на глаза женщины, она понимала, что расстанется с ним, может быть, навсегда, потому что жизнь вора не может быть предсказуемой и размеренной: сегодня он здесь, а завтра приходится быть совсем в другом месте; новые люди, новые женщины — ничего постоянного... Тем более Конан еще так молод!

— Все во власти Митры, — ответил киммериец, чувствуя, как дрожит прильнувшее к нему тело, — я всегда буду помнить о тебе! — На мгно-

вание в нем вспыхнуло желание, но он подавил его в себе: негоже мужчине быть привязанным к женской юбке; настоящий мужчина — а Конан считал себя таковым — должен действовать.

Позади остались слезы Денияры и причитания ее верных служанок, мужчины вышли на улицу и, обсуждая на ходу план своих будущих действий, не спеша направились вдоль берега Большого канала. Воздух в утренние часы был упоителен своей свежестью, до дневной жары было еще далеко. Киммериец давно не ощущал такого приподнятого и радостного настроения, как в этот миг, и даже расставание с прекрасной женщиной не могло омрачить его духа.

Конан уже почти целую луну, с того самого момента, как получил нож в спину, не был в городе и не видел никого, кроме четырех женщин. Сытная и сладкая жизнь в гостеприимном доме, объятия прелестной хозяйки... но не могло же так продолжаться вечно! Да и потом, не может же мужчина навсегда оставаться со всеми теми женщинами, с которыми его сводит судьба! Хвала Митре, будут и другие, но Денияру он, конечно же, не забудет...

— Посмотри на тот берег, — прервал его мысли Нинус. — Видишь дом из розового камня?

Дом, на который указал воришка, принадлежал известному во всем городе землевладельцу Ахунду. Его поместья, раскинувшиеся в степи недалеко от Шадизара, приносили громадные доходы. Тысячи рабов возделывали хлопок, ухаживали за фруктовыми плантациями, пасли тысяч-

ные стада овец. А второго такого гуляки и выпивохи в городе, наверное, больше не было! Почти каждый день в его саду звучала музыка, кружились в знойном танце полунагие танцовщицы, веселились гости.

О его сказочных сокровищах много рассказывали в Шадизаре. Иногда он, в порыве бахвальства, снимал с пояса связку ключей, с которой не расставался никогда, открывал кованые двери в сокровищницу и показывал наиболее доверенным из собутыльников диковинные камни со всего света: мерцавшие синеватым блеском сапфиры из Вендии, офирские изумруды, аметисты из Карпашских гор, своим оттенком напоминавшие цветы вереска, — да мало ли там было других сокровищ!

О них давно мечтали не только многие местные красавицы, желая завладеть не только сердцем богача, а также и воры, которым до его сердца не было вообще никакого дела. Пару раз в сокровищницу пробовали проникнуть, но, видимо, дело затевалось не богоугодное, потому что заканчивалось оно плачевно: чудом уцелевшие разбойники долго потчевали завсегдатаев таверн рассказами о свирепых и скорых на расправу охранниках.

Все это Нинус сообщил Конану, пока они рассматривали каменный забор, за которым среди кипарисов возвышался дворец Ахунда.

— Много ли у него стражников? — спросил киммериец. — Давненько я не брал в руки меча, — добавил он, — да и меч мой остался в Пустыньке.

Хотя, — Конан задумался на мгновение, — столько времени прошло с тех пор, неизвестно, верну ли я свой клинок.

— Это не вопрос, — махнул рукой Нинус, — до stanu я тебе что-нибудь подходящее. Шадизар город большой и богатый, тут есть все.

— Тогда все в порядке, пусть нам поможет Бел.

— В саду я уже побывал, — доложил Нинус. — Стражников всего десять, пятеро охраняют сад и сокровищницу, а пятеро отдыхают, но в любой миг могут прибежать на помощь.

— Значит, клянусь Кромом, пять сначала и пять потом — правильно я тебя понял?

— Сколько будет потом, сказать трудно. Тут уж как повезет, — пожал плечами Нинус. — Может ведь явиться и городская стража, если услышит шум или если их позовут...

Конан вспомнил, что тогда за воришкой гнались пять стражников.

— Да, десяток сразу — это будет многовато... Но как же они не схватили тебя, если ты побывал в этом саду? — продолжил киммериец, явно заинтересовавшийся планом нового знакомого.

— Я договорился со знакомым торговцем вином, и он взял меня с собой — не бесплатно, конечно, — под видом подручного, — ответил Нинус. — Пока мы разгружали бочонки с вином, я высмотрел, что там и как.

— Клянусь рогом Нергала, ты ведь неспроста рассказываешь мне эти сказки, — усмехнулся Конан. — У тебя есть какой-нибудь план?

— Есть,— сощурился Нинус. В этот момент он очень походил на хитрого лиса.— У этого Ахунда на вечеринках народу бывает много. Когда они вдоволь налагаются вина и кровь заиграет, то разбредаются по всему саду с наложницами. Стражникам, естественно, велено не обращать на них внимания, да они всех и запомнить-то не могут, люди ведь у него бывают разные. Они, стражники эти, и сами здоровы выпить, а когда приложатся к бурдюку с вином — хоть это им на посту и строго-настрого запрещено,— внимательно охраняют только вход в сокровищницу. Я несколько раз видел это сквозь щели в заборе.

— Уж не хочешь ли ты пробраться в сад под видом гостей? — уточнил киммериец.

— Вот именно. Смотри, сразу за забором растет густой кустарник. Если мы в подходящее время окажемся там, то дальше все может пройти быстро и гладко. Вход в сокровищницу с той стороны.— Нинус присел и стал быстро рисовать на песке план сада и построек. Видно было, что он долго вынашивал свою идею, прежде чем поделиться ею со вновь обретенным компаньоном.

Конан опустился на песок рядом с Нинусом и внимательно следил за его пояснениями.

— Понимаешь, у двери одновременно находится не более двух-трех человек, да и то они чаще всего играют в кости или дуют вино. Если незаметно подойти к ним поближе, то ты, я думаю, сможешь их быстро успокоить. Главное, чтобы никто не поднял шума,— излагал свой план Нинус. Киммериец удивился про себя его способ-

ностям. Сам он по этой части большим мастаком не был — его дело было работать руками и, если придется, мечом.

— Разорви меня Нергал, если это плохо придумано! — хлопнул он по плечу Нинуса. Бедолага шлепнулся на землю — восхищенный варвар от избытка чувств явно не рассчитал силу своего удара.

— Прости,— смущенно пробормотал Конан.— Похоже, твоя сестрица переусердствовала, откармливая меня.

— Ничего,— отмахнулся воришка, выплевывая изо рта песок,— только в следующий раз помни, пожалуйста, о своих возможностях.

Он стер нарисованный план, отряхнул руки и предложил:

— Пойдем ко мне, там все обговорим, а заодно и подберем, что тебе может понадобится, кроме кинжала...

* * *

Они тихо прокрались вдоль берега Большого канала до знакомого забора из розового камня. Шум пирушки разносился по всей округе. Похоже, что музыканты тоже были навеселе, потому что из довольно-таки слаженной поначалу мелодии вдруг вырывался какой-нибудь инструмент, музыка спотыкалась, и потом все перекрывали взрывы смеха, пьяные выкрики и громкие удары барабана.

— Хорошо гуляют,— с легкой завистью прошептал Нинус. Он пытался вслушаться и опреде-

лечь, не находится ли кто-нибудь за забором рядом с ними, но из-за всплесков бурного веселья это было совершенно невозможно.

— Давай рискнем,— предложил киммериец. Это было не в его духе — сидеть под забором и неизвестно чего выжидать. Конечно, у Нинуса хороший план, но если представлялась возможность действовать быстрее, варвар всегда предпочитал именно это.

Не дожидаясь ответа, он забросил свой крюк и легко, как белка, взлетел на верх ограды.

— Залезай, все в порядке,— поманил он сообщника, и через мгновение они, прижавшись к плоскости верхней кромки, наблюдали, что происходит в саду. Поблизости от них, слава Белу, не происходило ничего, поэтому они прыгнули вниз и, укрываясь за рядами ровно подстриженного кустарника, тихо, как два призрака, проскользнули к вождьскому входу в сокровищницу.

Стража, как и предполагал Нинус, была сильно навеселе. Трое сидели привалившись к стене дома и лениво перебрасывали кости. Один дремал неподалеку, а пятого вообще нигде не было видно.

С того места, где находились Конан и Нинус, хорошо просматривался помост, на котором, развалившись на мягких подушках, человек десять пирующих наблюдали за танцем трех живописно одетых девушек.

Пир был в самом разгаре. Три музыканта: барабанщик, флейтист и зурнач, которых хозяин,

по своему обыкновению, отменно напоил, с трудом управлялись со своими инструментами, компенсируя этот недостаток громкостью звучания. Видно было, что гостям представление очень нравилось. Правда, танцевать под такую музыку было совершенно невозможно, и девушки только изгибались и подрагивали телами, стараясь хоть как-то попасть в такт.

Только на первый взгляд они казались живописно одетыми, киммериец пригляделся внимательнее и понял, что на них, кроме пышных головных уборов из перьев павлина, нет ничего, если не считать ожерелий да блестящих поясков шириной с лезвие ножа — ничего особенно не прикрывавших, но зато подчеркивавших стройность их бедер.

Где же пятый стражник? Осмотревшись повнимательней, Конан обнаружил его рядом с помостом — тот зажигал факел. Он, похоже, был новичком в этом доме и, в отличие от своих собратьев, не обращавших никакого внимания на происходящее, таращил глаза так, что напоминал жабу — тем более что одежда у него была грязновато-зеленого цвета.

Конан подтолкнул локтем Нинуса. Тот кивнул в ответ и вытащил из-за пазухи заранее приготовленный камень. Размахнувшись, он швырнул его в сторону забора. Камень, прошуршав по веткам кустов, ударился о землю. Стражники, сидевшие у входа, обернулись на шорох, и в этот момент киммериец бросил один за другим два метательных ножа. Два охранника повалились, как кули с

мукой, третий из сидевших у стены смотрел в это время в другую сторону, а когда повернулся, то его настиг нож Нинуса: лезвие вонзилось точно в горло, третий страж сполз на землю, даже не успев захрипеть.

Стражник, который спал, был разбужен варваром, и последнее, что он ощутил в своей жизни, было опустившееся на его шею ребро ладони Конана. Теперь настал черед Нинуса. Замориец был опытным и умелым вором — ловко и аккуратно действуя отмычками, он в два счета отомкнул замок хоарезмской работы, которым так гордился Ахунд. Все произошло довольно быстро — девушки на помосте не успели обойти и двух кругов.

Конан тоже не дремал — он выдернул ножи из тел охранников, вытер их и заткнул за пояс. Заодно он быстро проверил, не завалилось ли у бедолаг чего-нибудь в кошельках, но здесь ему не повезло — пусто, как в брюхе у голодного шакала.

— Нергал с вами, обойдемся, — не огорчился киммериец.

Нинус, как ящерица, юркнул в дверь, а Конан остался наблюдать за танцами девушек, весельем гостей и пятым стражником. Время тянулось долго и томительно, его товарищ все не появлялся. Хотя в саду стоял невероятный шум, натренированное ухо варвара выделило какое-то шуршание справа от дома. Киммериец легко, как пантера, метнулся к стене и, прижавшись к ней всем телом, застыл, словно изваяние. Еще двое стражников, один за другим, вышли из-за угла и, не

заметив Конана, направились к своим товарищам. Дорожка к крыльцу проходила всего в двух-трех шагах, но густая растительность и сумерки скрывали варвара.

— Вот негодяи, опять спят, — взглянув на охрану, недовольно пробурчал первый из пришедших. — Клянусь Митрой, скажу хозяину, чтобы выгнал их. Шкуры ослиные, а не стражники!

Он потряс ближайшего к нему охранника, чтобы разбудить, и, не преуспев в этих действиях, склонился пониже. Звуки вытекавшей из горла крови наконец-то заставили его понять, что здесь произошло.

— Слушай... — начал было он, обращаясь к своему товарищу, но вместо него увидел гигантскую фигуру, которая, казалось, возникла перед ним прямо из вечернего воздуха. Киммериец всадил ему в живот свой кинжал по самую рукоятку, и несчастный прямиком отправился на Серые Равнины — последнее прибежище тех, кто, занимаясь столь опасным ремеслом, переоценивает свои способности. Конан оттащил трупы обоих стражей подальше в кусты: первого он прикончил кинжалом немного раньше и, пока тот падал, успел подхватить и осторожно положить на землю, так что не произвел ни малейшего шума.

Прошло еще несколько томительных мгновений; Нинус не появлялся. Пятый охранник, довольный насмотревшись на обнаженных танцовщиц, зажег наконец факел и, пошатываясь от неудовольственного вождения, направился как раз в сторону Конана. Варвар сдернул с головы одного

из стражей бурнус и, накинув его себе на голову, сел рядом с трупами у стены.

— Послушай, напрасно ты не пошел со мной поглядеть,— стражника прямо-таки распирало от желания поделиться своими впечатлениями с товарищем, и он наклонился к киммерийцу поближе,— какие у них груди, а...

Дальнейшее описание прелестей танцовщиц неожиданно прервалось: Конан как клещами схватил его руку с факелом, и по спине доблестного стража поползла струйка холодного пота — он понял свою ошибку. Все нужно делать вовремя, аккуратно и внимательно, если занимаешься ремеслом охранника! К его несчастью, урок этот уже не мог ему пригодиться — киммериец второй рукой сдавил ему горло с такой силой, что глаза несчастного вновь вылезли из орбит, на этот раз не от удивления, а от нехватки воздуха. Слабо хрюкнув, он замертво свалился рядом со своими незадачливыми товарищами. Конан усадил его поудобнее, вставил горящий факел за пояс его шаровар, полюбовался на всю эту живописную группу и отошел к двери дожидаться Нинуса.

«Клянусь Кромом, он, наверное, хочет унести все сундуки»,— подумал варвар, прислушиваясь к слабому шороху внутри помещения.

Наконец сообщник появился, волоча за собой достаточно увесистый мешок.

— Все в порядке, да будет благословен Бел,— прошептал он.— Ты знаешь, слухи оказались точными — у этого благороднейшего ублюдка всего навалом. Для него одного, пожалуй, и многовато.

Лишнее я взял — надо же, в конце концов, делиться с ближними!

Рассуждать особенно было некогда, и, подхватив добычу, киммериец быстро направился к забору; Нинус поспешил за ним. Сопровождаемые веселой музыкой, приятели перебрались на берег канала и, под прикрытием ночной темноты, которая сгустилась над городом, благополучно вернулись в дом Нинуса.

Теперь предстояла самая приятная часть их приключения — дележ награбленного. Конан убедился, что Нинус не промахнулся: все, что он за короткое время сумел извлечь из сундуков Ахунда и теперь вывалил на расстеленную на полу кошму, блестело и переливалось всеми цветами радуги и сулило очень немалое количество монет.

— Я знаю, кто нам поможет это пристроить,— заявил киммериец,— есть у меня один человек.

— Когда это ты успел? — В голосе Нинуса слышалось удивление, смешанное с неподдельным уважением. Да, совсем не промах этот варвар!

Киммериец, в душе польщенный, не стал особенно распространяться на эту тему, только веско продолжил:

— Человек надежный. Правда, я не знаю, что с ним сейчас, целую луну не виделись.

— Тогда я, наверное, знаю, кто это,— вдруг сказал Нинус.— Не Ловкач Ши Шелам, случаем?

Теперь настала очередь удивляться киммерийцу:

— Как ты угадал?

— Наше ремесло такое — своих знаем. Он искал тебя, кого только не расспрашивал. Человек он действительно надежный, мне тоже приходилось иметь с ним дело.

Разделив добычу, они решили отпраздновать начало совместной деятельности. Да не обойдут боги их своим благословением в дальнейших предприятиях!

Глава шестая

Верно, боги их не забывали. Когда киммериец отворил дверь таверны Абулетеса, куда они направились с Нинусом — а куда, собственно, еще идти в такой поздний час? — первое, что ему бросилось в глаза — это сидящий спиной к ним Слон.

«Вот бы врезать тебе сейчас, паршивая ослиная задница», — подумал Конан, привычно нащупав рукоятку кинжала. Но не в его правилах — бить врага в спину, поэтому он ничего не сказал вслух, и они с Нинусом присели за стол у стены, ожидая, когда мальчишка подбежит за заказом.

У шайки Фархида, по всей видимости, дела тоже шли неплохо: все лучшее, что можно было получить у Абулетеса, заподняло стол, за которым расселись гомонящие и размахивающие кружками с вином члены шайки.

Они не обратили внимания на вошедших, и киммериец решил, что Слон от него не уйдет, а

пока они с приятелем принялись за барашка с чесноком.

— Да будет благословен Податель Жизни.— Нинус одним махом осушил чашу с молодым терпким вином. Киммериец последовал его примеру, но заметил краем глаза, как из двери, ведущей во внутренний двор, выбежал Абулетес и напрямик направился к их столу.

— Прошу тебя, киммериец, не устраивай у меня разгрома, какой ты устроил в веселом доме.— Он уставился на Конана взглядом, в котором одновременно читались и подострастие, и страх.

— С чего ты взял, что он разгромит твое заведение? — ответил за варвара Нинус.— Мы пришли просто посидеть и обсудить свои дела.

— Не прикидывайся, Нинус, будто ты ничего не знаешь,— укоризненно покачал головой Абулетес, тревожно кося глазом на Конана.— Весь воровской мир говорит о том, что Слон убил его. Теперь, когда я вижу, что слухи эти — слава Животворящему Митре — лживы, твой приятель не может не отомстить Слону. Я, само собой, ничего не имею против этого — умоляю только, чтобы это произошло не в моей таверне.

— Тогда, любезный, раз тебя так уж беспокоит судьба твоего заведения, объясни этим ублюдкам, что сегодня они могут сожрать твое варево, не опасаясь моего меча — мне сейчас не до них,— усмехнулся варвар.

Абулетес направился к столу, за которым расположилась шайка Фархида, и, наклонившись к предводителю, что-то зашептал ему в ухо.

Грабители прекратили жевать и уставились на Абулетеса. Внезапно один из сидящих узнал Конана и знаками показал Слону, чтобы тот посмотрел назад. Вор повернулся, и его лицо приняло такое выражение, будто ему в обличье киммерийца явился сам Нергал. В таверне вдруг стало очень тихо.

Конан продолжал свою трапезу, как будто происходившее вокруг совершенно его не касалось.

— Налей нам еще, надо воздать достойную жертву богам,— предложил он Нинусу, и они пропустили еще по кружке вина.

Мальчишка принес кур на вертеле, фиников, свежие лепешки с медом. Киммериец, однако, не забывал краем глаза наблюдать, что происходит за столом у воров.

Тем временем предводитель шайки встал и направился к столу Конана. Видимо, хмель в голове не лучший советчик, не то он трижды подумал бы, прежде чем связаться с варваром.

— Вот что я скажу, киммериец,— обратился он к Конану,— мне плевать, что вы там не поделили с моим парнем, но тебе лучше уйти отсюда. Видишь, сколько нас? Мы тебя не тронем, клянусь Белом, если ты уберешься из таверны.

Кровь бросилась Конану в голову, но он быстро овладел собой. Встав, он вытер рот тыльной стороной ладони, громко рыгнул прямо в лицо Фархиду, отчего тот отшатнулся, как от пламени из пасти дракона, и, схватив его левой рукой за бороду, громко и отчетливо произнес:

— А вот что я тебе скажу, замориец. Мне плевать, что вы делите с этим парнем, но это для тебя будет куда спокойнее убраться отсюда. Я, клянусь Кромом, не трону тебя и твоих воров, если вы очистите таверну. Я вижу, сколько вас тут, паучьих детей, — убирайтесь все! Понял, сучий потрох? Кстати, не ты ли сам посоветовал Слону избавиться от меня? — По страху, мелькнувшему в глазах разбойника, киммериец понял, что не ошибся в своих предположениях.

Фархид пытался освободиться из рук варвара, но с таким же успехом он мог вырвать из стены городские ворота — стальная хватка Конана напомнила ему слышанные в детстве легенды о каменных воинах.

— Эй, ребята! — позвал он своих на помощь, но у «ребят» хмель моментально выветрился из головы, и они не решались предпринять никаких действий. Один только Слон встал и, стряхнув с себя пытавшихся удержать его товарищей, бросился на помощь Фархиду. Меч у него был достаточно длинный и тяжелый, но размахивал он им с необыкновенной легкостью. Ну как же, ведь он был самым сильным бойцом в Шадизаре!

— Наконец то я по-настоящему выпущу тебе кишки, киммерийский ублюдок! — зарычал он.

Конан легко, как шелковое покрывало, бросил предводителя под ноги Слому и, воспользовавшись замешательством врага, выхватил свой меч. Привычные ко всему посетители таверны мгновенно отодвинули столы и превратили помещение в подобие арены, расположившись полукру-

гом подальше от противников, дабы не попасть случайно под разящий удар меча, но и не упустить возможность развлечься явно любопытным зрелищем.

— Не споткнись о собственные уши, выродок! — парировал варвар, сверля взглядом противника.

Враги сходились, не спуская друг с друга напряженного взгляда. Конан ни капли не сомневался в том, что победа будет за ним. Сделав пару выпадов, он понял, каковы недостатки в умении работать мечом у своего врага.

— Клянусь Кромом, ты уже мертвец! — объявил он Слому и удвоил скорость, с которой вращал мечом.

Замориец отбил несколько атак, но меч Конана сверкал все быстрее и быстрее. Слон пытался противостоять этому напору, но тщетно. Киммериец теснил противника, не давая возможности развернуться, и хотя замориец тоже был не таким уж плохим рубакой, все действительно закончилось довольно быстро: в последний раз зазвенели столкнувшиеся мечи — и последовал коронный удар варвара. Конец меча вышел из спины Слона как раз в том месте, в которое тот метил, нанося сзади предательский удар киммерийцу. Конан взглянул в глаза противнику. Широко распахнутые, они быстро тускнели, напоминая стершиеся монеты.

Конан обвел взглядом оцепеневших зрителей.

— Еще кто-нибудь хочет проверить, как киммерийцы умеют обращаться с мечом? — спросил он спокойным голосом. — Мне кажется, вроде тебе

не терпелось? — Конан указал концом лезвия в направлении Фархида.

У того громко застучали от страха зубы; не в силах вымолвить хоть слово, он судорожно мотнул головой. Варвар двинулся в его сторону. Передние ряды зрителей отпрянули, давя задних.

— Запомните, в ваш город пришел Конан из Киммерии, и всякий, кто попробует поступить, как вот этот, — варвар кивнул на распростершуюся на полу тушу своего бывшего врага, — получит свое.

— Эй, хозяин! — крикнул он Абулетесу. — Убери-ка эту вонючую падаль отсюда, а нам с Нинусом подай еще кувшин вина! Кстати, — вспомнил киммериец, повернувшись к предводителю шайки, — не забудь завтра принести сюда мою долю — иначе, клянусь Белом, я накормлю тебя твоими собственными потрохами!

Варвар вернулся за стол и налил себе и Нинусу по кружке вина.

— Неплохо, как ты думаешь, прополоскать горло после такой приятной беседы?

— Клянусь Владыкой Света, ты совершенно прав, — серьезно ответил Нинус.

Глава седьмая

а следующий день варвар решил, что, пожалуй, самое время навеститься к Ши Шеламу. С бурдючком хорошего вина он отправился в Пустыньку. Пройдя знакомыми пыльными проулками, он без труда нашел лачугу своего приятеля, однако дома того не оказалось.

«Наверное, ушел по делам, — решил киммериец. — Хотя вроде бы рано еще, солнце стоит низко. Ну да ладно, мне не к спеху, могу и подождать».

Конан заглянул в лачугу Шелама, взял со стола глиняную кружку и, расположившись на бугорке в глубине двора, стал дожидаться хозяина, время от времени подкрепляясь хорошим глотком вина.

Солнце поднялось уже довольно высоко, когда за изгородью послышались шаги и во дворик, весело насвистывая, вошел Ловкач.

При виде Конана он издал радостный вопль и бросился к киммерийцу с распростертыми объятиями:

— Я уже не думал, что придется встретиться! Тут у нас всякое болтали...

— Этому вислоухому бурдюку не удалось отправить меня на Серые Равнины, — засмеялся варвар, похлопывая Шелама по плечу. — Но что было, то уже прошло, — продолжал он, — теперь у меня новые дела. Вот посмотри, — протянул он Ловкачу небольшой сверток

Они прошли в лачугу Ши Шелама, хозяин растелил на столе кусок материи, и Конан вытряхнул из кожаного мешочка кучку заигравших в солнечных лучах камешков — часть того, что они вчера с Нинусом добыли в доме почтенного Ахунда.

— Ого! Неплохо поработали, — похвалил его Ловкач и, склонившись над самоцветами, начал внимательно их рассматривать.

— Придется реализовать их в Офире, — наконец заключил он. — Камни очень хорошие, но здесь, я думаю, продавать их опасно. Поэтому сделаем так: отнесу их одному человеку, возьму за них хорошую цену, а он пусть сам переправит их в Офир. Подожди меня, я обернусь быстро.

Конан вновь пристроился в тени под оградой и предался размышлениям о Синем Сапфире, который никак не давал ему покоя.

«Копыта Нергала, — выругал он себя, — что же я Шелама-то не спросил? Он наверняка что-нибудь знает...»

Ловкач вернулся действительно очень скоро, а может быть, Конану так показалось за раздумьями, по-прежнему обильно сдабриваемыми вином из бурдючка.

— Старый скряга, — выругался Шелам, — вечно приходится с ним торговаться за каждую мелочь, все норовит посчитать в свою пользу. На, держи.

Ши Шелам бросил Конану увесистый мешочек, который варвар поймал с ловкостью факира.

— Неплохо, — взвесив монеты в руке, удовлетворенно протянул киммериец, — хватит выпить и закусить. А кстати, как поживает мой меч?

Лицо Шелама приняло такое ошеломленное выражение, что киммериец сразу заподозрил неладное.

— Твой меч? — переспросил Ловкач, почесывая бровь. — Твой меч?..

— Ну да, мой меч! — теряя терпение, рыкнул Конан. — Ты что, его отдал кому-нибудь?

— Я ду... думал, что ты никогда не вернешься уже... — запинаясь, начал Ши Шелам и осекся, взглянув на киммерийца.

— Уже... уже... — передразнил его варвар, — я уже вернулся. Где мой меч?

— Я его продал, — решил наконец Ловкач.

— Продал? Мой меч? — Конан не верил своим ушам. — Ты что, рехнулся, обглодыш? Или у вас здесь все такие?!

Варвара обуяла дикая ярость. Он готов был разорвать Шелама в клочья.

— Нет, ты спятил, определенно спятил! — Киммериец крепко сцепил руки, чтобы ненароком не зашибить Ловкача. — Продать мой клинок! Ну и местечко этот Шадизар! Определенно Город Негодяев!

Он взглянул на Ловкача, не зная, как поступить. Ярость постепенно проходила. К тому же на физиономии заморийца было написано такое искреннее раскаяние в содеянном, что Конан махнул рукой:

— Что с тобой сделаешь!

Он сел, обхватив голову руками. Ловкач молчал.

«Собственно говоря,— подумал варвар,— он же действительно не мог знать, что я выжил... Сколько ему было ждать моего возвращения? Год? Всю жизнь?... Да и пес с ним, с этим мечом... Не оружие красит воина, а совсем наоборот. И с простыми мечами у меня, бывало, получалось не так уж плохо. Да и старик тот, вендийский, советовал от него избавиться».

Он поднял глаза на Шелама. Тот стоял в напряженной позе с поникшей головой.

— Прости меня! — великодушно сказал киммериец. — Цену хоть хорошую взял?

— Хорошую... — как эхо повторил Ловкач.

Он осмелился посмотреть варвару в глаза и, видя, что его проступок вроде бы забыт, добавил уже окрепшим голосом:

— Очень хорошую цену дали, очень! Знаешь, мне показалось, что этот меч искали, потому что человек, который купил его, назвал имя своего хозяина — Чиндара Хон.

«Великие боги! А я еще так наорал на него... — Теперь раскаяние охватило уже киммерийца. — Да ведь пройдоха Шелам, сам того не ведая, оказал мне услугу, которую и оценить-то невозмож-

но! Что говорил старик? Он велел передать это Спящее Зло тому, кто назовет его имя. Как я мог не помнить об этом?! Хвала Солнцеликому Митре, все случилось как нельзя лучше...»

— Ладно, забудем, как будто ничего и не было. Хорошо хоть, что не продешевил. А такую удачную сделку неплохо бы и обмыть. Сейчас вот допьем, что я принес, а потом сбегай принеси еще — сегодня мы можем позволить себе раскошелиться. — Он, побренчав в принесенном Ловкачем мешочке золотыми монетами, бросил ему несколько штук и перевел разговор на другую тему: — А что у вас слышно нового?

— Да так, ничего особенного, если только не считать того, что у почтеннейшего Калоя... ты, конечно, помнишь его, — ухмыльнулся Ловкач, — так вот, у него караван пропал.

— Как пропал? — поинтересовался Конан. — Ограбили, что ли?

— Нет, — ответил Ши Шелам, разводя руками, — пропал без следа. Из Арэнджуна вышел, прошел несколько селений, оставался день пути до Шадизара — и больше никто его не видел. Никаких следов — как будто испарился. Калой нанял туранских всадников, они прочесали всю степь, но так ничего и не обнаружили.

— А откуда караван шел? — спросил Конан.

— Из Вендии — там для Калоя закупили благовония и самоцветы. Он наверняка неплохо бы заработал на этом, но вот не повезло. Может, поищут еще несколько дней да что-нибудь и вынюхают?..

— Если сейчас следов не обнаружили, то как их через седмицу найдешь? — рассмеялся Конан. — Шакалы уже все доедят и косточки оближут.

— Шакалы, конечно, все могут съесть — кроме мечей, щитов, шлемов и кольчуг, — возразил Ловкач. — Куда это все делось? Торговцы собираются снарядить новый караван, за невольницами, но рисковать не хотят. Этот сопровождала хорошая охрана, но, видишь, не помогло. Им надо бы взять людей половчее и посильнее; ты, кстати, пришелся бы там в самый раз. Калой тебя запомнил, точнее говоря, он хорошо помнит свой полет из веселого дома, — хохотнул Шелама.

— Ладно, — согласился Конан. — Если он ко мне обратится, да еще предложит хорошую плату... В общем, там посмотрим. А теперь давай выпьем. — Он потряс бурдюк, где еще булькали остатки принесенного вина. — Надо отметить нашу встречу — слава Митре, мы живы и здоровы.

Прятели уселись за стол, и через некоторое время бурдючок опустел. Ловкач сбегал и принес еще. Вино было неплохим, беседа текла весело, и Конан только под конец вспомнил, что хотел кое-что узнать у Ши Шелама.

— Послушай, — обратился он к Ловкачу, уже выходя со двора, — ты, случаем, ничего не знаешь о Синем Сапфире? Есть такой камень, и, говорят, он, скорее всего, где-то здесь, в Шадизаре.

Ловкач замаялся.

— Вообще-то слышал я кое-что об этом камешке... Но, клянусь Белом, лучше бы тебе выбросить его из головы, — понизив голос, продолжал он, —

мне рассказывали, что все, кто с ним связывался, плохо кончили. Да и зачем тебе эта магия? Сапфир стоит дорого, я понимаю, за год столько не заработаешь нашим ремеслом, но лучше быть бедным здесь, чем богатым на Серых Равнинах, — хихикнул он, довольный своей шуткой.

— Нет, ты не прав, — помедлив, ответил Конан, — если он и связан с магией, то не обязательно черной. К тому же если чего-нибудь очень сильно захотелось — надо этого добиваться. Такой уж у киммерийцев характер, — закончил он, хлопав на прощание по плечу Шелама. — Бывай — еще увидимся.

* * *

Дни шли за днями. Нинус продолжал выбирать объект для очередного похода, а Конан слонялся, в общем-то, без дела. За короткий срок он успел прославиться, и его авторитет в воровском мире не подлежал теперь ни малейшему сомнению.

Стоило киммерийцу появиться у Абулетеса, как он тут же попадал в окружение толпы почитателей, являвшихся одновременно и прихлебателями, начиналось веселье с обязательными восхвалениями и достоинств и умений варвара. Вино лилось рекой, услужливая воровская шваль наперебой вновь и вновь просила рассказать, как Конан разгромил «Улыбку Иштар» или о каком-нибудь другом происшествии из его жизни. Варвару это сначала льстило, но довольно быстро приелось.

Тем более что и монеты стали подходить к концу. Только что, когда они взяли, хвала Белу, тот клад у пьяницы Ахунда, денег была тьма, а вот уже приходится считать каждую монету. Конечно, любая шайка сочла бы за честь иметь в своих рядах такого бойца, и разбойники наперебой зазывали киммерийца к себе, но, помня случай со Слоном, Конан не спешил ни к кому присоединиться. Слишком ненадежным и вероломным казался ему шадизарский воровской мир. Выпить-закусить — это пожалуйста, но на дело с ними идти Конану не хотелось: невозможно заниматься чем-то серьезным и одновременно опасаться за свою голову. Не могут же боги всегда помнить о нем, тут и свое соображение иногда нужно иметь.

Варвар, вообще-то, не просто от нечего делать проводил время с шадизарскими грабителями и прочей швалью. Так, между прочим, стараясь не привлекать к этому внимания, он заводил разговоры о Сапфире, о вендийском купце, но никто ничего не слышал об интересующих его вещах. Иногда он чувствовал, что его собеседник, может, и знает что-то, но вокруг этого синего камня как будто существовал заговор молчания, и Конан уже начал терять надежду отыскать вожака перстень.

Как-то, когда киммериец, попивая холодное вино, лениво перекидывался в кости с одним из вышибал Абулетеса, к нему подошел сам хозяин.

— Конан, надо бы поговорить, если ты не против, — обратился он к варвару почти шепотом.

— Нергал с тобой, можешь на свой проигрыш купить новые кости — видишь, как тебе не везет с этими. — Киммериец пододвинул верзиле кучку мелочи, которую выиграл перед этим, и, поднявшись со скамьи, пошел за Абулетесом. Хозяин провел его во внутренний дворик, где за накрытым столом сидел лысый дородный замориец в богатой одежде. «Не иначе, — решил про себя Конан, — управляющий в каком-то знатном доме».

— Приветствую тебя, киммериец, — поднялся тот из-за стола, завидев входящих. — Абулетес, оставь нас, — приказал он властным голосом.

Судя по тону, незнакомец привык, что все его желания исполняются без промедления. Когда дверь за Абулетесом закрылась, человек, которого Конан счел управляющим, протянул варвару чашу с вином:

— О тебе так много говорят в городе, что мой хозяин хотел бы с тобой познакомиться. Не так много осталось у нас воинов, сравнимых с тобой доблестью, юный варвар.

Конан осушил чашу, но отвечать не спешил, поглядывая на собеседника и ожидая продолжения его речей. Оно последовало, и нельзя сказать, что не пришлось варвару по вкусу:

— Поскольку мой хозяин очень большой человек, он не может появиться здесь. Он зовет тебя к себе в гости.

Несмотря на то что приглашение в незнакомый дом, да еще к «большому человеку», могло таить за собой определенную опасность, Конан почти не раздумывал. Состояние безделья, в ко-

тором варвар пребывал несколько последних седмиц, успело ему достаточно надоесть, так что легкое разнообразие пришлось бы весьма кстати. Решение было принято, но виду киммериец не показал — жизнь дала ему порядочное число уроков, и один из них гласил: не спеши, когда спешишь — приходишь не туда и не вовремя.

— Это будет не просто праздная беседа, — видя, что киммериец молчит, продолжал лысый, — хозяин хочет поручить тебе важное и очень ответственное дело. Если выполнишь, тебя щедро наградят.

— А если не выполняю? — резко спросил Конан.

— Я не могу пока тебе больше ничего сказать, — пожал плечами собеседник, — но если не боишься, то направимся во дворец, там все и узнаешь.

— Кром, еще никто не оставался живым, назвав меня трусом! — Глаза варвара сверкнули холодным синим пламенем. — Мне плевать на тебя и твоего хозяина — это я нужен ему, а не наоборот!

— Извини меня, доблестный киммериец, — видят боги, я не хотел обидеть столь храброго воина, — склонил голову управляющий. — Но все-таки прошу тебя подумать над этим предложением.

— Клянусь бородой Крома, — несколько успокоившись, ответил варвар, — почему бы и не попробовать!

Удовлетворенный его ответом, собеседник поднялся и хлопнул в ладоши. В углу каменной

ограды открылась дверь, и во двор вошли человек десять вооруженных заморийцев.

«И где они подобрали таких?» — удивился про себя Конан. Вошедшие все были высокими, крепкими на вид, а местные не отличались такой статью: были они чаще всего худые и низкорослые.

Четверо слуг внесли паланкин, киммериец с управляющим разместились в нем, занавески были задернуты, и экипаж, плавно покачиваясь, понес Конана — он в этом почти не сомневался — к новым приключениям. Путь был довольно долгим, несколько раз Конан чувствовал, что они поднимаются и спускаются вниз, но сквозь темные занавеси пробивался только неяркий свет, и куда его несли, определить было невозможно. Наконец паланкин опустился на землю, и спутник жестом предложил киммерийцу выйти.

Шурясь от яркого солнца, варвар огляделся вокруг. Он находился на мощеной площадке рядом с большим домом, скорее, настоящим дворцом — стены здания были облицованы серым в белых разводах карпашским мрамором, окна и двери забраны затейливо выкованными решетками, а карнизы украшали мозаика и роспись. Дворец утопал в роскошном саду, слышалось пение птиц и журчание фонтанных струй.

«Не соврал, сын хромой верблюдницы, — решил про себя варвар, — действительно, хозяин его большой человек. Клянусь бородой Крома, дом Ахунда просто собачья конура по сравнению с этим дворцом!»

— Проводите гостей! — приказал управляющий двум слугам, склонившимся в низком поклоне. Польщенный такой встречей, варвар прошел за ними через несколько больших полутемных залов, где у каждого входа стояли вооруженные алебардами и кривыми кинжалами охранники. При приближении киммерийца стража с поклоном отворяла двери и бесшумно прикрывала их вновь за его спиной. Так они шли довольно долго, пока не спустились по узкой лестнице в небольшое помещение с зарешеченным окном высоко под потолком. Первый провожатый указал Конану на скамью, расположенную прямо под окном, и слуги удалились, оставив его в одиночестве. Спустя некоторое время в комнату вошел лысый.

— Хозяин сейчас будет говорить с тобой, но никто не смеет прийти к нему с оружием, — предупредил он варвара. — Поэтому отдай мне меч и кинжал.

Киммерийцу это совершенно не понравилось: он не привык расставаться со своим мечом, но особенно противиться смысла не имело. Раз уж он решился прийти сюда, то будь что будет — откупоренную бутылку надо допивать до конца.

Передав оружие вошедшему с ним охраннику, управляющий отворил вторую дверь и жестом пропустил Конана вперед.

Варвар очутился в большом зале с каменным полом, посыпанным песком. В противоположном углу находилось возвышение, за ним была видна массивная дверь. Вдоль стен проходили каменные балконы, в торцах которых находились двери в

другие помещения. Свет проникал через большие окна, расположенные на достаточно большой высоте. Вид помещения сразу напомнил киммерийцу гладиаторскую арену, он обернулся, но тут щелкнул замок двери. Похоже, предчувствия его не обманули: это действительно была ловушка, и теперь она захлопнулась.

«Хвост и копыта Нергала, неужели попался?!» — мелькнуло в голове киммерийца. Он обошел зал, на дверях с этой стороны ручек не было, к тому же они открывались внутрь, так что нечего было и пытаться их выбить.

— Вот тебе и приглашение в гости, — усмехнулся варвар.

Кругом был только камень и песок, даже не на чем выместить обуревавшую его ярость.

— Подожди, лысый осел, клянусь Кромом, если выберусь отсюда живым, я посчитаюсь с тобой! — Сжав кулаки, варвар присел на возвышение. Делать было нечего — оставалось ждать.

Ожидание длилось недолго. Дверь позади него отворилась, и в зал вошли четыре здоровенных чернокожих человека, по сравнению с которыми охранники Абулетеса выглядели бы мальчиками.

«Наверное, невольники из Стигии», — решил про себя варвар. В руках у двоих из них были длинные бичи из бычьих хвостов, остальные были вооружены шестами с намотанными на конце тряпичными утолщениями. Киммериец почувствовал неладное. И не напрасно, потому что, разойдясь по разным углам зала, они, не произнеся ни звука, принялись методично избивать Конана.

Сначала варвар пытался увернуться от ударов, иногда это ему удавалось, но чаще плетъ находила жертву. Удары сыпались один за другим, даже сквозь одежду варвар чувствовал жалящую боль. Конан пытался броситься на одного из своих мучителей, но двое с колотушками сбили его с ног, и избиение продолжалось.

Варвар лихорадочно метался по залу, поднимался и снова падал.

«Так они забьют меня до смерти,— жарко застучало в висках.— Великий Кром, как выпутаться?»

Киммериец попробовал схитрить: он резко бросился на раба с бичом и, мгновенно развернувшись, вырвал шест у чернокожего, пытавшегося сзади напасть на него. Маневр удался, раб опешил от неожиданности, а Конан чуть не наполовину вогнал ему в рот деревянный конец колотушки. Хрипя и булькая кровью, как распоротый бурдюк, противник рухнул на землю.

Обстановка разом изменилась, второму с колотушкой без помощи товарища уже не под силу было успеть за киммерийцем, как молния метнувшимся к одному из палачей, тупо продолжавшему размахивать своим бичом. Не обращая внимания на сыпавшиеся на него удары, Конан, как тараном, ударил его головой в живот, сбив с ног.

Варвар понял, что это не бойцы, а просто огромные и тупые невольники. Если бы они понимали хоть что-то в настоящем бою, то сгруппировались бы вместе, и тогда киммерийцу пришлось

бы несладко. Теперь же он расправится с ними поодиночке. Увернувшись от удара шестом, варвар поймал конец второго бича и резко дернул его, едва не оторвав руку своего не желавшего выпускать оружие мучителя. Быстрота, умение и ловкость решили все дело. Вырвав плетъ, киммериец ее рукояткой с такой силой ударил по голове своего противника, что у того из носа хлынула кровь. «На какое-то время этот не опасен»,— мелькнуло в голове варвара, и он, как пантера, прыгнул на раба, бестолково размахивавшего шестом, и ударом ноги в пах заставил того попробовать зубами песок. Пока тот, уронив шест, со звериным воем катался по полу, Конан пригнулся, поймал на спину бросившегося на него третьего палача и, раскрутив его, швырнул под ноги товарища. Схватив шест, киммериец переломил его о колено.

В умелых руках два обломка дерева с острыми концами — неплохое оружие! Одним ударом киммериец избавил от мучений корчившегося от боли невольника, на губах у того выступила кровавая пена, и он затих. Двое, еще остававшихся в живых, бросились на Конана. Да простят их боги за неведение! Ударом, способным сломать хребет быку, варвар встретил одного из них, а второму просто воткнул обломок шеста в грудь, так что конец вышел из спины между лопатками. Конан уже собирался добить последнего, когда его остановил властный голос:

— Довольно, ты и так лишил меня троих самых сильных рабов! Остановись!

Киммериец поднял голову. На балконе рядом с уже знакомым ему лысым стоял человек с черной бородой, одетый в роскошное платье. Его толстую шею трижды обвивала массивная золотая цепь.

«Хозяин дворца», — сообразил Конан.

Еще не остывший от схватки, весь в крови, сочившейся из полученных ран, киммериец выпрямился и прямо посмотрел в глаза говорившему. Если бы взгляд убивал, то вряд ли чернородый протянул более мгновения. Но, увы, пока это было Конану не под силу.

— Вижу, что меня не обманули — вряд ли найдется во всей Заморе воин, равный тебе, киммериец, — похвалил варвара чернородый. — Пусть его приведут в порядок, а потом веди ко мне, — приказал он своему лысому управляющему и удалился.

В купальне десяток молоденьких служанок закрутился вокруг Конана, словно рой пчел. Его вымыли в душистой воде, смазали раны и ссадины бальзамом, одели в новую одежду, потому что его платье после такой схватки превратилось в лохмотья.

Конан с удовольствием нежился в ласковых руках служанок. В этом цветнике он чувствовал себя просто великолепно, его руки не знали покоя, так что визг и смех девушек разносился чуть ли не по всему дворцу.

«Вот здесь бы и остаться», — подумал он, но тут появился лысый, придирчиво взглянул на новое обличье варвара и жестом пригласил следовать за собой.

В зале, куда он попал, киммерийца ожидали мягкие подушки, столик, уставленный яствами, по сравнению с которыми еда в таверне Абулетеса годилась разве что собакам.

«По-моему, самое время подкрепиться», — решил Конан, наливая себе для начала чашу вина. Одним глотком осушив ее, он наполнил вторую и выпил ее уже медленно, наслаждаясь великолепным напитком. Такого вина он не пил давно, а может быть, и вообще никогда.

— Вижу, что ты освоился и не держишь на меня зла, — услышал он голос чернородого, который вошел в сопровождении человека, несущего в руках свиток. Он развернул его по знаку чернородого и, помогая себе скрюченным пальцем, принялся читать содержимое скрипучим, как несмазанные петли, голосом:

— Варвар из Киммерии, по имени Конан, в первый день пребывания в городе убил пять стражников городской охраны, разгромил заведение почтеннейшего Фаруха, поломано...

— Это пропусти, — махнул рукой чернородый.

— В шайке Фархида участвовал в ограблении почтеннейшего Гиндоруса. Украдено штук шелка...

— Это тоже пропусти.

— Вместе с вором по имени Нинус участвовал в ограблении почтеннейшего Ахунда. Убиты семь охранников. Украдено алмазов...

— Хватит. Можешь идти.

Пятясь к выходу и кланяясь на каждом шагу, старикашка убрался восвояси.

— Видишь, киммериец, десятой доли этих дел хватит, чтобы твоя голова украшала самый высокий кол на главной площади.— Чернобородый налил себе вина и, медленно прихлебывая из чаши, выжидательно смотрел на Конана.

Варвар молча оторвал ножку фазана, обмакнул ее в соус и стал меланхолично обглаживать, не выказывая никаких чувств по поводу услышанного.

— Но я позвал тебя не за этим,— продолжал хозяин.

— Ты хотел, чтобы я помог тебе избавиться от самых тупых рабов? — перебил его варвар. Не в его привычках было лебезить и склоняться перед сильными мира сего, да простят его боги. Конан всегда вел себя как равный с равным, кто бы это ни был.

Такая дерзость, будь на месте варвара кто-нибудь другой, могла стоить ему головы, но сейчас чернобородый только рассмеялся.

— Должен же я был убедиться, что мои шпионы меня не обманывают? — ответил он, усмехаясь.— Ты мне нужен для более важных и сложных дел.

«Да, слежка у них тут поставлена неплохо,— подумал про себя Конан.— Не знал я, что считаюсь в этом Шадизаре такой важной птицей. Надо же, только две луны прошло, как я здесь, а эта гиена знает про меня почти все».

— А если бы эти черные ублюдки убили меня? — спросил варвар.

— На все воля Солнцеликого Митры,— серьезно ответил ему хозяин,— значит, пришлось бы

искать другого. Вот попробуй лучше рыбу, запеченную с листьями бамбука. Очень вкусно — по кхитайскому рецепту.

— Ты, верно, еще не понял, к кому попал,— помолчав немного, продолжал собеседник.— Я советник нашего повелителя, да продлятся дни его в благоденствии и сладости.

Конан мало чему удивлялся в последнее время, но эта новость даже его несколько озадачила.

«Да, для того чтобы сохранить на плечах голову, придется попотеть»,— мигом смекнул он, а вслух сказал:

— Прости, почтеннейший, если своими недуманными речами или действиями я нарушил порядок и обычаи, принятые в твоём доме.

— Пустяки,— усмехнулся чернобородый,— что взять с варвара. Лучше раскрой уши и внимай тщательно, от этого зависит многое, и твоя жизнь тоже.

Конан налил себе новую чашу вина и приготовился слушать.

— Советником быть неплохо,— начал чернобородый,— пока к тебе благоволит повелитель, да продлятся его дни в почестях и сытости. Если же милости его начинают простирается на других больше, чем на меня, то самое лучшее, что меня ждет,— это с глаз долой подальше, а худшее — голова моя может оказаться на главной площади... насаженной на кол, разумеется. Вместо твоей, которой там самое место,— добавил он.

Конан не был по натуре человеком мрачным и ценил удачное слово, но шутки советника уже

начали его раздражать. Что ж, Нергал сам выбирает себе любимчиков.

— Так вот,— продолжал хозяин,— у повелителя, да продлятся его дни среди красавиц и в силе, появился в последнее время еще один приближенный. Так себе человечиска, ничтожный лекарь. Разве может правитель любить лекаришку больше, чем своих советников, подарить ему перстень со своей руки? — спросил сам себя чернобородый. И сам ответил: — Нет, не может.

А между тем у этого коновала дворец теперь не хуже моего, и гарем больше, и стражников целая армия, он может всегда входить к господину, да продлятся дни его в сладости и великолепии, а я только по его разрешению. Разве этого я заслужил, ни сна ни отдыха не зная в делах государственных? Но это еще не самое плохое,— вздохнул он,— донесли мне, что намеревается сей ничтожный сын шакала и гиены убрать меня с дороги. Как он это сделает: подойдет ли убийца или подсыплет яду, как почтеннейшему Чураку, мир его праху, один Нергал знает, но я не намерен ждать этого, как ягненок.

Видно было, что предмет, который излагал Конану советник, уже стал у него чем-то вроде зубной боли — и сказать этого никому не скажешь — от его сана до головы на колу путь короткий, если язык длинный,— и терпеть уже невмочь.

«Вот бы Замиру сюда, наверное, прослезилась бы от жалости,— усмехнулся про себя варвар,— хорош, что твой соловей. Как поет — заслушаешься».

— Слезами тут не поможешь,— словно прочитав его мысли, вздохнул советник,— а вот твое умение и сила пригодятся. Ты убьешь этого лекаришку.

Конан уже и сам понял, к чему клонит чернобородый. Да, влип он по самые уши, глубже некуда. Здесь пока не убили, так в другом месте быстренько восполнят это упущение.

— Что ж, на все воля Владыки Света,— спокойно ответил он.— Не пристало мне бояться лишней снесенной головы, да простят меня боги. Тем более если он такой шакал, каким ты его расписываешь.

— Вот это правильно, голова ему явно мешает. Вижу, что я в тебе не ошибся. Настоящего воина видно издалека,— подхватил советник.— Если сумеешь сделать это, озолочу.

Подумав немного, он продолжал:

— Выполнить это будет непросто, стражников у него много, всех не перебеешь. Даже ты не сумеешь,— с сожалением добавил он.— Однако у меня есть кое-какой план. Завтра в дом к этому ублюдку привезут кедровые бревна — он, видишь ли, хочет сделать беседку в саду на пятьдесят человек гостей! Такой у самого правителя нет, да продлятся дни его в здоровье и радости! Мои люди договорились с возчиками бревен, да и бревно выдолбленное уже приготовлено. Тебя провезут в нем во дворец, а ночью вылезешь — и считай, что полдела уже сделано. Мой слуга Гисан объяснит, как проникнуть в его спальню. Если тебе повезет, ты сможешь его убить.

— А как я выберусь из дворца обратно? — полюбопытствовал киммериец.

— Это дело твое, сам не маленький. Жить захочешь — придумаешь.

— А если я откажусь?

— Прикажу убить здесь. У тебя все равно нет выхода. Ты что, хочешь, чтобы твоя голова красовалась на главной площади? Или чтобы тебя связали и забили палками? Я ведь ничего не теряю. Тебя здесь никто не видел, кроме моих верных слуг. У тебя единственный путь — сделать, как я велю, и постараться уцелеть.

— А потом ты прикажешь меня убить кому-то из твоих слуг?

— Это будет не так-то легко сделать. Мне рассказывали, что кое-кто пытался, но ты ведь сидишь здесь живой и здоровый, что меня совершенно устраивает. Все в руках богов, но вижу, к тебе они благоволят. Вот почему я выбрал тебя для этого дела. Но чтобы не возникло сомнений, я награжу тебя, щедро награжу прямо сейчас.

— Клянусь милостями Митры, это очень благородно! — воскликнул Конан. — Ты, почтеннейший, вознаградишь меня еще до выполнения дела? Чем же?

— Воин ты доблестный, — усмехнулся хозяин, — но проверим, как у тебя с головой. Что может быть лучше монет и драгоценностей?

— Ну... — на секунду задумался киммериец, — помощь в бою, хороший совет...

— Ты почти у цели, — кивнул советник, — я тебе дам что-то вроде дружеского совета.

— Это немало от такого человека, как ты, — поклонился варвар, — но надеюсь, что этот совет пойдет мне на пользу?

— Не сомневайся, — успокоил его советник, — чтобы услышать то, что я тебе скажу, многие осыпали бы меня золотом. Мне известны не только твои подвиги в нашем городе, но, кажется, я догадываюсь, что еще ищешь ты здесь. Пусть меня разотрет в пыль Нергал, если это не Синий Камень. Я не ошибся?

— Откуда ты знаешь? — Варвар подался вперед, и его глаза цвета сапфира чуть ли не прожгли насквозь советника.

— Мир не без добрых людей, слава Солнцеликому, — слегка поежился под его взглядом сановник, — но то, что я знаю это, не суть важно. Главное, что я знаю, у кого этот перстень. Имя этого человека Лиаренус, еще он известен под прозвищем Горбун. Если уцелеешь во дворце у лекаришки, то попробуй наведаться к нему. Но берегись — Горбун не прост, очень не прост; были охотники, позарившиеся на его добро, только вот что-то их с тех пор никому не приходилось видеть. А теперь, — закончил свою речь чернобородый, — тебе пора отдохнуть перед завтрашним днем.

Он позвонил в серебряный колокольчик, явился лысый управляющий в сопровождении невысокого старикашки с хитрой рожей.

— Гисан, ты расскажешь киммерийцу все, что знаешь про двор этого лекаря, а ты, — хозяин обратился к лысому, — отведешь его в покои на ночлег. Дай ему все, что попросит: еды, вина —

ну, в общем, сам понимаешь. Пусть выберет себе на ночь девушку, если захочет, или двоих, — оглядев варвара, усмехаясь уточнил чернобородый, — чтобы ни в чем недостатка у него не было.

— Кроме этого, — перебил его Конан, — мне еще понадобятся кое-какие приспособления.

— Разумеется, — кивнул хозяин, — Гисан тебе поможет и в этом.

Когда слуги вместе с Конаном удалились, чернобородый не мог сдержать радости. Потирая руки, он удовлетворенно произнес:

— Вот теперь посмотрим — кто кого! Завтра этот лекаришка отправится на Серые Равнины, благодарение Митре, а его горбтому братцу, видать, скоро тоже будет приятный сюрприз!

Глава восьмая

Конан с трудом протиснулся в заготовленную для него колоду, отверстие закрыли. Ему предстояло провести так целый день до самой темноты. В общем, в бревне было не так уж плохо, душновато только, да еще не понравилась варвару разгрузка. Хорошо хоть, что бревно не треснуло, когда его свалили с повозки.

Конан поглядывал в отверстие, проделанное для доступа воздуха. Он ждал, когда же можно будет вылезти из этого гроба. Все тело онемело от неподвижности, желание пошевелиться становилось просто нестерпимым.

Наконец голоса снаружи смолкли, и в отверстие уже ничего было не разглядеть, сколь ни тарáщи глаза. Киммериец осторожно надавил на торец своего убежища и с превеликим трудом вылез наружу. Занемевшие от неподвижности руки и ноги едва слушались. Конан с наслаждением растянулся на траве и стал разминать мышцы на руках, потом плечи, живот — все тело. Легкое по-

калывание было приятным и возвращало бодрость. Оглядевшись вокруг, он определил, что находится в саду, недалеко от того места, где, как указал ему Гисан, можно взобраться по стене дворца до балкона, а дальше проникнуть внутрь. Киммериец, распластавшись на земле, подполз поближе к дорожке, окружавшей дворец, — по ней дозор обходил обитель своего господина.

Стражники двигались лениво, не обращая особого внимания на то, что происходит вокруг. Да и может ли произойти что-нибудь в саду, который был окружен двойной каменной оградой и двумя рядами охраны? Первое время они еще перекликались между собой, потом это стало происходить реже, потом они просто покрикивали: «Эй!» — и, услышав ответ, успокаивались.

«Благодарение Митре, стражники везде одинаковы», — порадовался Конан. Он решил проверить их бдительность и бросил камешек в сторону от того места, где лежал. Проходящий мимо него охранник даже головы не повернул. Мало ли какая птица трепыхается в кустах! Конан полежал еще немного, заметил расстояние между стражниками и, уловив момент, набросился на одного из них сзади, привычным движением, словно цыпленку, свернул шею и, подхватив под мышки, аккуратно уложил на траву.

Следующий охранник спустя некоторое время разместился рядом.

— Эй, — негромко крикнул киммериец, приложив ладони к губам, чтобы было труднее разоб-
рать голос.

— Эй, — лениво отозвался кто-то. Пока все шло как надо.

Конан метнулся к стене — один момент, и крюк зацепился за перила балкона. Как ящерица, прижимаясь к стене, он через несколько мгновений очутился наверху, перебросил тело через перила и замер. Внизу слышались шаги охранника. Когда поступь стража стихла, варвар подполз к двери, ведущей внутрь. Два движения кинжалом, и задвижка подалась. Конан осторожно, чтобы не было слышно скрежета, острием кинжала продвигал металлическую планку до тех пор, пока не почувствовал, что дверь начала приоткрываться. Он торопился — надо было успеть сделать все до момента, когда стражники обнаружат отсутствие своих товарищей. Проскользнув в дверь, он очутился в небольшом темном помещении; только полоска света на противоположной стене указывала, где следующая дверь. Варвар приник к щели одним глазом. В соседней комнате, тускло освещенной одним светильником, находились два стражника: один стоял, глядя в окно, другой сидел на полу у двери и клевал носом. Конан легонько двинул дверь; слава богам, она подалась без скрипа. Когда щель расширилась достаточно, киммериец сначала метнул нож в шею стоящего охранника и, не дожидаясь, пока тот упадет, отправил и второй нож по назначению.

Следующая комната напоминала покои правителя, по крайней мере, Конан представлял их себе именно такими. Ковры устилали пол, висели на стенах; казалось, ими был покрыт даже пото-

лок. Было бы время, киммериец полюбовался бы на это великолепие: яркие ковры сказочно хороши, мягкий ворс — загляденье.

Но он пришел не за этим, тем более что в соседней комнате слышались тихие шаги, дверь открылась, и вошел человек, одетый не хуже самого советника. Он держал в руках лампу, и ее свет не позволил ему сразу разглядеть киммерийца, притаившегося возле входа. Метнувшись к нему, Конан схватил вошедшего за горло и, приблизив к нему свое лицо, грозным шепотом спросил:

— Где хозяин?

Ослабив немного хватку, киммериец дал несчастному вдохнуть воздуха, но не более, чтобы он был в состоянии жестом руки показать — где.

— Такова воля богов, — прошептал варвар, вновь стискивая горло верного постельничего, или как его там, не важно.

Дернувшись несколько раз, тот отправился на Серые Равнины. Конан взял у него лампу и вошел в указанную дверь. Это помещение было еще более роскошным, чем предыдущее, кроме ковров ее украшала богатая мебель коричневого дерева. Кресла были инкрустированы серебром, и металл тускло поблескивал в свете двух высоких светильников из бронзы, стоявших в ногах огромного ложа. Под прозрачным балдахином спал лекарь, доставивший столько горьких мгновений человеку, пригласившему вчера в гости киммерийца... но времени было в обрез. Варвар склонился к спящему, потряс его за плечо и, когда тот открыл глаза, спросил:

— Ты лекарь повелителя нашего, да будут дни его благословенны?

Лекарь похлопал глазами, спросонья ответил утвердительно, но когда пробудился окончательно, то начал соображать, что же происходит. В глазах его мелькнул ужас; он открыл рот, чтобы закричать, но в этот момент Конан прекратил его дыхание своим обычным способом, сказать проще — задушил бедолагу, провинившегося тем, что украл у чернобородого советника часть любви его господина.

Убедившись, что все кончено, он снял с пальцев придворного лекаря перстни, в том числе и тот, который, к великому огорчению советника, подарил повелитель, и, не мешкая, покинул спальню.

Теперь предстоял обратный путь. Поручение советника он выполнил, не грех и позаботиться о собственной голове, а она киммерийцу совсем не мешала. Выбраться из дворцового сада прежним способом невозможно, и Конан, лежа среди кустов, пытался вспомнить, что еще рассказывал ему Гисан.

«Так, двойная ограда и такие же дозоры, как и здесь, вокруг дворца, — размышлял он. — Попробовать, как с этими? Нет, дважды кости одинаково вряд ли лягут. Что еще? — Он вспомнил, что из бассейнов вода уходила за пределы сада по каналам. — Это спокойнее, но насколько крепки там решетки? Есть ли рядом стражники?» — крутились в его голове лихорадочные мысли. Время, отпущенное ему, стремительно таяло.

Вдруг на песчаной дорожке, ведущей к дворцу, послышались шаги. Варвар приподнялся на локтях, чтобы получше разглядеть, кто идет. Высокий человек, с длинным мечом на поясе и светильником в руках, отбрасывавшим неяркий свет на дорожку, направлялся к дворцу.

«Это начальник стражи,— сообразил киммериец,— сейчас они обнаружат пропажу двоих, и начнется такое, что самому Нергалу будет жарко».

Он хотел уже убраться подальше от этого места, но решил посмотреть, что все-таки произойдет. В конце концов, невелика разница, когда они начнут ловить его: мгновением раньше или позже.

Начальник подошел к дворцу, и в этот же момент, на удачу Конана, появился один из стражников.

— Ну как? Все в порядке, сонные мухи?

— Все в порядке, досточтимый, не сомневайся.

— Смотрите у меня, если еще раз найду кого-нибудь спящим в кустах, всем вам по двадцать плетей. Понял, сучий потрох? — Поднеся к носу стражника увесистый кулак в подтверждение своих намерений, удовлетворенный беседой начальник пошел обратно, бормоча что-то себе под нос. Его самого не было видно в темноте ночи, только колеблющееся в такт шагам световое пятно указывало, где он находился.

«Чем Нергал не шутит! Рискну». Конан змеей скользнул по траве поближе к дорожке и, бесшумно поднявшись, встал за дерево, поджидая начальника стражи.

Движения киммерийца были настолько плавными и отработанными немалым опытом, что если бы кто наблюдал за ним, то наверняка решил бы, что Конан танцует. Через некоторое время тишину нарушил хруст ломающихся шейных позвонков.

«Многовато треска получается. Надо будет над этим поработать,— решил Конан.— Но это после».

Киммериец сорвал с лежащего на траве стражника его бурнус и, взяв светильник, направился к внутренней ограде. Прикрыв свет полой одежды, он осторожно, прячась за деревьями, приблизился к цели. Отодвинув ветку, мешавшую увидеть площадку перед первыми воротами, Конан напряженно вглядывался в ночной мрак. Луны в этот день не было, темень стояла, как в утробе Нергала.

Прошло немного времени, и варвар увидел отблески света сначала на камнях ограды, а потом и на траве. Стражник с факелом направлялся к воротам. За ним, приглядевшись, киммериец различил еще несколько теней.

«Выпускает смену наружу,— догадался варвар.— Ну, помоги мне, Митра!» — прошептал он, выходя на дорожку и направляясь к воротам.

В толпе стражников произошло какое-то движение, и Конан услышал сдавленный шепот:

— Тихо, видишь, он идет.

Гремя ключами, стражник с факелом поторопился открыть калитку, чтобы не задерживать начальство. Группа посторонилась, и варвар решительными шагами направился к калитке. Ког-

да он поравнялся с ключником, тот взглянул на него при свете факела и понял свою ошибку. Крикнуть он не успел — под его ребро вонзился нож, но теперь присутствие варвара было раскрыто. Стражники бросились на Конана, но тому удалось, отбросив ближайшего ударом ноги, вырвать ключи из рук убитого. Метнувшись в калитку, киммериец захлопнул ее перед носом охранников и повернул ключ. Немного времени он выиграл, но крики уже всполошили всю стражу.

В кольце между двумя оградами деревьев не было, только небольшой кустарник. Варвар успел отбежать от ворот шагов на двадцать и распластался на земле. Мимо него пронеслись человек пять-шесть стражников, гремя оружием и скверно ругаясь. Пока они выясняли через запертые ворота с оставшимися внутри, что случилось, киммериец мешкать не стал. Крюк взвился в воздух, веревка натянулась, и в одно мгновение Конан уже оседлал ограду.

Спрыгнув вниз, он не стал дожидаться, чем закончится ночной переполох во дворце любимчика повелителя, а постарался как можно быстрее убраться восвояси, дабы ко всем прочим удовольствиям сегодняшней ночи не встретиться с городской стражей.

Глава девятая

овтори, повтори, — попросил Конан, — ты думаешь, что одарен Силой? — Это у меня наследственное, — тихо сказал Нинус, — вся наша семья одарена: и бабка, и мать, и сестра. Только у них это проявилось, а у меня пока не особенно получается.

— Как — сестра? — переспросил киммериец. — Ты хочешь сказать, что Денияра — колдунья?

— А ты и не заметил? — удивился Нинус. — Разве удалось бы тебе выжить, если б не ее волшебство.

Они сидели в саду у Денияры и попивали вино. Пару раз они уже ощутимо облегчили сундуки местной знати, что позволило им безбедно жить некоторое время, но много доходов — много и расходов, пора было браться за новые дела. И тогда Нинус поведал варвару свою заветную мечту.

Хвала богам, у него уже стали получаться кое-какие из заклинаний, но ему хотелось чего-то большего. По слухам, у одного из купцов, живу-

щих неподалеку от Аренджунского базара, есть волшебная книга и с ее помощью можно стать настоящим магом.

Нинус считал, что у него должно получиться. Дело было за малым — требовалась книга, которую он и предлагал похитить у того купца, а заодно и освободить его от лишних, по мнению Нинуса, ценностей.

Киммериец с молодых ногтей инстинктивно не любил все, что хоть как-то связано с магией, колдовством, волшебной силой, и мысль, что сидящий рядом приятель собирается стать колдуном, с трудом укладывалась в голове у варвара.

«Это надо хорошенько отметить», — решил Конан.

— Замира, — крикнул он, — принеси еще кувшинчик — видишь, этот уже пуст.

У Денияры вино было куда лучше, чем у Абулетеса, поэтому и выпить можно было гораздо больше, тем более раз обнаружился такой подходящий повод.

— Я узнал, что скоро этот купец уезжает на пару седмиц в Офир. В доме никого не будет, вот мы и возьмем книгу. Охранников он не оставляет, надеется на свои запоры, но пойдем вместе — я там тебе кое-что покажу, да и все-таки с тобой спокойнее.

Конан не возражал. За то время, что он работал с Нинусом, они уже не задавали друг другу лишних вопросов — надо, так надо.

— А как имя этого купчишки? — все-таки поинтересовался киммериец.

— Лиаренус, — ответил Нинус. — А еще его зовут Горбун.

Вот так-так! Вопрос оказался совсем не лишним, спасибо Солнцеликому, что надоумил! У варвара даже дыхание перехватило. Сердце застучало, как от близкой встречи с возлюбленной. Синий Камень — голубая мечта его жизни!

Он ничего не сказал Нинусу. Всего не доверяй никому: одним больше, другим меньше — так учил его тот старый киммерийский воин.

Дом у купца на первый взгляд выглядел небогато: никаких вензелей на воротах, сад обычный, без фонтанов и бассейнов, но обширный и заросший так, что напомнил киммерийцу его родные северные дремучие леса. Дом тоже скромный, из сероватого камня, но не маленький, локтей по пятьдесят в длину и ширину, покрытый темно-красной черепицей. Все в хозяйстве этого человека говорило о солидности, прочности.

Здесь денег на ветер не бросали, почитали богов, и они в ответ не оставляли хозяев своей милостью. Решетки на окнах были простые, без украшений, но такой толщины, что варвар задумчиво почесал в затылке:

— Тут даже мне, пожалуй, не справиться, рог Нергала ему в задницу!

Нинус, не обращая внимания на сомнения киммерийца, направился прямо к двери дома, вид которой вызывал еще большее уныние: дверь была сделана из толстенных кедровых досок — что там городские ворота! — и еще окована железными полосами невероятной толщины. Замок

был продет в проушину толщиной со слоновий хобот и выделялся своим затейливым внешним видом.

— Из этого железа можно наделать доспехов для всей городской стражи,— мрачно поделился киммериец своими соображениями с Нинусом.— Клянусь Кромом, мне непонятно, зачем мы вообще пришли сюда,— продолжал он.

Конан вообще-то не был склонен предаваться унынию и растерянности. В своей жизни он попадал в такие передряги, что их хватило бы на сотню простых людей. Хвала Митре, варвар всегда выходил с честью из любых испытаний, но даже ему не под силу было совершить то, что выходило за пределы человеческих возможностей.

— Даже если Бел будет помогать тебе изо всех сил,— сказал Конан,— ты все равно не сможешь открыть его. Посмотри, тут даже нет скважины для ключа.

Действительно, огромный, плоский, покрытый затейливым узором замок выглядел как насмешка над незадачливыми воришками: никакой ключ здесь не смог бы помочь — его просто некуда было вставлять.

— Так я и думал,— наконец проронил Нинус. Он молчал все это время, не очень-то прислушиваясь к мрачным восклицаниям своего товарища, а внимательно рассматривая узоры на замке.

— Да, эта вещь заколдована. Письмена говорят об этом. Ну что ж, чем боги не шутят, попробуем,— оптимистично закончил свою небольшую речь Нинус.

Варвару приходилось сталкиваться с колдовством, тут надо держать и глаз и ухо наготове, поэтому он покрепче сжал рукоятку меча и сделал шаг в сторону. Машинально он поправил ленту, которой Денияра повязала ему волосы, перед тем как они с Нинусом покинули ее дом. Она сказала на прощание свою обычную фразу:

— Тигра не удержишь в клетке, но хотя бы не снимай ленту, пока не вернешься.

Нинус тем временем вытащил из поясного кошелька щепотку зеленоватого порошка, посыпал им дужку замка и сделал вокруг нее несколько плавных движений ладонями. Конан с изумлением наблюдал, как изменился в этот момент его приятель: обычно сутуловатый и хилый на вид, он словно стал выше ростом, складки на лице разгладились, и только сейчас стало заметно его сходство с красавицей сестрой. Дальше стало происходить совсем, с точки зрения Конана, невероятное: дужка замка как бы съежилась в несколько раз и превратилась в тонкую веревочку, которую Нинус без труда разорвал, киммериец с его силой тут был не нужен.

— Пошли,— сказал Нинус. Магические действия дались ему нелегко, он был весь в поту, руки дрожали. Правда, его физиономия уже приняла свой обычный сморщенный вид, и киммериец почему-то вздохнул с облегчением. Вытащив заранее припасенный светильник, они вошли в здание.

Внутри дом тоже не отличался роскошью, но все было прочное и крепкое, как будто хозяева собирались прожить здесь не одну сотню лет.

Незванные гости прошли несколько помещений, обычных для каждого дома. «Кухня, комната для гостей, комната для слуг», — машинально отмечал про себя киммериец. Наконец они остановились перед старинной, украшенной затейливой резьбой дверью. Казалось, дверь сделана гораздо раньше, чем сам дом, — ее доски заметно потемнели с годами. Нинус потянул за медную позеленевшую ручку, и дверь отворилась легко, как будто сама пошла навстречу входившим.

Внутри помещения было несколько столов, тоже на вид очень древних, на которых лежали огромные старинные книги.

«Удивительный дом», — подумал Конан. Ему никогда в жизни не приходилось видеть столько книг сразу. По правде сказать, у него не было времени и возможностей научиться этому мудреному делу — чтению, и все, что находилось вокруг, было для него совсем непонятным.

— Времени у нас мало, — предупредил его Нинус, — пока я поищу книгу, посмотри в других комнатах, чем там можно поживиться.

Товарищи принялись за дело. Киммериец методично перерыл все сундуки и ларцы, которые ему попадались. Кое-что стоящее там было: золотые монеты туранской чеканки, затейливые украшения — все это он сложил в кожаный мешочек. В общем, улов был немалый, но заветного перстня он не нашел.

«Где же он может его прятать? — размышлял Конан. — Или у этого советника сведения неверные, или он просто меня обманул?»

Печально вздохнув, киммериец вернулся в комнату, где Нинус продолжал перебирать книги. Конан присел на скамейку и тоже открыл книгу, лежавшую ближе всех к нему. Варвар с трудом попытался отличить одну букву от другой, они все на первый взгляд выглядели одинаковыми, только хвостики у этих букв располагались то сверху, то снизу, то сбоку.

Перевернув несколько страниц, варвар обнаружил картинку — на ней был изображен не то какой-то сад, не то лес. Пейзаж показался Конану знакомым.

«Где-то я уже это видел», — мелькнуло у него в голове. Он поднял голову и заметил на столе глиняную кружку, из которой торчали гладко оструганные деревянные палочки коричневого цвета. Киммериец вытянул одну палочку и заложил ею страницу с картинкой.

«Еще раз рассмотрю потом и вспомню», — решил он, продолжая переворачивать тяжелые листы. Через несколько страниц он опять наткнулся на картинку. Здесь были нарисованы очаг, стол, скамьи, полка, на которой стояли медные котлы, сосуд для вина.

«Клянусь Кромом, это же кухня, в которой мы недавно были, — догадался киммериец, — чудак этот купец, зачем ему рисовать собственную кухню? — Он покачал головой, хотел спросить об этом Нинуса, но, подняв на него взгляд, решил не отрывать от дела. — Спрошу потом».

Он оглядел помещение, в котором они находились. Не нравилось оно киммерийцу, непонятно

почему, но какое-то скверное предчувствие вызывали и эти каменные стены, и вековые доски, из которых была сделана мебель.

— Печальная комната, — пробормотал Конан. Он бросил взгляд на одну из полок на противоположной стене. Она была уставлена глиняными чашами попеременно с небольшими фигурками, сделанными вроде бы из серой обожженной глины. Киммериец поднялся, подошел поближе и взял одну из фигурок, чтобы получше разглядеть. Даже мельчайшие подробности лица вроде ресниц или бородавок были выполнены неизвестным мастером с такой тщательностью, что казалось, это не человеческая работа, а забава демонов. Холодок пробежал по спине варвара. Он поставил фигурку на место и решил посмотреть, нет ли чего в чашах. Перевернул первую — ничего, заглянул во вторую и — о боги! — не поверил своим глазам.

Массивное кольцо из серебристого металла с незнакомыми ему письменами. Неужели?! Он бережно, не веря в удачу, взял перстень в руки, осторожно повернул печатку, и... глазам его предстал удивительной красоты изумруд, глубокий зеленый цвет которого напоминал краски родного Конану киммерийского леса. Варвар испытал в первый момент немалое разочарование, но потом здраво рассудил, что это тоже хорошая добыча и стоит будет немало, а Синий Сапфир найдется — он в этом не сомневался!

Он оглянулся на Нинуса. Тот по-прежнему был занят своими книгами. Конан аккуратно вер-

нул камень на место и надел перстень на палец, потом вернулся к сообщнику и продолжал нехотя перелистывать книгу.

Через несколько страниц он наткнулся на совершенно удивительную вещь: на картинке была тщательно, с мельчайшими подробностями, нарисована та самая комната, в которой они сидели. Столы, скамьи, книги — все было как на самом деле, даже два человека сидели на скамьях и читали книги. Конан вгляделся внимательнее в рисунок, и тут его прошиб холодный пот: это же он и Нинус!

— Нашел! — услышал он в это мгновение счастливый возглас своего товарища. — Теперь все будет в наших руках, слава Митре! — радостно продолжал его приятель, потрясая небольшой книжицей в розовом сафьяновом переплете.

— Посмотри сюда, что-то я не понимаю. — Киммериец ткнул пальцем в рисунок, Нинус подошел к нему.

— Не время рассматривать картинки, — сказал он, — пора уходить, раз дело сделано.

Однако его взгляд тоже привлекли фигурки на полке. Он решил получше рассмотреть их.

— Удивительно! Как этот болванчик похож на одного разбойника, который ошивался здесь лет пять назад! — воскликнул Нинус. — Демон меня сожри, если я не прав, это офирская работа. Да, я всегда говорил, что у нас так сделать никто не сумеет.

Слушая его, киммериец никак не мог отделаться от ощущения, что он говорит что-то со-

всем не то. Ага, вспомнил! Советник, который назвал ему имя Лиаренуса, предупреждал:

«Много охотников было на его богатства, но все до одного куда-то пропали...»

Великий Кром! Озноб охватил его тело, и волосы сами собой зашевелились на голове.

— Нинус! А другие фигурки тебе не напоминают кого-нибудь? — поинтересовался киммериец, уже почти зная ответ, в нем мертвенным холодом начало распространяться предчувствие чего-то жуткого и непонятного. Против воли он сжал рукоятку своего меча с такой силой, что хрустнули пальцы.

— Надо же! — вдруг удивленно воскликнул его приятель. — Вот этот похож на Большого Кумрана, был такой лихой предводитель... одной шайки...

Конец фразы он вымолвил запинаясь, видимо, и у него возникли какие-то подозрения.

Варвар мельком бросил взгляд на книгу, которая лежала у него перед глазами. Великий Митра! Рисунок изменился! Теперь Конан сидел у стола, а Нинус стоял у полки. Киммериец не успел как следует обдумать происшедшее, потому что услышал за спиной леденящий душу скрип двери. Она медленно-медленно двигалась, закрывая выход.

— Хвост и рога Нергала! — выругался Нинус.

Он лихорадочными движениями стал шарить в своем кошельке, и, вытащив щепоть порошка, с помощью которого расколдовал замок, бросил ее в сторону двери. Порошок рассыпался у порога, Нинус начертил в воздухе какой-то знак, но дверь продолжала свое движение. Варвар почув-

ствовал, что с ним происходит что-то неладное, непостижимое разуму, но не мог понять — что. С комнатой тоже творилось нечто невероятное, ему показалось, будто стены ее зашевелились. Он оглянулся вокруг, но все вроде оставалось на своих местах.

— Демоны меня поberi! — закричал вдруг Нинус. — Я перепутал знаки! Конан! Конан, не дай двери закрыться, иначе пропадем!

Киммериец ринулся к двери, но неведомая слабость сковала все его тело, он едва сумел пошевелить рукой. Взглянув на Нинуса, Конан увидел, что тот тоже старается сдвинуться с места, но не может. Его побелевшие губы пытались что-то произнести, но ни одного звука варвар не слышал. Киммериец взглянул на книгу. Приведшая его в такой ужас картинка как бы сползала к верхнему углу листа, уменьшаясь на глазах.

Варвар почувствовал, как что-то упало с его головы на плечи. Он скосил глаза и увидел, что лента, подаренная Дениярой, выросла, да так что сейчас сползет с плеч! Точно! Она скользнула к его ногам и, стремительно увеличиваясь в размерах, стала разрастаться, отодвигая столы к стенам. Киммериец очутился как бы внутри большого круга. Обруч достал до Нинуса, ударил его под ноги, и тот повалился, как кхитайский болванчик. Его ноги не двигались и посерели, приобретая цвет материала, из которого были сделаны фигурки на полке.

«Мы уменьшаемся! — мелькнула догадка, которая заставила его похолодеть. — Великий Кром!

Вот куда пропали все воришки, пробравшиеся сюда... Он превратил их в эти глиняные игрушки!»

Конан чувствовал, что тоже каменеет — застывает начиная с ног. С невероятным усилием, сцепив зубы, он вытащил свой меч и, падая, попытался достать им до двери. На миг он представил, как возвратившийся хозяин поднимает с пола и ставит на эту треклятую полку двух глиняных болванчиков — его и Нинуса...

— Ну, нет! — захрипел варвар, жилы на его руках вздулись; теряя остатки сил, он успел просунуть кончик меча в щель, причем сделал это в последний момент — еще мгновение, и дверь бы захлопнулась.

Раздался жуткий скрежет. Какая-то исполинская сила пыталась закрыть дверь, но меч не давал этого сделать. Казалось, что кто-то толкает, давит, жмет на дверь с той стороны. Доски начали выгибаться, как лук в сильных руках.

«Если попадешь в беду, — вспомнил он слова, как-то сказанные Дениярой, — выкрикни мое имя, может быть, это тебе поможет».

— Денияра! — во всю силу своих легких заорал Конан.

Как бы повинувшись его словам, гигантский обруч, в который превратилась шелковая повязка, выгнулся петлей в направлении закрывающейся двери и встал на ее пути как скала. Потом раздался ужасающий раскат грома, сверкнула ослепительная вспышка света, и наступила темнота...

Очнулся киммериец на крыльце дома, рука продолжала судорожно сжимать рукоятку меча,

в другой руке он держал ленту, которую повязала ему на прощание Денияра. Рядом лежал Нинус, прижимая к себе заветную книгу, мечту его воровской жизни. Конан посмотрел на дверь: замок, цел и невредим, висел на своем месте, как будто и не был вскрыт с помощью зеленого порошка. Сколько времени прошло с тех пор, когда они были в этой проклятой комнате? Или все, что произошло, ему просто приснилось?.. Луна вовсю светила сквозь густую листву сада. Судя по всему, была уже глубокая ночь.

«Нергал с этим домом, пора выбираться отсюда», — решил варвар. Он потряс Нинуса за плечо, тот слабо застонал и открыл глаза.

— Где это я? — спросил он, озираясь вокруг.

— Забыл? — хохотнул киммериец. К нему понемногу возвращалось его обычное боевое настроение. Да и почему бы не прийти в хорошее расположение духа, если боги в очередной раз не оставили его? Из такой переделки выйти живым — это тебе не пьяных стражников резать... — Сам же хотел магическую книгу, и меня, олуха, Нергал послал с тобой. Вспомнил?

Нинус поглядел на предмет, который продолжал судорожно прижимать к себе, и на лице его можно было прочесть одновременно и радость от такой добычи, и желание бросить эту книгу и никогда ее больше не видеть. Первое чувство оказалось сильнее.

— Благодарю тебя, Солнцеликий! — возопил Нинус, потрясая вожаемым сокровищем. — Ты не забыл своего преданнейшего раба!

— Хватит тебе, потом возблагодаришь, — весьма невежливо прервал его общение с богами варвар, — нам ещё надо до дома добраться. Я что-то не пойму, как мы от забора дошли до этого места?

Действительно, сад, с тех пор как они вошли сюда, изменился — и отнюдь не по вине ночного освещения. Раньше перед домом была довольно-таки обширная площадка, от забора, где они перебрались в сад, с улицы вела утоптанная тропинка. Теперь же сад — или лес? — подходил к самым стенам, не оставляя ни малейшего пространства, где можно было бы не то что пройти — протиснуться. Мощные ветви, перевитые лианами толщиной в руку, низкий плотный кустарник у самой земли — это даже не лес, а чащоба, кролик вряд ли мог сквозь нее прошмыгнуть. Конан взгляделся внимательнее и вспомнил один из рисунков в той жуткой книге. Это же лес с той картинки! Опять стало холодно спине — наверное, боги пошутили немного и теперь готовили ему новое испытание.

«Податель Жизни, неужели придется сгинуть в этом саду? Ну нет, так просто нас не возьмешь!» Киммериец схватил свой меч и принялся прорубать дорогу в том направлении, где, как ему казалось, должен был быть путь к спасению. Он двигался подобно свирепому дикому быку, с твердостью воина, разбивающего тараном крепостную стену, с упорством искателя кладов, долбящего киркой камень.

Нинус едва успевал за ним, а сзади ветви вновь смыкались непроходимой стеной, как будто

это были не растения, а темная вода, которая поглотила бы их, если бы не ярость и сила Конана. Призрачный свет луны играл на его вздутых от напряжения мускулах, он рубил и рубил, не устая.

Сколько продолжалась эта битва — сказать было невозможно. Когда Конан увидел перед собой камни ограды, уже светало.

Они одним махом, будто кто-то подбросил их, перескочили через нее и огляделись. Вдали уже светилась полоска утренней зари, воздух был чист, свеж и удивительно приятен. Они поспешили вперед по знакомой улице, не оглядываясь на тот дом, который остался, хвала богам, позади, за этим каменным забором. Нинус еще не мог прийти в себя от пережитого, его зубы клацали в такт шагам, как колокольчик у пасущегося верблюда.

Кругом уже начиналась обычная утренняя жизнь, слышалось блеяние овец, кудахтанье кур, возгласы людей, приступивших к своим делам. Какая-то собачонка, вылетев из-под ворот, с лаем набросилась на Нинуса, норовя цапнуть его за штанину. Замориец пинком отбросил назойливую шавку, и это маленькое происшествие разрядило его, зубы перестали стучать, он наконец-то перевел дух. Тут Конан вдруг рассмеялся.

— Ты что скалишься? Еле ноги унесли, не до веселья, — буркнул Нинус.

— Дешево отделались, — давась от смеха, ответил киммериец, — вот только что ты пнул эту сучку, а я подумал, что ты мог бы быть сейчас

величиной с собственное яйцо, и тогда она проглотила бы тебя — и даже не заметила этого.

— Ну, не такие уж они у меня маленькие, — обиделся было Нинус, но, взглянув на Конана, махнул рукой и присоединился к хохоту товарища. Взрывы смеха спугнули стаю ворон, мирно дремавшую на дереве, и долго еще в утреннем прохладном воздухе слышалось их возмущенное карканье.

Глава десятая

олдун Лиаренус беспокойно заворочался во сне, что-то душило его, как будто огромная птица, усевшись ему на горло, своими широкими крыльями совсем перекрыла доступ воздуху. Он взмахнул руками, отгоняя тварь, и проснулся, с трудом приходя в себя от ночного кошмара.

«Только сон», — подумал про себя колдун и бросился к заветной шкатулке, лихорадочно нащупал на шее маленький золотой ключ, отомкнул замочек. Все было на месте: и перстень, и его заговоренный золотой полумесяц, и клочок магического вендийского пергамента, он выиграл его в кости у одного колдуна из Кофа.

Горбун вытер со лба холодный пот и хотел было продолжить сон, но безуспешно. Неспроста же снится такое! Добро бы это приснилось какому-нибудь скотоводу, купцу или солдату, но ведь он же маг, и далеко не последний в этом мире! Лиаренус в своем городе старался не показывать

своих чародейских способностей, и поэтому в Шадизаре его считали обычным, хотя и весьма удачливым купцом. Только покойный брат, лекарь повелителя, да не исключено, что еще два-три человека, не более, могли подозревать что-либо подобное. Он обычно держался в стороне от своих якобы собратьев по торговому делу, не участвовал в их пирушках и сборищах, но на торг кое-что привозил — и немало.

Конечно, у пытливого наблюдателя могло вызвать удивление, что никто и никогда не видел, как он снаряжает или встречает караваны, не было купцов, которые могли бы припомнить о каких-то совместных сделках или путешествиях, но мало ли что бывает в жизни. Товар у него всегда был отменный: вендийские и кхитайские благовония, самоцветы.. У него можно было найти, если кому-то очень требовался, даже порошок черного или желтого лотоса. Так что в Шадизаре Лиаренус был известен как нелюдимый, но надежный купец — если ему что-нибудь заказывали, товар всегда прибывал вовремя и столько, сколько было нужно. К тому же при таком брате, который был чуть ли не самым первым лицом в городе, лишние вопросы могли окончиться весьма плачевно для любопытного.

Семьи у него никогда не было, и теперь, когда его брат был задушен в своей опочивальне, Горбун остался совершенно один. Но, собственно говоря, ему никто и не был нужен. Зачем тому, кто собирался владеть всем миром, помеха в виде жены, детей или других родственников? Собст-

венно говоря, он и о смерти брата не очень-то горевал: этот гуляка, выпивоха, любитель роскоши и женщин только даром растрачивал свои способности. На что? На лишний ковер в свой дворец, на лишнюю девку или еще один перстень!

— Тьфу! — У Лиаренуса даже стало горько во рту. Да если бы он захотел, то этих побрякушек имел бы столько, что никакому владыке и не снилось! Не в этом сладость жизни, не в этом! Чтобы эти людишки, эти твари, слепленные из горстки мяса и костей, пить и есть, ходить и спать, даже дышать не могли без его соизволения — вот на что можно положить свою жизнь! Да и не такую, как у всех, а в пять, нет — в десять раз более длинную, а может быть, и вечную!

Он отомстит всем, кто так или иначе заслужил это! Всем: и тем, кто в детстве дразнил его — они сейчас уже дожили до старости, тем страшнее будет для них его кара. Так и стоит в ушах их крик: «Горбатый, горбатый, иди стучи лопатой, горбатый, горбатый...» И женщинам, которые пренебрегали им тогда, и тем, которые живут сейчас — они тоже оттолкнули бы его — всем придется заплатить, всем! И детям их, и детям их детей... И этим вельможам, и купцам, и прочим тварям людским. Лиаренус заскрежетал зубами, так велико было его желание поквитаться с этими не заслуживавшими прощения убожествами.

Скоро, скоро не подозревающие о его будущем могуществе людишки почувствуют его силу. Все! Сначала Шадизар, потом вся Замора, потом Коф, Коринфия, Офир... У Горбуна даже дыхание пере-

хватило, он закашлялся, его седая борода дрожала, как хвост трясогузки. Ладно, пора вставать — и за дело!

Сначала надо узнать, почему его посетил такой сон. Лиаренус вставил ноги в расшитые шелком дорогие сафьяновые туфли и засеменил к огромному сундуку, стоявшему в противоположном углу его обширной спальни. Сундук был старинной работы, доски потемнели от времени, зеленоватый налет покрывал бронзовые обручи, охватывавшие стенки и крышку.

Открыв сундук, маг вытащил из него огромную книгу в кожаном переплете. Положив книгу на столик черного дерева, ножки которого были затейливо вырезаны в виде драконов, Лиаренус вновь залез в сундук и, пошарив в его утробе, извлек небольшой серебряный ларчик. Открыв его, колдун взял оттуда несколько стержней коричневого дерева и, склонившись над книгой, принялся перелистывать ее тяжелые пергаментные листы.

Его губы шевелились, шепча магические заклинания, в скрюченных пальцах левой руки он держал связку палочек и иногда проводил ими по страницам.

— Негодяи! — Вопль прорезал ночную тишину. — Ублюдки, шакалы, семя вонючей гиены, как они сумели?

На рисунке, занимавшем почти весь лист, была изображена та комната, в которой Нинус и Конан искали магическую книгу. Колдун провел по картинке своими коричневыми палочками, и

перед ним, повинаясь магическим заклинаниям, возникли две фигуры — неясные, как будто подернутые туманной дымкой. Лиаренус еще пошептал что-то, потер рисунок стерженьками, но изображения не стали лучше.

— Что-то их защищает. Ну что ж, попробую по-другому.

Он напрягся, на лбу вздулись жилы, капли пота выступили на сухой, как пергамент, старческой коже. Его старания, однако, успехом не увенчались: фигуры остались по-прежнему размытыми.

— Ладно, пока оставим, — сдался Лиаренус, — но я все равно узнаю рано или поздно, кто это побывал в моем доме.

Раздосадованный неудачей, он наградил подзатыльником вбежавшего на звук колокольчика мальчишку:

— Спишь, сын шакала? Давай завтрак, и побыстрее!

* * *

Киммерийцу все еще не давал покоя сапфир. Где же этот Лиаренус его прячет? «Надо спросить у Денияры, — решил Конан. — У женщин свои связи, свои друзья, свой мир — может быть, там прошел какой-нибудь слух, который не дошел до мужчин, до воровского сообщества?»

— Вряд ли я могу сообщить тебе что-то новое, — выслушав его, сказала Денияра, — я знаю только то, что знают все. Но, пожалуй, радость моя, помочь я тебе смогу, во всяком случае, по-

пытаюсь. Тебе повезло, что сейчас весна. Как знать, может быть, нам скажут что-то весенние духи? Мне надо подготовиться к этому обряду, дело очень непростое. Что, если мы попробуем через два дня? Приходи, как зайдет солнце, и будь готов к тому, что обряд потребует от тебя значительных усилий.

— Да я согласен сделать что угодно! — воскликнул Конан. — А сил у меня, вообще-то, много, — гордо добавил он, — так что, будем надеяться, справлюсь!

Через два дня Конан пришел даже раньше назначенного часа. Ему не терпелось как можно быстрее узнать про Синий Сапфир, и, кроме того, слова Денияры о том, что придется потратить много сил, вызвали в нем сильное любопытство.

Денияра уже ждала его. На мгновение она прильнула к его могучей груди, но быстро отстранилась.

— Не время сейчас для этого, — сказала она серьезным голосом и, взяв киммерийца за руку, повела по винтовой лестнице в подвал дома. Конан, хотя и пробыл здесь почти целую луну, даже не подозревал о существовании подземелья.

— Теперь приготовься, испытание будет очень трудным. Я пошлю тебя на встречу с весенними духами — у них, может быть, ты узнаешь что-нибудь новое о перстне с сапфиром. Но я не могу послать мужчину в тот мир одного — он может попасть туда только с женщиной — причем с той, которую любит. Конечно, туда пошла бы с тобой

я — если ты меня любишь, конечно, — смутившись, добавила она, — но тогда некому будет вернуть тебя обратно. Поэтому я пошлю тебя вместе с кем-нибудь из своих девушек. Если духи почувствуют неладное, то вы можете и не вернуться в этот мир. Можешь отказаться, но если согласишься, выбери девушку сам.

Конан не одобрял колдовства в любом его виде, но любопытство было куда сильнее страха неизвестности, да и, кроме того, он знал, что Денияре можно довериться — она не причинит ему зла.

Мгновение поколебавшись, он сказал:

— Что ж, я постараюсь, а какую девушку взять — мне все равно. Ты их знаешь лучше, тебе и выбирать.

— Хорошо, — кивнула Денияра, — подожди, я сейчас вернусь.

Варвар присел на широкую деревянную скамью, с любопытством разглядывая подземелье. Помещение было большим — наверное, оно занимало все пространство под домом. Своды потолка и стены выложены из белого камня, пол — земляной, только в противоположном углу и посередине разостланы большие цветастые ковры с вытканными на них таинственными знаками. Деревянные скамейки и огромный стол из толстых досок, пара сундуков да несколько серебряных зеркал на стенах — вот и все, что было в помещении. В углах подземелья на железных треножниках масляные лампы горели неярким, но ровным пламенем.

На лестнице послышались легкие шаги, и в помещение вошли Денияра и Мадина. Усадив девушку на скамью рядом с киммерийцем, Денияра принялась за приготовления. Сначала из одного из сундуков она вытащила небольшую жаровню в виде цветка подсолнуха и поставила ее на стол, затем из другого — маленький резной ларчик и несколько флаконов из разноцветного стекла. Взяв из кожаного мешочка щепоть зеленоватого порошка, Денияра бросила его на жаровню, сделала руками несколько плавных движений, и яркий изумрудный огонь сам вспыхнул на металлических лепестках.

— Встаньте сюда,— Денияра указала на ковер посреди комнаты.

Мадина и Конан молча повиновались. Налив себе в ладонь белой жидкости из самого большого флакона, Денияра смазала ею брови, ноздри, ушные раковины и суставы пальцев на руках и ногах девушки и варвара. Неведомый терпкий аромат был настолько силен, что у Конана слегка закружилась голова, смазанные места легонько покалывало, тело стало наливаться теплом, как будто внутри его развели большой и жаркий огонь.

— Теперь снимите с себя все и одежду отдайте мне,— сказала Денияра, и голос ее звучал так, как будто она была где-то далеко внизу.

Когда киммериец и девушка разделись, Денияра приказала им улечься на ковер ногами в разные стороны и положить головы на плечо друг другу. Их платье она поднесла к зеленому

пламени; вспышка, и мгновение спустя хлопья легкого пепла кружились в воздухе, опускаясь на пол — вот все, что осталось от ткани, застежек, кожаных ремешков, словом, от того, что раньше было одеждой. Из маленького красного флакона женщина побрызгала на лоб Конана и Мадины розовой жидкостью и вновь, как будто издали, они слышали ее слова:

— Возьмитесь за руки. Конан, не забудь, что я сказала тебе.

В то же мгновение ковер отделился от пола и поплыл вверх, поднимаясь все выше и выше. Происходило что-то странное: ковер поднимался вверх, а потолок не становился ближе, он тоже уходил от них все дальше и дальше, пока все пространство над ними не стало темным и далеким, как пасмурное небо в безлунную ночь. Изредка сквозь разрывы в этом куполе проглядывали звезды — невероятно яркие, таких они никогда не видели раньше на настоящем небе. Вдруг налетел яростный вихрь, он подхватил ковер и быстро понес его куда-то вбок. Холодные струи воды, резкие, как лезвие кинжала, обрушились своими потоками на их нагие тела, жестокий ветер гнал их ложе все дальше и дальше к встававшей на горизонте белой стене, которая, казалось, обнимала весь видимый мир снизу доверху.

— Мне холодно и страшно...— услышал киммериец рядом с собой голос Мадины.

Он хотел повернуть голову, чтобы увидеть ее лицо, но не смог, потому что все его тело было неподвижным, как будто невидимые пути скова-

ли его руки, ноги, шею. Только губы, глаза и язык повиновались его желаниям, и он сказал:

— Не бойся, девочка, все пройдет, и мы вернемся.

Вихрь закрутил их и поднес совсем близко к белой ледяной стене. У самого ее подножия сидела мерзкая старуха, обросшая рыжей шерстью — повелительница зимы. Хриплым дребезжащим голосом она сзывала снег, метель, бурю, свинцовые удушливые туманы, вихри и ураганы. Град со снегом, ледяные брызги морской соленой воды — стихии смешались в жутком танце, сковывавшем тело и леденившем душу. Вокруг старухи в бешеной пляске носились косматые уродливые существа с ледяными осколками вместо глаз. Руками, больше походившими на корявые сучья и обломки веток, они пытались схватить край ковра, на котором лежали киммериец и девушка. Злобным воем встречали мерзкие подданные повелительницы зимы каждую свою неудачную попытку добраться до людей; их вопли сливались с неумолчным хором бушующей природы.

— Мне жутко, я не выдержу этого, я умираю... — вновь послышался жалобный стон девушки.

Он не мог ничем помочь ей, лишь кончиками пальцев пожал ее узкие ладони, которые лежали в его руках.

— Потерпи, девочка...

Вдруг в этом мраке зимнего смерча стали пробиваться тонкие лучики света, сначала еле замет-

ные, как забытые на черной пашне соломинки, потом все ярче и ярче. Конан и Мадина слышали глухие удары, словно кто-то тараном крушил ледяную стену. Удары становились все мощнее, их грохот уже перекрыл и вой ветра, и свист ледяных струй. Наконец стена раскололась, лучи яркого животворящего света залили все вокруг, глыбы льда вперемешку с камнями и песком неудержимым потоком устремились вниз, засыпая старуху и ее подданных.

Свист и вой ветра прекратились, светлый день засиял на небесах. Вдали показалась сверкающая всеми красками радуги колесница, запряженная тройкой лошадей, окруженных ореолом солнечных лучей. Она приблизилась, гигантским полумесяцем очертила небо вокруг, а потом стала возноситься все выше и выше. В колеснице стоял золотоволосый великан, нагой и прекрасный, под взмахом его руки с зажатым в ней мечом все вокруг стало окутывать животворящее тепло, и неземной хор прекрасных голосов заструился с небес.

— Солнцеликий Митра! — У киммерийца перехватило дыхание.

За тем местом, где стояла ледяная стена, простерлись изумрудного цвета поля с яркими блестящими весенними цветами. Еще взмах руки огненного великана — и с небес на белом воздушном облаке спустилась нагая белокурая женщина неопишущей красоты. Она склонилась перед колесницей.

— Я пришла, о повелитель!

И Солнцеликий, указывая на лежащий перед ними мир, проговорил голосом, который своей мощью заполнил все вокруг:

— Это все твое, весна, теперь ты владычица здесь.

И колесница вновь поплыла в ярких сполохах солнечного света, постепенно удаляясь, все выше и выше гигантской спиралью расцвечивая небеса. Из глубины зеленых полей появились мириады странных существ: духи полей, лесов и земных глубин. Гомон, свист, смех заполнили все пространство.

Ковер, на котором в оцепенении лежали Конан и Маина, плавными кругами опустился на зеленую поляну, и киммериец почувствовал, что путы, сковывавшие тело, спали с него, теперь он мог шевелиться.

Приподнявшись, варвар увидел, что все необъятное поле вокруг них заполнили человечки в высоких колпаках и красных сафьяновых сапогах, размахивавшие лампадами, в которых бледным пламенем светился неведомый огонь; уродцы с квадратными головами без глаз и рта. Бесформенные каменные глыбы передвигались на каменных ножках, ежеминутно меняя свои очертания. Были здесь и твари, словно сотканые из веток и стеблей травы, в глубине этих переплетений мерцали влажные огромные глаза, приковывавшие взгляд. Ящерицы с головой петуха; лошади с хоботом, как у слона; страшилища, покрытые рыбьей чешуей, прыгавшие на длинных и тонких, как у саранчи, ножках — каких только

порождений дьявольской прихоти не было вокруг!

Вся эта масса неведомых существ окружила место, на котором приземлился ковер, и с гомоном и свистом понеслась в бешеном хороводе. На их шум слетелись тысячи птиц и бабочек.

— Все, теперь мы погибли, — прошептала Маина, не отрывая взгляда от скопища уродцев.

Где-то впереди послышался мерный перезвон колоколов. По мере того как он приближался, пляска духов становилась все медленней и медленней, и наконец они остановились совсем, плотным кольцом окружив юношу и девушку.

К гулу больших колоколов прибавились звонкие трели маленьких колокольчиков, и внезапно из-за склона холма выплыла колесница, окутанная венками полевых цветов и изумрудных трав. Она неслась в воздухе, тысячи птиц поддерживали ее своими крыльями. В колеснице в окружении прекрасных девушек восседала та белокурая красавица, которую Конан и девушка видели, когда рухнула ледяная стена. На девушках не было одежды, только струящийся водопад золотистых волос прикрывал их наготу — Конану никогда в жизни не приходилось видеть таких совершенных тел.

— Слава! Слава повелительнице! — возопило сонмище духов, когда колесница приблизилась к тому месту, где, безмолвно прижавшись друг к другу, в неподвижности замерли Конан и Маина.

— Тихо! — Богиня весны подняла руку и указала на людей.

Чудовища словно только что увидели их. Дикий вой, крики и визг обрушились на поляну:

— Вот они! Хвала тебе, повелительница!

Твари кричали и улюлюкали, злобно оскалившись, указывали на дрожавших от ужаса людей. Конан и Мадина боялись пошевелинуться и только широко раскрытыми глазами оглядывали бесновавшуюся толпу монстров.

— Зачем вы здесь, ничтожные? — наконец вымолвила повелительница всего этого сонмища.

Конан раскрыл было рот, чтобы ответить, но выскочивший вперед змееподобный монстр крикнул:

— Это не его женщина!

— Да! Он прав! — закричали остальные. — Скажи имя! Скажи имя!

Твари вновь завопили, засвистели, заскрежетали с такой силой, что у Конана от этого жуткого шума начала раскалываться голова. Мысли путались, он не мог припомнить даже свое имя. Варвар попытался махнуть рукой, чтобы они на мгновение замолчали, но шум только усилился, чудовища визжали с удвоенным старанием.

— Отдай ее нам! Нам! Нам! — разобрал он в этой какофонии звуков.

Повелительница махнула рукой, духи налетели на Мадину, и киммериец только мог заметить, как раз или два мелькнуло ее вытянутое струной обнаженное тело среди мчавшегося прочь клубка сцепившихся тварей. Все стихло. На поляне остались только варвар и богиня с ее приближенными.

— Тебе жаль ее? — спросила повелительница. — Не горюй, можешь выбрать любую из моих девушек. Такого мужчину из смертных я вижу впервые, поэтому я не отдам тебя своим духам. Слишком ты хорош собою. Ты вспомнил, зачем ты здесь?

Конан потряс головой, пытаясь собраться с мыслями. Да, конечно же, он хотел узнать про перстень с синим камнем.

— Повелительница, — запинаясь начал он, — помоги узнать, где находится Синий Сапфир...

— Гнусное порождение раба! — Глаза богини налились гневом. — Как ты смел беспокоить меня по такому ничтожному поводу?

Девушки теснее окружили свою повелительницу и укоризненно покачивали головами, глядя на киммерийца.

— Ты мне неинтересен! — Взмах руки, и вновь тысячи монстров неведь откуда появились на поляне.

Приплясывая в жутком танце, они вцепились в варвара и помчали его прочь, перебрасывая друг другу. Злобный хохот и визг вновь заполнили все вокруг. Сколько продолжалось это, понять было невозможно — может быть, миг, может быть, сто лет — духи несли его над всем миром: горы сменялись пустынями, леса — пашнями, озера — морями. Гонка становилась все стремительней. Последнее, что сумел запомнить Конан, была степь, под склоном холма поле странных цветов, похожих на подсолнухи, но вместо сердцевин у них среди желтых лепестков жутко

мерцали человеческие глаза. Горбатый старик с козлиной бородкой в синем одеянии пас стадо рогатых животных; он протягивал в его направлении руку и грозил скрюченным пальцем. Монстры принесли его к черному отверстию среди голых скал и бросили в эту пропасть. Летя и кувыркаясь в полумраке, он заметил внизу кружащееся в падении мраморно-белое тело девушки.

— Мадина! — крикнул он, но не услышал своего голоса. Все потонуло во мраке.

Конан ощутил тупую боль в затылке, словно по его голове ударили дубиной. Не открывая глаз, он провел рукой по своему телу. Дикая боль сковала все мускулы, он чувствовал себя так, будто на нем поплясала дюжина бритунцев.

— Ну вот, все в порядке, — услышал он донесшийся издали знакомый нежный голос. — Выпей вот это...

С трудом разлепив глаза, варвар увидел сквозь дымку склонившуюся над ним Денияру, которая держала в руке чашу с каким-то напитком. Он приподнял голову и с трудом сделал несколько глотков. Горячее густое варево имело горький неприятный привкус, но зато через несколько мгновений киммериец почувствовал себя значительно лучше, боль в затылке утихла, и он, опираясь на локоть, приподнялся и осмотрелся вокруг.

Он лежал в том же подземелье, откуда начал путь к весенним духам, но на другом ковре — не на середине комнаты, а у стены. Рядом с ним лежала Мадина, накрытая вышитым шерстяным

одеялом. Ее грудь мерно поднималась и опускалась в такт дыханию.

«Слава богам, жива», — подумал Конан и перевел взгляд на Денияру, которая сидела рядом с ним на ковре. Около нее стоял затейливой работы медный кувшинчик, прикрытый крышкой.

— Помогло? — спросила Денияра. — Еще? — Она вновь протянула ему чашу, которую держала в руке.

Киммериец отхлебнул еще пару глотков, сморщился и отодвинул от себя чашу.

— Экая пакость твой напиток. Я лучше выпью вина.

— Действительно, сил в тебе много, — засмеялась женщина. — Я думала, что ты будешь отходить гораздо дольше, а тебе уже и вина захотелось.

— А почему бы и нет? — К Конану возвращалось обычное бодрое настроение, он чувствовал, что силы прибывают с каждым мгновением. — А почему ты меня не накрыла одеялом? — спросил он, заметив, что лежит обнаженным.

— Мадине пришлось труднее, чем тебе, ее знобит после ваших приключений, а так здесь тепло, — ответила Денияра. — Да и я люблю смотреть на твоё тело, когда ты без одежды.

— Уф! — выдохнул он с облегчением. — Милостивая Иштар, и натерпелся же я страху!

— Можешь рассказать, что было с вами? — Денияра пристально смотрела на него.

— Лучше потом, — притягивая ее к себе, ответил Конан. — Я очень соскучился по тебе за последнее время.

— Прямо сейчас? А Мадина? — слегка противилась Денияра.

— Пустяки, видишь, она крепко спит,— расстегивая на ней одежду, ответил Конан.

Он не хвастал. Сил у него на самом деле было много, в чем Денияра могла убедиться тут же — и не один раз.

Глава одиннадцатая

Как ты посмел послушаться меня? — Лиаренус трясся от ярости и, брызгая слюной, осыпал ругательствами съжившегося от страха гирканца, валявшегося у него в ногах и умолявшего о пощаде.— Отродье шелудивого пса! Ты хочешь, чтобы я отправил тебя на поляну? Добавьте! — Колдун кивнул двум рабам, вооруженным бичами из воловьих жил.

— О! Пощади! Ты же знаешь, как я предан тебе! — вопил несчастный.

Рабы знали свое дело, удары сыпались на гирканца один за другим с мерностью маятника, разрывая в клочья одежду и оставляя на теле длинные багровые полосы, которые на глазах вспухали и начинали сочиться каплями крови.

— Клянусь рогом Нергала, ты еще пожалеешь, что появился на свет, ленивое порождение верблюда! — Горбун дал знак прекратить избивание и, наклонившись к гирканцу, вцепился ему в

плечи своими длинными тонкими пальцами.— Ты сговорился с ним? Отвечай!

— Нет! Нет! Мой повелитель, нет! Я подумал... я подумал, что он крепко спит, и решил дать ему напиток утром.— Гирканец пытался поймать сапог Лиаренуса и запечатлеть на нем свой поцелуй, но удар плети вновь отбросил его на землю.

— А-а-а! — завыл бедняга, катаясь по земле в тщетной попытке увернуться от ударов.

Под вопли избиваемого слуги Лиаренус размышлял, как же ему поступить. Все-таки лишиться этого гирканца — значит добавить самому себе лишние хлопоты: надо приставить к этому делу нового человека, пока обучишь его, пройдут дни, а время не ждет. С другой стороны, он может затаить зло, и тогда на него совсем нельзя будет положиться... Горбун еще раз бросил взгляд на несчастного и решил, что, пожалуй, пока с него хватит.

— Оставьте его! — приказал он палачам.

Те послушно опустили бичи, заученными движениями обернулись назад, взяли большой кувшин и окатили водой свою жертву, которая не подавала признаков жизни. Гирканец застонал и мутным взглядом обвел стоявших перед ним. Сознание вернулось к нему, и он вновь попытался подползти ближе и облобызать сапог своего повелителя.

— Безмерна твоя доброта...— еле шевеля запекшимися губами, прошептал слуга.— Я... я сделаю все... я искуплю...— Голова несчастного вновь ткнулась в обильно политый собственной кровью песок.

— Отнесите его к Колченогому Карбану, пусть приведет его в чувство,— приказал Лиаренус рабам и направился к выходу из подземелья, бормоча себе под нос ругательства.

Колдун всегда начинал утро с обхода своих владений. Сперва, как обычно, он садился на своего любимого гнедого рысака и направлялся на пастбище, где под присмотром троих пастухов паслось стадо круторогих стигийских быков. Этих быков он за очень большие деньги приобрел несколько лет назад и очень дорожил ими: их кровь была самой питательной, она больше всего подходила для его дел. Увидев сегодняшним утром, что одного пастуха нет, Лиаренус, дав шпоры коню, поскакал в поместье. Тотчас по его приказу десяток всадников обшарили все поля и перелески в округе, но пастуха из Офира и след простыл. Представший перед ним гирканец, который каждый вечер обносил всех слуг Лиаренуса особым напитком, признался, что поленился разбудить этого пастуха и напоить его зельем, что обязан был сделать. Лиаренуса не очень беспокоило то, что сбежавший пастух может принести ему какой-то вред: до ближайших селений два дня пути верхом по пустыне, и пеший беглец скорее всего сдохнет от нехватки воды. Просто людей для работ было маловато, тут дорога каждая пара рук. Любая задержка в работах выводила из себя, колдуна обуревала ярость. Ему не терпелось начать покорение мира, которое было целью его жизни, а для этого надо было еще сделать много, очень много...

Далее Лиаренус обязательно шел к Колченогому Карбану. Это был его единственный подданный, на которого он мог полностью положиться. Они встретились давно, когда Горбун еще только приступал к своему грандиозному замыслу. Тогда на базаре в Ианте он обратил внимание на сборщика податей, который с отрядом солдат обходил ряды торговцев. Он присмотрелся к нему повнимательней, надвинув на лицо капюшон плаща, чтобы не привлекать внимания, сопровождал сборщика в его походах по кварталам, где жил работный люд: ремесленники, кузнецы, прочие мастера. Ему понравилось, как безжалостно и скрупулезно этот хромоногий собирал положенную плату, не обращая внимания на мольбы об отсрочке, на стенания вдов и плач детей. Он не гнушался погрузить в тележку, запряженную облезлым мулом, даже помятый медный кувшин или поношенное платье. Если же у несчастных не было и этого, то по приказу колченого их хватали стражники. Людей ждала долговая яма, откуда, если за них не заплатит родственник или кто-нибудь из сердобольных соседей, только один путь — на невольничий рынок... Теперь этот жестокий и злобный человек был ближайшим подручным Лиаренуса, посвященным почти во все его планы.

Вот и окованная позеленевшими медными полосами дверь, ведущая в подземелье, где Колченогий Карбан проводил почти все свое время, лишь изредка поднимаясь на поверхность, но не затем, чтобы глотнуть свежего воздуха или на-

сладиться чистотой бескрайнего неба и сиянием лучей солнца, а для того, чтобы, пройдя расстояние в пятьдесят шагов, спуститься в другой подвал. Там он мог получать удовольствие, наблюдая, как провинившаяся в чем-нибудь очередная жертва, прикованная короткой цепью к столбу наказаний, корчилась в муках и истекала кровью под ударами бичей из воловьих жил. Палачи были его гордостью, они исполняли свои обязанности с наибольшим тщанием и старательностью.

Хороши были и мясники — их задачей было ежедневно забить десяток быков, освежевать их, выпустить кровь и разлить ее по бурдюкам, расчленить туши и разрубить мясо на куски — для людей и собак, подготовить шкуры для выделки. В полном молчании — а слов им и не было нужно — они проделывали свою работу: взмах тяжелого молота, очередной бык падает на колени; вот он уже, подпернутый крюком, висит на цепи; взмах ножа, кровь хлещет в подставленный таз; распорото брюхо, и кишки свисают на расстеленную шкуру предыдущего животного. И так день за днем, уже много лет.

Таковыми же были и трое подмастерьев, которые скребли и дубили кожи, сушили их, вновь вымачивали, растягивали на распялках... Тупая, однообразная работа. Они двигались в помещении кожаной мастерской словно привидения, окутанные ядовитыми испарениями, поднимавшимися из громадных чанов, не произнося не то что слова, но даже какого-либо звука.

Вечером мясники, палачи, кожевенники и еще несколько подобных им рабов, исполнявших однообразную работу, сидели на деревянных скамьях за простым столом и, глядя друг на друга невидящими глазами, ели из громадных мисок, мерно и истово пережевывая пищу, как коровы, жующие свою жвачку. Слышался только равномерный хрустдвигающихся челюстей и довольное сопение: ни слова, ни постороннего звука, будто это были шелковичные черви за своей непрестанной работой. Насытившись, они получали по большой ложке зеленоватого густого варева, выдаваемого гирканцем, и, довольные, укладывались спать на соломенные тюфяки. Они оживлялись только раз в пять дней, когда им полагалась на ночь женщина. Тех, чья очередь была сегодня, уводили в соседнее помещение, где уже ждали прикованные к ломам, чтобы не вырвались, несчастные, дрожащие от смертельного ужаса нагие невольницы. Эти полуживотные брали женщин грубо, с той же деловитостью, с которой резали быков, пахали землю или секли провинившихся; удовлетворившись, возвращались на свои подстилки и засыпали. Рабыни не могли выдержать такое по нескольку раз, и это было головной болью Горбуна — приходилось покупать все новых и новых невольниц.

— Ну, как твои дела сегодня? — спросил Лиаренус, подходя к большому столу, где Колченогий Карбан, склонившись над расставленными перед ним флаконами, кувшинчиками, кружка-

ми, отмерял и раскладывал листья и сушеные цветы.

— У нас кончается желтый лотос, — ответил Карбан. — Его хватит на одну луну, не более.

— Я не об этом! — рассердился колдун. — Ты подобрал мне снадобья по последнему списку?

— Исполнено, хозяин, — ответил Карбан и, припадая на правую ногу, направился вглубь своей кельи. Сняв с шеи кожаный шнурок, на котором был прикреплен изящный серебряный ключик, он отомкнул потертый ларчик черного дерева и вытащил оттуда небольшой стеклянный флакон. Вернувшись к столу, он поставил сосуд ближе к свету, который проникал через маленькое оконце под самым потолком. Оказалось, что флакон наполовину наполнен буровой пузырявшейся жидкостью.

Горбун, взяв сосуд в руки, повертел его перед глазами, удовлетворенно причмокнул губами и поставил обратно. Видно было, что один вид этой жидкости доставляет ему удовольствие.

Лиаренус проверил, хорошо ли закрыта пробка, и, довольный, положил флакон в карман своего халата. Теперь действительно главное осталось за ним. Он всегда готовил сам свои колдовские снадобья — эти тайны он хранил от любого глаза, — но Карбану тоже поручал кое-что по мелочи: подобрать травы и порошки или, скажем, растереть их до нужной кондиции. Сегодня ночью он приготовит напиток и наложит на это зелье свое заклинание, и тогда, пожалуй, можно будет попробовать... Дело в том, что ему никак не

удавалось сделать снадобье, приняв которое человек мог бы выполнять сложную работу и при этом не желать ничего, кроме пищи, сна и женщины. Тут Лиаренус, вспомнив о том, что нужно пополнить гарем, поморщился — он, как и Колченогий, не любил тратить деньги.

Даже пастушескую работу нельзя было поручить рабам, подготовленным подобно мясникам и палачам. Однажды непонятно почему они увели быков так далеко от поместья, что их искали два дня, и еще хорошо, что животные остались целы, а не подошли где-нибудь в песках без воды и пищи и не попали на прокорм волкам и шакалам. Тем не менее мысль сделать послушных рабов для более сложных работ не покидала мага. Ему и так приходилось держать у себя достаточно много обычных людей: охранников, слуг, пастухов, наложниц; и хотя он давал им заколдованный напиток, выпив который они не хотели покидать его поместье, но все же определенная опасность существовала. А вдруг кто-то из них попадет в Шадизар или еще куда-нибудь, и его тайна станет известна всем? Горбун даже поежился — нет, этого нельзя допустить ни в коем случае!

Место, где помещались в своих подземельях кожевенники, мясники, палачи, келья трудолюбивого Колченогого и еще несколько запретных для остального люда помещений были отделены от остального поместья небольшой рощицей и вдобавок окружены высоким каменным забором. У ворот бесменно дежурили самые свирепые из

охранников, дабы никто не смел туда и носа сунуть. Ежедневно внутрь ограды гнали десяток быков, приносили еду, приводили двух наложниц, и на этом связь с остальным миром заканчивалась, потому что великая тайна Горбуна была именно там, и ее он охранял от чужих глаз тщательнее, чем свои сокровища.

Лиаренус подошел к небольшому холму в глубине огороженного двора, вытащил большой бронзовый ключ и, оглянувшись, чтобы никто его не увидел, дважды повернул ключ в замочной скважине еле заметной двери, которая находилась в нише насыпи. Убрав ключ, он нараспев пробормотал заклинание, в двери что-то щелкнуло, и она медленно-медленно стала поворачиваться на заржавленных петлях. В нос ударил резкий и тяжелый запах то ли солдатской казармы, то ли скотного двора. Горбун, еще раз оглянувшись, вошел внутрь, тщательно прикрыв за собой дверь.

Он находился на небольшом, огороженном каменными перилами, возвышении. Перед ним простиралась обширная и глубокая пещера, освещенная лишь в центре и там, где находился Горбун. Свет поступал из нескольких небольших отверстий, пробитых в своде подземелья. Лиаренус подошел к краю возвышения, облокотился на перила и, поднеся к губам изящную дудочку, издал с ее помощью тихий, жалобный и заунывный звук. Через некоторое время в глубине пещеры послышалось шуршанье, словно миллионы мышей вышли на свой промысел. Звук усиливался,

становился более резким, и вот уже казалось, что это шлепают своими лапами тысячи уток или гусей.

Вдруг на середину пещеры, как будто выползающее из опары тесто, начала распространяться какая-то масса темно-зеленого цвета. Ближе, ближе к возвышению — в неярком свете уже можно различить сотни крепких, упругих, как наполненные вином бурдюки, тел. Скопище невысоких человекоподобных существ ползло к ногам своего повелителя. Они были похожи на упитанных детей, только больше раза в два и с непомерно развитыми мускулами. Они, веселясь, подпрыгивали вверх на высоту человеческого роста, тузили друг друга от избытка сил и энергии, и вся эта прыгающая, барахтающаяся, бушующая масса валом накатывала на возвышение.

— Мои байраги! — с неожиданной для этого злобного и жестокого человека лаской в голосе произнес Горбун. Глаза его увлажнились.

Байраги продолжали без усталы резвиться. Наиболее проворные пытались допрыгнуть до балюстрады, на которой стоял их хозяин. Лиаренус вновь поднес дудочку к губам и извлек из нее несколько тихих звуков. Словно наткнувшись на невидимое препятствие, байраги мгновенно замерли и расположились по квадратам, как будто войско по приказу своего командующего. Все это происходило в мертвой тишине, без единого звука, и потому производило особенно жуткое впечатление. Ровные каре зеленовато-грязных монстров с плоскими голыми головами,

на лбу у которых, как светляки, поблескивали четыре глаза...

Еще один свисток, и вся масса, словно солдаты на параде, стройными рядами замаршировала в конец пещеры, и через несколько мгновений только звук шлепающих о землю конечностей напоминал о том, что происходило здесь чуть раньше. Еще немного, звук все дальше, дальше — и все стихло. На лице Горбуна было написано неподдельное счастье. Казалось, он находился в трансе: глаза его были полузакрыты, руки тряслись мелкой дрожью, губы беззвучно шептали благодарение богам, по щекам текли обильные слезы.

* * *

— Вот про это расскажи подробнее, — потребовала Денияра, — попытайся вспомнить все до мелочей. Может быть, в этом что-то есть.

Они сидели на мягких подушках в комнате для гостей. В который уже раз Денияра просила Конана и Мадину пересказать тот или иной эпизод их путешествия в мир весенних духов. Киммериец и девушка честно пытались выполнить ее просьбу, но из их рассказов ничего не могло навести на след Синего Сапфира. Наконец какая-то — она даже не сразу поняла, какая именно, — деталь показалась ей существенной, и женщина попросила Конана повторить рассказ об этой части путешествия.

— Говоришь, Горбун в синем? — переспросила она. — Солнце мое, припомни, что там была за

местность. Магина, может быть, ты тоже видела это?

— Нет, я там не была. В конце я очутилась в какой-то пещере... или подземелье.

— И что там было?

— Не помню точно. Вроде бы какие-то младенцы. — Девушка задумалась, пытаясь что-то вспомнить. — Да! Младенцы, но похожие на лягушек.

— Каких лягушек? — мягко спросила Денияра. — На длинных лапах?

— Нет! — Девушка полузакрывает глаза. — Вот, вижу! Вспомнила! Они зеленого цвета, но темнее лягушек, скорее, как жабы — темно-зеленые.

— А потом что произошло? — продолжала попытаться хозяйка. — Помнишь еще что-нибудь?

— Нет, потом ничего больше не помню... я падала... и очнулась здесь, на ковре. Это все.

— Да, не совсем удачно, — поджала губы Денияра, — я рассчитывала на большее. Но все же можно попытаться... Кстати, Конан, — обернулась она к варвару, — ты не знаешь, где мой братец? Что-то давно я его не видела здесь. Вы когда встречались в последний раз?

— Пару дней назад, — ответил киммериец.

— Надеюсь, Нинус очень даже сможет нам помочь, — сказала Денияра. — Иногда от него можно услышать на редкость дельные вещи.

В этот момент в саду послышался знакомый голос, и Нинус с полным бурдюком вина вошел в комнату. Обняв сестру, он кивнул варвару.

— Давай по кружечке, — предложил он, наливая вино, — а потом поговорим о твоём деле.

— Ты можешь прояснить то, что произошло тогда с нами?

— Лучше, чем вино, для прочистки мозгов еще ничего не придумали, — заметил Нинус. — Ничего точно по вашим рассказам сказать невозможно. Единственно, что книги подтверждают, — это то, что камень действительно у Лиаренуса. Но не здесь, в городе, а в другом месте. Судя по всему, у него есть дом где-то в степи, наверное, к северу от Шадизара, может быть, у Кезанкийских гор. Там места довольно малолюдные, почти нет селений, степь, скалы — словом, нетрудно спрятаться от людей.

— Ты не знаешь кого-нибудь, кто бывал в тех краях? — спросил киммериец, задумчиво потягивая вино.

— Уж не хочешь ли ты снарядить туда караван? — усмехнулся Нинус. — Впрочем, порасспрашивай своего приятеля Ловкача Шелама, он, кажется, бывал там когда-то. А вообще-то, — добавил Нинус, — я не советовал бы тебе заниматься этим камнем и для этого лезть в пасть к Лиаренусу. Неужели забыл, как мы еле ноги унесли из его дома?

— Как не помнить! — Конан на мгновение задумался. — Но у меня такое чувство после того, как мы побывали у него в гостях, что он сам постарается достать нас. Уж лучше напасть первым! Тут уже не о перстне разговор — дело идет о наших с тобой головах.

— Почему ты так считаешь? — встрепнулся Нинус. — Не хотелось бы тебя пугать, но нам с

Дениярой тоже так показалось. Правда, мы решили еще раз это проверить, и только потом поговорить об этом с тобой.

— Великий Кром! — Варвар сжал кулак так, что побелели костяшки пальцев. — Я не привык бояться чего-либо, и всякой волшбы тоже, хотя и стараюсь держаться от нее подальше. Если ты чувствуешь, как и я, опасность, надо шевелиться побыстрее. Я найду этого колдуна и оторву ему башку раньше, чем он превратит меня в глиняного болванчика. Я вырву ему печень, клянусь бородой Крома!

Нинус был прав — когда прочистишь мозги, то и дело становится понятнее. Или вино было очень хорошим?

Глава двенадцатая

Меперь пора и на Поляну — так Лиаренус называл небольшое поле, находившееся внутри ограды и, в свою очередь, окруженное высоким каменным забором. Закрыв дверь в пещеру, он снова пробормотал себе под нос несколько заклинаний и отправился по извилистой тропинке, обсаженной высоким кустарником.

Проделав такие же манипуляции, как и с дверью пещеры, он миновал ограду Поляны. На поле, разделенном на ровные квадраты, росли странного вида цветы величиной с хорошее блюдо. Они были высокими, примерно в половину человеческого роста, имели толстый и, по-видимому, очень крепкий стебель.

Для непривычного взора эти растения представляли собой необычное и жуткое зрелище. Окаймленное двумя рядами желтых крупных лепестков, в сердцевине каждого цветка тускло светилось студенистое, влажное, величиной с не-

большую дыню, выпуклое полушарие, напоминавшее глаз человека. Когда колдун подходил к какому-нибудь цветку, он поворачивался и «смотрел» прямо на него, помахивая, как ресницами, огромными желтыми лепестками. Но Горбуна это зрелище не пугало.

— Отлично,— бормотал про себя Лиаренус, обходя квадраты,— уже скоро они подрастут, еще чуть-чуть, и, слава богам, они у меня попляшут: эти мерзостные порождения похотливых самок, все эти короли, стражники, купцы и крестьяне. Придет ваш срок, непременно придет!

Он еще раз окинул взором свою Поляну. Сколько трудов положено на то, чтобы вырастить эти цветы! И вовсе не для того, чтобы любоваться ими — из них он приготовит эликсир, вкусив который его байраги будут уметь все, что должен храбрый, обученный и ловкий воин,— уж он постарается!

Когда ему удалось вырастить несколько первых существ, с помощью которых он собирался завоевать весь мир, они оказались сильными, бойкими, но абсолютно тупыми — как те быки, чьей кровью они питались каждый день. Сколько ни бился колдун, ему не удавалось научить их хотя бы обычным осмысленным действиям — даже собака лучше поддавалась дрессировке, чем эти монстры.

Он пытался заколдовывать их, но магия не действовала долго, проходил день-два, и эти маленькие чудовища вновь становились глупее новорожденных детей.

Как сделать из этих демонов умелых и послушных воинов? Лиаренус перепробовал все, что было в его силах,— ничего не получалось. Он даже совершил несколько поездок в Коф, Офир, Хауран и Хорайю: к магам и чародеям, чтобы пополнить свои знания и умения, хотя это и стоило много-много монет — кто же согласится бесплатно раскрывать свои секреты! Лиаренус сотни раз вновь и вновь перелистывал страницы старинных магических книг, пытаясь найти нужное ему заклинание или какой-нибудь рецепт, но успеха так и не достиг.

Проклиная Нергала, он снова и снова варил различные колдовские зелья — все было тщетно, но, как часто бывает в жизни, ему помог случай — а может быть, Сет сжалился над своим преданнейшим последователем и надоумил его.

Как-то раз, забавы ради, Лиаренус бросил на съедение байрагам одного из своих провинившихся в чем-то рабов. Бывший воин умел только размахивать мечом — неплохо, правда, но больше ни на что не годился.

Байраги вмиг разорвали беднягу на части, под сводом пещеры был слышен только хруст разгрызаемых костей. Видно было, что пища им понравилась: расправившись с бывшим воином, чудовища столпились у подножия возвышения, где наблюдали за происходящим Лиаренус и Колченогий Карбан. Из темно-зеленой шевелящейся массы к ним протягивались короткие мощные руки.

— Вот Нергалово племя! — поежился Карбан. — Хозяин, мне страшно, как бы они нас не сожрали когда-нибудь...

— Не бойся, — удовлетворенно хмыкнул Лиаренус, — подожди, я выращу таких бойцов, перед которыми не устоит ни одна армия, а потом научу их отличать нас с тобой от всей остальной сволочи, так что нам ничего не грозит.

Прошло два или три дня, и Лиаренус заметил, что байраги — сами без команды — умеют строиться в ряды, да так споро и умело, как будто всю жизнь обучались военному делу. Теперь к месту кормежки они не подкатывались бесформенной зеленой массой, а подходили стройной колонной. Раньше они подлетали к корыту, где для них была приготовлена обычная смесь из перемолотой травы, бобов и бычьей крови, облепляли как мухи свою кормушку — теперь же колонна останавливалась в двух шагах от пищи, потом, как будто по команде, первый ряд подходил, насыщался и уступал место следующим. Лиаренуса это крайне заинтересовало.

— Видишь, — подтолкнул он локтем Карбана, который с отвалившейся от удивления нижней челюстью наблюдал за существами, не в силах даже сделать усилия, чтобы захлопнуть рот, — мои старания не пропали даром, кое-что получается. Старый Лиаренус все-таки умелый маг, — добавил он, потирая руки, весьма довольный собой.

Несколько дней байраги радовали своего повелителя солдатской выучкой, но потом это их умение куда-то испарилось — они снова стали по-

чти неуправляемым стадом монстров. Горбун долго думал над этим и наконец сообразил, что, когда они съели солдата, им передалось кое-что из того, чему тот научился за свою жизнь, но действовало это недолго — то ли из-за того, что солдат был не из самых лучших, то ли потому, что одного человека мало на такое количество байрагов.

— Где же я возьму целую армию, чтобы скормить вам? — сокрушался Лиаренус, наблюдая за тем, как его монстры, измазанные варевом из бобов и крови, словно стадо свиней толпились у корыта.

Ему было не жалко людей, чтобы отдать их на прокорм байрагам, но откуда взять столько народу? В его поместье всего около сотни работников, их сожрут за несколько дней... Да и работать кто будет? А если перенести способности людей в растения... Их же можно вырастить целое поле... Тут Горбун вспомнил, что юношей он служил у одного знаменитого колдуна в Стигии и слышал, что тот превратил одного из своих врагов в растение. Сам маг не рассказывал об этом, но Лиаренус не сомневался в достоверности слухов.

Горбун собрался в далекое путешествие. Через степи, пустыни и горы он добрался до Птейона, где был давным-давно в молодости. Ехать пришлось долго, пересекать разные страны, пограничные посты — везде приходилось платить и платить, а для Лиаренуса это было как нож в печень. Конечно, иногда он колдовал, но это отнимало силы, так что проще было развязать кошелек и

нехотя отсчитать золото очередным стражникам или сборщикам податей.

В Птейоне по прошествии многих лет уже почти не оставалось людей, которые могли вспомнить молодого горбуна, прислуживавшего знаменитому чародею, да и самого мага след простыл, но кое-кого из знакомых прошлых лет Лиаренус встретил. Сидя под раскидистыми пальмами, он вел беседы с местными магами и предсказателями, стараясь — впрочем, так же, как и они, — выведать интересное и ничего не выболтать лишнего про свои дела. Прикидываясь просто путешественником, колдун посещал купцов, расспрашивал о новостях, о приключениях в пути, о том, что интересного они встречали в других странах и городах.

Проходили дни, но Лиаренус так и не услышал ничего об интересовавшем его предмете. Однажды, зайдя на один из постоянных дворов — утолить жажду и отдохнуть от палящей полуденной жары, Горбун обратил внимание на средних лет человека, который лихо обыгрывал в кости доверчивых посетителей. Присмотревшись внимательнее, Лиаренус понял, что мужчина, по всей видимости, маг; конечно, не такой силы, как он сам, так — средней руки, но и его способностей, безусловно, на пропитание хватало.

Хитрец действовал по обычной для всех жуликов схеме — сначала он позволял выиграть у него несколько раз, и люди входили в азарт. Ставки все увеличивались. Наконец, когда кучка монет, по мнению пройдохи, была достаточно большой,

его противник, бросая в очередной раз кости, получал одиннадцать очков и был вне себя от восторга. Маг тоже бросал кости, зеваки, окружавшие игроков, замирали в нетерпении, и что же?... Тоже одиннадцать! Следовало перебросить, маг бросал, и у него получалось обычно мало: четыре, иногда пять. Его противник, предвкушая выигрыш, долго тряс костями, бросал их... кубики останавливали свое движение, и — о боги! — всего четыре или три!

— Есть возможность набить свой кошелек, — пробормотал про себя Горбун, а такую возможность он не позволял себе упускать никогда. Сосредоточившись, он пробормотал несколько заклинаний, чтобы опустить на себя завесу и не дать магу почувствовать, кто играет против него; потом не спеша направился к столику, за которым кипела игра.

— Позволь, любезный, сыграть против тебя, в молодости мне везло, — опускаясь на мягкие подушки, предложил Лиаренус.

— Сыграй с ним, Бубьяр, — смотри, у него целый горб денег! — засмеялся один из зрителей, подбадривая не чувствовавшего подвоха мошенника.

— Я превращу тебя в прах, — прошипел Горбун, скрипнув зубами, и так посмотрел на говорившего, что у того от непонятного страха язык прилип к гортани. Больше весельчак в продолжение всей игры не произнес ни слова.

— Издалека приехал? — Бубьяр оценивающе смотрел на Лиаренуса.

— Издалека,— подтвердил колдун, не распространяясь далее.— Бросай.

Тот бросил, выпало восемь очков, две четверки. Горбун взял кости в руки и сразу почувствовал, что они заколдованы, но так, что ему никакого труда не стоило снять это заклятие. Он бросил, выпало девять очков.

При желании Лиаренус мог сделать и двенадцать, и два, но решил пока посмотреть, что произойдет.

— Тебе везет, горбун,— зашумели зрители,— твоя взяла!

Лиаренус пододвинул к себе кучку монет и предложил:

— Может быть, удвоим?

Сыграли еще раз, Горбун выиграл опять. Потом разок проиграл. Колдун-по-прежнему ничего не замечал. Количество золота все росло и росло. Наконец, по мнению Бубьяра, наступил решительный момент. Лиаренус бросил. Выпало, как он и видел раньше, одиннадцать очков. Кости противника тоже легли как надо — пять и шесть. Бросил Бубьяр, зрители зашумели: всего три очка! Лиаренус, как будто ничего не подозревая, долго тряс костями в горсти, наконец, закатив глаза к небу, бросил. Все напряженно смотрели, что выпадет. Одна кость показала единицу, вторая тоже ложилась на это число, но, поплясав на ребре стола, упала на пол.

— Двойка! — закричали зрители.

— Что ж, перебросим еще разок,— предложил ничего не подозревающий Бубьяр.

— Да что просто так бросать,— напустив на себя смиренный вид, простодушно заметил Горбун,— у меня вот перстенок еще есть, положу его на кон.

Он снял с руки дорогой перстень с гранатом, цена которому была раз в пять больше тех монет, что были в игре.

— Идет,— кивнул Бубьяр, развязывая свой кошелек, и на столе засияло такое количество золота, какое в этом заведении раньше и не видели.

Бросили опять по разу. Снова вторая кость Лиаренуса упала за стол, но очки опять получились одинаковые — пять у мошенника и пять у Горбуна. Его противник, все еще пребывая в блаженном неведении, недовольно поморщился:

— Ты что, старик, не можешь попасть на стол?

— Извини, почтенный,— сокрушенно вздохнул Лиаренус.— Руки трясутся от старости. Давай еще удвоим.

Он снял с другой руки перстень с изумрудом, еще лучше прежнего, по толпе зрителей прошел восхищенный гул. Бубьяру монет не хватило, и он тоже снял со своей руки старинное кольцо офирской работы, с выгравированными на нем магическими знаками.

— Отличная работа.— Лиаренус взял кольцо в руки и сразу почувствовал, что оно не простое, а таит в себе какую-то силу.

— Ну что, старик,— распалившись от предвкушения выигрыша, самодовольно произнес Бубьяр,— не жалко столько проиграть?

— Все в руках богов,— усмехнулся Лиаренус. «Мальчишка, с кем связался, ублюдок! Сейчас я тебя накажу!» — подумал он, сосредоточившись на костях.

Бубьяр бросил. Лиаренусу было все равно, что тот сделает. Он и бровью не повел, когда выпало двенадцать очков. Видимо, забыв свои обычные приемы, Бубьяр хотел обеспечить себе выигрыш наверняка. Горбун тоже бросил, он чувствовал, как напрягся его противник, пытаясь управлять вращением костяных кубиков. Ничего не вышло — у Лиаренуса тоже выпала дюжина. Зрители возбужденно загалдели:

— Смотри, смотри, вот это игра!

Теперь первым выпало бросать Горбуну. Он позволил себе поиздеваться над противником и выбросил три очка — столько, сколько тот и хотел.

— Готов Горбун,— услышал он за спиной шепоток зрителей, но тут же дружный вопль потряс своды постоянного двора: жулик выбросил две единицы. Лиаренус, усмехаясь, поднял на него взгляд. На того было жалко смотреть: рот открылся, челюсть дрожала, глаза вылезли из орбит. Лиаренус не стал дожидаться, когда игрока хватит удар, собрал выигрыш в мешочек, надел перстни и покинул заведение, радуясь, что выиграл такую сумму.

Однако главный выигрыш ждал его, когда он вернулся в дом, который снял себе для ночлега. Удалив слуг, он запер дверь, плотно задернул все занавеси на окнах и принялся рассматривать

кольцо, которое досталось ему от незадачливого чародея.

Сначала он разобрал слова, которые старинной кофской вязью змеились по внутренней поверхности перстня. «Из праха в прах»,— гласила надпись. Сердце Лиаренуса забилося сильнее: неужели это кольцо способно превращать живые существа одно в другое? Ему не терпелось испытать его на чем-нибудь. Он оглянулся вокруг, увидел бегущего по каменной стене таракана и, указав на насекомое пальцем с перстнем, нараспев прочитал заклинание, которому был обучен еще давным-давно:

— Их шаалут бхагва баарет...

Таракан исчез, а на месте, где он был, виднелся только кусочек мха, прилепившийся к камню. Колдун был вне себя от восторга.

— Благодарю тебя, Сет,— воздевая руки, пропел он молитву своему божеству, слезы струились по его иссохшим щекам,— ты лишил ума этого болвана, игрока в кости, иначе он не поставил бы кольцо на кон. Может быть, этот сын шакала и не подозревал, каким сокровищем обладает...— Колдун не мог налюбоваться на свое приобретение, он все поглаживал и поглаживал перстень, шепча благодарность богам.

На следующее утро он, не мешкая ни минуты, приказал своим спутникам приниматься за сборы и покинул Птейон, когда Солнечный Глаз Митры еще только золотил купола городских храмов.

По прибытии в поместье Лиаренус закрылся в своих покоях и три дня изучал перстень, пробо-

вал разные заклинания, читал старинные книги и в конце концов научился по-настоящему пользоваться этим магическим кольцом. Он даже сумел заколдовать свой дом в Шадизаре таким образом, что всякий, кто открывал одну из его книг в келье, превращался в глиняных болванчиков. Лиаренус специально оставил ее на видном месте, зная, что человек любопытен и обязательно заинтересуется ею.

Итак, теперь он мог превратить нужных ему людей в растения и потом выращивать их для своих байрагов и тем самым привить им необходимые для бойца качества. Работа закипела. Двадцать рабов под наблюдением трех надсмотрщиков несколько дней возводили ограду из огромных камней, перекапывали поле, поливали его бычьей кровью и колдовскими отварами.

Когда все было закончено, Лиаренус, чтобы тайну его Поляны не удалось никому раскрыть, просто-напросто отправил и рабов и надсмотрщиков в пещеру к байрагам. Наблюдая со своего возвышения за тем, как его чудовища расправлялись со своими жертвами, колдун представлял себе будущие походы своего войска на города и села. Как будут корчиться людишки, в тщетной надежде спастись, но ничто им не поможет.

Правда, для двоих, как ему казалось, наиболее смысленных рабов Лиаренус сделал исключение. Он превратил их в растения, которые и высадил на своем поле, за каменной оградой. Через две луны появились жутковатые на вид цветы, которые Лиаренус срезал, высушил и истолок в поро-

шок. Из этого порошка было сварено зелье, которое понемногу стали добавлять в пищу байрагам.

— Теперь посмотри,— гордо заявил Лиаренус Колченогому, когда они спустя некоторое время наблюдали за поведением монстров,— они уже кое-что понимают и могут выполнять команды!

— Я не мог сомневаться в твоих способностях и умении, хозяин,— почтительно отвечал Карбан, с видимой опаской наблюдая за темно-зелеными чудовищами. Похожие на уменьшенные копии раскормленных силачей, повинувшись свисткам колдуна, они выстраивались ровными рядами, вновь расходились по сторонам, застывали в неподвижности...

Лиаренус был вне себя от радости и вновь и вновь заставлял своих монстров выполнять команды — и так без конца. Он нуждался в зрителях и свидетелях его могущества, но в то же время тайна не могла быть раскрыта, и поэтому Колченогий Карбан был обречен каждый день наблюдать за этим представлением.

Окрыленный успехом, Лиаренус продолжал свои дела. Заманив к себе в поместье нескольких воинов и бродячих циркачей, он напоил их сонным зельем, а затем обратил в растения, которые высадил на своей Поляне. Горбун считал, что его чудовища должны обладать ловкостью акробатов и приемами, которыми пользовались борцы и силачи,— его воинам не должно быть равных. Прошло некоторое время, растения дали семена, он посеял их, и теперь у него было целое поле цветов.

Покинув Поляну, Лиаренус поспешил дальше. Хозяйство было большое и требовало неустанной заботы. У колдуна был управляющий; но ему можно было доверить далеко не все, слава богам, что он командовал пастухами, поварами и слугами, которые делали всю работу в этом огромном поместье, привозил провиант из ближайших селений; в общем, обязанностей у него хватало...

Глава тринадцатая

у, хорошо, я подумаю.— Лиаренус, пощипывая бороду, возлежал на мягком ложе, под сенью огромной чинары. Двое мальчишек усердно махали опахалами, отгоняя мух, дабы ни одна из них не осмелилась потревожить хозяина. Перед колдуном почтительно склонился толстяк в цветастом шелковом халате. На его квадратном лице с тремя подбородками, нависавшими над пухлой грудью, застыло подобострастное выражение — он ожидал повелений своего господина. Звали его Эугеш, по прозвищу Чернявый — за венчик крашенных басмой волос вокруг обширной лысины.

— Говоришь, вина осталось два бурдюка? — переспросил Лиаренус еще раз и сморщился, словно ему положили на язык стручок перца.— Вы что, купаетесь в нем? — вдруг заорал он на толстяка, который отпрянул в испуге.— Пьете, как буйволы, чтоб у вас кишки распухли, а тем временем работники пропадают,— вспомнив про

убежавшего пастуха, еще громче раскричался Лиаренус.

— Я не виноват, хозяин... — плаксиво заныл Эугеш, бухнувшись на колени и пытаясь дотянуться губами до руки Горбуна. — Ты же знаешь, как я верно служу тебе!

— Знаю, — буркнул Лиаренус, слегка успокоившись и милостиво протягивая толстяку руку для поцелуя. — Ладно, завтра пошлешь кого-нибудь за вином. Да смотри у меня, сам посчитаю, когда привезете. Иди!

«Нергал бы их побрал, работнички...» — тоскливо подумал про себя Лиаренус. Вся его челядь, начиная с управляющего, вороватого пьяницы Эугеша, и кончая последним мальчишкой, чесавшим ему пятки на ночь, — были для него постоянной головной болью. Он не мог, как другие богатые купцы или землевладельцы, нанять к себе на работу толковых и расторопных людей — кто согласится жить в глуши полупустынной степи, вдалеке от дома и семьи, тем более что больших денег, по своей жадности, Лиаренус никому и не предлагал? Может быть, высокая плата и соблазнила бы кого-нибудь, но колдун при мысли о лишних, как ему казалось, тратах начал чувствовать что-то вроде головокружения. Была еще одна причина, по которой Горбун не хотел иметь в своем поместье лишних людей. Вдруг что увидят или учуют! Станет известно в городе, его враги зашевелиятся; кто знает, может быть, и воинов пришлют сюда, чтобы разгромить то, что он создавал в течение стольких лет!

— Нет! Пусть лучше так, — вздыхал Лиаренус, в очередной раз предаваясь размышлениям по этому поводу.

Вот и приходилось ему обходиться всякой швалью: беглыми рабами, разбойниками да бродягами. Он находил их на базарах либо в нищенских кварталах, таких как Мол в Арэнджуне или Пустынька в Шадизаре. Соблазнив бродяг высокой, по их понятиям, платой, Лиаренус привозил их в свое поместье, где они работали у него за кров, пищу и женщину, не помышляя об изменении своей судьбы, не желая даже уйти от него, потому что колдун неустанно потчевал их своим заколдованным напитком. Если же они, по его мнению, работали плохо, то плети всегда были наготове, а если не помогало и это, бедолага заканчивал свой земной путь в пещере. Очень удобно — ни следов, ни лишних забот, да и байрагам какая-никакая радость.

Закончив свои утренние дела, Лиаренус собрался пообедать: несмотря на свой достаточно преклонный возраст и худобу, он любил поесть — и отнюдь не простую пищу, годную лишь простолюдинам. Колдун предпочитал изысканные яства и для этого держал много поваров, выписанных из разных мест, и прочей кухонной челяди.

— Давай, — кивнул он ожидавшему его распоряжений мальчишке, и тот стремглав бросился на кухню выполнять указание хозяина.

Через несколько мгновений двое слуг, одетых в белые одежды и такие же тюрбаны, поставили перед ним чашу для омовений. Колдун смочил

кончики пальцев в душистой воде, настоящей на лепестках роз, и протянул руки слугам, которые бережно высушили ладони своего господина мягкими полотенцами из кхитайской ткани.

Слуги убрали чашу; ее сменил изящный деревянный столик на красиво изогнутых резных ножках. Лиаренус любил в летнюю пору трапезничать на воздухе, когда ничто, кроме дуновения легкого ветерка, приносящего прохладу от брызг фонтана, да щебета птиц, не нарушало его спокойствия. Иногда ему было скучно принимать пищу в одиночестве, и он приказывал позвать Колченогого Карбана, а совсем уж редко устался такой чести Чернявый Эугеш.

Несколько подпорченное утренним происшествием с пастухом настроение стало улучшаться при виде процессии слуг с подносами, выходявших из дверей кухни. Лиаренус вновь представил стройные ряды своих зеленых монстров, и этого впечатления было достаточно, чтобы сделать мальчишке знак левой рукой. Тот уже знал, что это значит, и помчался за Эугешем и Карбаном — видно, сегодня хозяин в хорошем расположении духа.

Старший подавальщик тем временем почтительно склонился перед господином, держа на подносе два серебряных кубка.

— Белого, — выбрал Лиаренус.

Потягивая нежное душистое вино, привезенное специально для него из далекой Мессантии, Горбун с удовольствием наблюдал, как в пяти шагах от него на специальном блюде повар отде-

лял ножом плавники огромного осетра, отваренного в кхитайском бамбуковом соусе.

— Садитесь, — разрешил он Колченогому Карбану и этому ублюдку Эугешу, которые, запыхавшись, прибыли по зову господина и теперь смиренно ожидали приглашения.

Когда его ближайшие помощники разместились на подушках возле столика, хозяин знаком повелел слугам отойти подальше. Приказ был мгновенно исполнен, и Лиаренус, понизив голос, обратился к Эугешу.

— Вот что я скажу тебе, — начал он. — Я недоволен твоим приятелем из Гиркании, которого ты поставил разносить напиток. Ты его сам нашел или кто-то посоветовал?

— Он был слугой у твоего брата, почтеннейший, — ответил Эугеш, — и я думал...

— Думаю здесь только я, — перебил его колдун.

Он сделал знак, и в кружки подданных было налито вино.

— Пейте, — махнул он рукой, — успеем поговорить.

Довольный, что пока все закончилось благополучно, Чернявый одним глотком осушил кружку и потянулся за рыбой. Лиаренус испытывал немалое удовольствие, глядя на Эугеша. Он ненавидел род человеческий, особенно людей здоровых, вид которых напоминал ему о том, что он калека. Но случай с Эугешем был особым: беспробудное пьянство и обжорство наложили такой отпечаток на то, что ранее было человеческим лицом, что Лиаренус

ренус испытывал мстительный восторг, наблюдая за тем, как этот блудливый подонок чавкает, словно свинья, пожирая пищу.

— Так, говоришь, этот недоносок служил у моего брата,— продолжил Лиаренус, подождав, пока его управляющий насытится.

— Клянусь тебе, господин, и я подумал...

— Опять,— поморщился Горбун,— у тебя что, памяти на пять мгновений не хватает? Я не о том, что ты думал. Где он служил?

— В страже,— ответил Эугеш, знаком подзывая слугу с кувшином.

— Говорят, что брата убил какой-то парень огромного роста, не так ли?

— Говорили, но я точно не знаю,— Чернявый поспешно запихивал себе в рот очередной кусок,— можно спросить у гирканца.

— Клянусь Сетом, он вряд ли что может сказать в ближайшие дни,— усмехнулся Лиаренус.— Так? — обратился он к Карбану.

— Пожалуй,— хихикнул Колченогий.

— Ладно, потом я с ним поговорю,— решил Лиаренус,— а пока напиток для всех будешь разносить ты,— добавил он, поднеся свой сухой кулачок к огромной, величиной с тыкву, потной харе управляющего.— И смотри у меня, чтобы никого не пропустил! Шкуру сдери и натяну на барабан.

— Будет сделано, хозяин,— пробормотал Эугеш и потянулся за следующим куском.

А тянуться было за чем. На столе появилось блюдо с фазанами, фаршированными гусиной пе-

ченью и яблоками. Лиаренус, медленно обглаживая ножку дичи, пустился в размышления:

«Все складывается один к одному — у меня в доме был какой-то парень огромного роста и такой же силы... брата, говорят, задушил тоже гигант. Не один ли это человек? Теперь дальше,— продолжал размышлять колдун,— кому мешал мой распутный братец? Пожалуй, многим,— усмешка скривила губы мага,— но больше всего, несомненно, первому советнику, начальнику стражи и Кривому Хиджу. Но последний вряд ли пошел бы на это, скорее, они договорились бы...»

Его размышления прервал голос Эугеша. Он уже был достаточно навеселе, его глаза походили на щелочки, рот и щеки до ушей был вымазан в сале, остатках печени и каплях вина.

— Может быть, музыку, хозяин? — предложил он.

«Превратить бы тебя в барабан,— подумал Лиаренус, глядя на него и пощипывая свою бородку,— и бить, бить колотушкой, пока не лопнешь...»

Но настроение у него было хорошее; кроме того, Эугеш был нужен ему: этот пьяный ублюдок забавлял его и поддерживал мысль о никчемности человечества.

— Можно,— кивнул он.

По его команде на лужайку вынесли невысокий, покрытый дорогим туранским ковром помост. Эугеш оживился и ненадолго даже перестал жевать. Его терпение было вознаграждено: три

стройные девушки легкой, как будто невесомой походкой подошли к помосту и грациозно вспорхнули на него. Одна из девушек — хрупкая, черноглазая заморийка — несла цитру, две другие, по виду стигийки, флейты. Как и было положено, их наряд составляли только ожерелья из разноцветных стеклянных бус и узкие кожаные пояски на бедрах, вышитые шелковыми нитями. Музыкантши сели, скрестив ноги, и звонкие аккорды, сопровождаемые протяжными звуками флейт, полились над лужайкой.

Новая колонна слуг с блюдами появилась из дверей кухни: баранья лопатка с чесночной подливкой, голова молодого поросенка в соусе из апельсинов с орехами и курагой.

— Красного, — поднял палец хозяин, и старший подавальщик мгновенно наполнил его кубок рубинового цвета жидкостью — аргосским нектаром, вином, которое славилось во всех известных Лиаренусу странах, оно далеко не всем было по карману.

«Что же дальше? — вернулся он к своим размышлениям. — Я не мог разглядеть их лиц, но что один из них был гигантского роста, с черными густыми волосами — в этом нет сомнений, как и в том, что мечом он владеет мастерски».

Лиаренус пригубил вино, ощутил его терпкий бодрящий аромат и продолжил свои думы, иногда бросая недовольный взгляд на совсем распоясавшегося Эугеша.

«Нет сомнений, что магия помогла этому черноволосому унести ноги из моего дома, клянусь

Сетом. Но значит ли тогда, что кто-то проникнул про мои дела? Может быть, это случайность. А если нет?..»

Благодушное настроение улетучилось, как дымок от кальяна. Горбун сжал ладони так, что суставы хрустнули. Эугеш и Карбан, прекратив жевать, уставились на хозяина, но Лиаренус махнул им рукой: продолжайте — не до вас.

Четыре танцовщицы вскочили на помост и легко, как бабочки, закружились в танце. Их наряд был еще более скудным, чем у музыкантш: только браслеты с колокольчиками на запястьях рук и шиколотках босых ног. Ударяя в бубны, они пошли по кругу, все ускоряя и ускоряя свои движения. То разъединяясь, то стремительно бросаясь навстречу друг другу, они словно бы неслись по степному простору, как табун диких необъезженных лошадей, — казалось, сейчас они взлетят. Но вот музыка замедлила темп, и они, повинувшись ритму, остановили кружение и теперь плавно покачивали узкими бедрами. Чернявый уставился на них, открыв рот от удовольствия. Лиаренус усмехнулся.

— Послушай ты, похотливый козел, — колдун вспомнил, что Эугеш был в дружбе с городским глашатаем Шадизара, — завтра же поедешь в город.

— Ты хочешь прогнать меня? — заскулил было тот, но хозяин перебил его:

— Заткнись, отродье свиньи, и слушай внимательно. Поедешь в Шадизар, чтобы встретиться там с твоим приятелем, как его там?

— У меня много приятелей,— хвастливо заметил Эугеш.

— Конечно,— усмехнулся колдун,— но нужен один. Поговоришь с глашатаем, если ему еще не свернул кто-нибудь шею. Узнаешь городские новости, мало ли что там произошло за последние седмицы. Не появлялся ли в городе высокий, очень высокий черноволосый мужчина? Мне нужно знать про него все: у кого живет, как зовут, чем занимается. Узнай все, что возможно, но так, чтобы твой интерес не был слишком замечен. Понял? И еще: пей и жри в меру, да смотри не проболтайся, откуда ты и кто тебя послал. Если не выполнишь мое задание — достану из-под земли и превращу в прах, но не сразу, а по кусочкам. Даю тебе на все пять дней. Возьмешь лучших лошадей и пару стражников для охраны. А теперь отнесите меня в опочивальню,— велел хозяин,— что-то я устал сегодня. А вы можете жрать дальше,— милостиво разрешил он своим подручным.

Немедленно расторопные слуги подхватили ложе, на котором восседал Лиаренус, и бегом понеслись к господским покоям под звон колокольчиков и заунывные звуки флейты: для Карбана и Эугеша обед продолжался.

Глава четырнадцатая

ак, говоришь, караван прошел два селения от Аренджуна и потом исчез без следа? — уточнил советник.

— Да, истинно так, почтеннейший,— подтвердил Калой, низко поклонившись.

Большой зал во дворце советника блистал красотой и роскошью. Два ряда шестигранных колонн, облицованных полированным карпашским мрамором, поддерживали изящно декорированные арки, на которые опирался свод потолка. Голубой цвет поверхности соперничал с самим небом, а затейливые узоры карниза были столь тонко исполнены, что всякий, попавший в это помещение, не мог оторвать глаз от совершенной работы туранских мастеров. Узкие окна, своими очертаниями повторявшие форму арок, были забраны коваными решетками с изображениями заморских зверей и птиц — предметом особой гордости хозяина. Он заказал их у знаменитых зингарских кузнецов и заплатил немалую цену —

двадцать лучших туранских верблюдов, а это мало кто мог себе позволить. Пол зала был вымощен крепким камнем серого, черного и белого цвета из пуантенских каменоломен, и лучшие заморийские мастера на славу потрудились, выкладывая мозаику из треугольных, восьмигранных и овальных шлифованных плит. Среди такого великолепия советник обычно принимал просителей. Люди робели от невиданной красоты, язык прилипал к гортани, и не сразу посетители могли внятно изложить свою просьбу.

Калой мог. Ему уже приходилось бывать здесь, а присутствие товарищей по ремеслу придавало ему дополнительную храбрость. Советник развалился на мягких подушках на небольшом возвышении в конце зала, а посетители — Калой и еще несколько богатых купцов — сидели на невысоких мраморных скамьях вдоль колонн. Им была оказана большая честь — сидеть в присутствии такого важного вельможи.

Конечно, в Шадизаре торговцы не считались персонами, равными богатым землевладельцам или, того больше, знатым вельможам, но чиновники поумнее прочих, к которым относился и советник, считали, что с ними надо ладить и прислушиваться к их просьбам — денег у них много, здесь, слава богам, можно подкормиться. Поэтому, когда группа купцов обратилась к нему за помощью, он не только согласился сам выслушать их, а не гонять с прошениями по более мелким чиновникам, но даже принял в своем роскошном зале.

— А что вез ваш караван? — поинтересовался советник, оглаживая густую черную бороду.

— Немного хлопка, сушеные фрукты, но самая главная наша потеря — сорок молоденьких невольниц, — со слезой в голосе ответил Калой.

— Хм, неплохая добыча, — согласился хозяин. — И что же вы думаете об этом? Кстати, сколько охранников было?

— Двадцать всадников! Из Турана! И еще десяток погонщиков верблюдов! Они тоже были вооружены! — наперебой загалдели торговцы.

— Ну, этих погонщиков мы знаем — вояки как мои наложницы, — усмехнулся советник, — но вот двадцать всадников — это серьезно. Целый отряд, и пропал без всякого следа?

— Да, почтеннейший, мы наняли людей, они осмотрели все вокруг — ничего, как будто на небеса улетели. Второй раз уже за последнюю луну.

Подперев ладонью щеку, советник погрузился в раздумья. Купцы разом прекратили разговоры и в мертвой тишине только озирались по сторонам, причмокивая губами от восхищения и зависти к столь богатому убранству.

«Как с ними поступить? — размышлял тем временем советник. — Надо как-то поспособствовать розыскам, тем более что деньжата у них водятся, а мне они лишними не будут никогда. Кто же это ограбил караван, да так ловко? Синие Тюрбаны? Вряд ли, они так чисто работать не умеют. Кто-нибудь из Аренджуна? Тоже маловероятно, ведь все произошло в дне пути от Шадизара, они сюда

не стали бы соваться. Вот и ломай голову, вечно этот лысый ублюдок подсунет мне задачку! Наверное, неплохую мзду взял с этих торговцев».

Он обратил свой взгляд на торговцев, те встрепенулись, но, видя, что советник смотрит сквозь них, как через стекло, вновь принялись разглядывать зал.

«Нет ли в этом деле магии? — продолжал размышлять советник. — Может быть, все это устроил горбатый ублюдок? Тогда, клянусь богами, дело дохлое. — Мысль о Лиаренусе вызвала легкий озноб. — Не добрался бы он до меня... А если киммериец? — вдруг подумал он. — Этот сорвиголова за хорошие деньги всю степь перероет, да и справится, если надо, с двумя дюжинами солдат. Семя Нергала, — он с удовольствием вспомнил о переполохе, который, как ему донесли, устроил этот варвар во дворце лекаришки, — хорошо он там поработал!»

Под его пристальным взглядом торговцы затихли, ожидая слов хозяина дворца.

— Вот что я скажу, — важно начал советник. — Есть у меня на примете один человек, если надо, то он горы свернет. Но, разумеется, — он развел руками, — плату потребует тоже величиной с гору, — добавил вельможа, явно довольный своим остроумием.

— Спасибо тебе, господин, — торговцы дружно вскочили со скамей и принялись отбивать поклоны, — ты уж помоги нам, а мы в долгу не останемся! Без твоего покровительства мы и торговать не сможем!

— Ладно, ладно, ступайте, — махнул рукой советник, — завтра утром, Калой, пришлю к тебе своего человека, там все и обговорите.

Купцы, пятясь к выходу и на каждом шагу кланяясь, очистили зал, а советник, мгновение подумав, позвонил в колокольчик. Тотчас явился Гисан, первый подручный по всяческого рода деликатным делам, его глаза и уши в этом городе. Старикашка склонился в поклоне, ожидая повелений своего хозяина.

— Узнай, где этот киммериец и что он делает. Договорись с ним о встрече со мной, но так, чтобы, кроме вас, никто об этом не знал. Лучше сделай все сам, а не через своих шпионов. Ступай. Чтобы к вечеру все было сделано.

— Господин, а если он не захочет?

— Посули побольше, тогда захочет. Эти варвары любят звон монет, — усмехнулся чернобородый.

«Да и кому этот звон не нравится? — подумал он, отпустив своего согладателя. — Клянусь Белом, все его любят! А этого варвара я напущу на Лиаренуса. Посмотрим, что получится, — или киммерийский медведь свернет шею этой горбатой крысе, или сам отправится на Серые Равнины. Кому бы из них конец ни пришел — я все равно не в проигрыше. Хвала богам, удачная мысль пришла мне в голову!»

* * *

Лето полностью вступило в свои права: едва Глаз Солнцеликого поднимался над горизонтом,

жара уже подступала к Городу Негодяев. Пройдет немного времени, и зной станет нестерпимым, базар на некоторое время остановит свою круговерть, и все отправятся по тавернам, где можно отдохнуть в прохладе каменных залов или посидеть под раскидистой чинарой, потягивая легкий кисловатый напиток, да лениво преброситься парой слов со знакомыми торговцами, а то и послушать какую-нибудь историю от заезжего купца.

Конан неспешным шагом направлялся к знакомой таверне: посидеть часок, узнать новости; может быть, если повезет, разнюхать что-нибудь про Синий Сапфир. Настроение у него было отличное: он только что расстался с Дениярой, проведя у нее целых два дня, кошелек был туго набит золотыми — что еще надо молодому человеку в жаркий летний день?

— Конан, — услышал он знакомый шепот, проходя мимо лавки шорника.

Киммериец оглянулся, из-за двери выглядывала чумазая мордочка Тощего Говера, он прикладывал палец к губам, как бы призывая Конана к осторожности. Варвар посмотрел по сторонам и, не заметив какой-либо опасности, шагнул к Тощему.

— Что случилось? — шепотом спросил он.

Тощий выглянул на улицу и поманил киммерийца поближе к себе.

— Смотри, — предложил он варвару заглянуть в щель между откинутой занавесью и дверным проемом, — видишь вон тех троих: толстяка в синем тюрбане и двух охранников?

— Вижу, ну и что дальше? — Киммериец не очень понимал, чего хочет от него мальчишка.

— Я хожу за ними со вчерашнего дня. Ловкач Шелам велел. Еще вчера тебя искали, но ты как сквозь землю провалился — нигде не могли найти. Ловкач велел тебе передать, что с этим типом явно нечисто. Я полдня хожу за ними, они шатались вчера по всем тавернам и веселым домам, и толстяк пытался что-то вынюхать про тебя...

— Молодец! — похвалил его Конан. — Вот тебе золотой, ты честно заработал его. Шеламу найдешь, скажи, что к вечеру зайду. А этот бурдюк с дерьмом оставь, я сам им займусь.

Киммериец подождал, когда толстяк в синем тюрбане пройдет мимо лавки, и, пропустив всю группу шагов на двадцать вперед себя, пошел за ними. Человек — судя по его одежде, не из простых — не был ему знаком.

Народу на базаре было довольно много — час полуденной жары еще не наступил, — и Конан не опасался, что незнакомец почувствует слежку. Единственное, что могло испортить дело, — это рост Конана, потому что киммериец, как башня, возвышался над остальным людом. Но варвар не выходил на открытое пространство, а старался держаться ближе к стенам домов и навесам торговцев. Судя по походке незнакомца, тот был сильно навеселе, хотя день начался недавно. Беспечно шагая по пыльной площади, он время от времени останавливался у лавок и торговых рядов, заводил разговоры. Видно было, что некоторым людям он был знаком, кое-кто приветство-

вал его, другие же, наоборот, отворачивались, стараясь не вступать с ним в беседу. Стражники были тоже в подпитии и, разморившись на солнце, лениво переставляли ноги, плетясь за своим хозяином.

Конан заметил одного из не пожелавших беседовать с толстяком и, подойдя, наклонился и шепотом спросил:

— Не расскажешь ли ты мне, что это за человек?

Торговец хотел было отмахнуться от вопроса, но, разобрав, кто перед ним — а киммерийца редкий человек на базаре не знал, — прошептал в ответ:

— Этот выродок ехидны раньше служил стражником у лекаря повелителя — того, которого задушили недавно, может быть, ты слышал об этом?

— Приходилось, — ухмыльнулся Конан. — И что он хотел разнюхать?

— Спрашивал о тебе, больше ничего...

Рассказ Малого подтвердился, в чем Конан, собственно говоря, и не сомневался.

— Ну подожди, свиная рожа, я с тобой еще разберусь, — пробормотал Конан и вновь направился вслед за незнакомцем.

Он выжидал удобный момент, чтобы поговорить без лишних свидетелей. Через некоторое время такой случай представился. Толстяк, видимо, много съел и выпил накануне, поэтому, что вполне естественно, почувствовал желание облегчиться. Он оставил базарную площадь и, спро-

вождаемый своими охранниками, направился к неприметному строению в конце проулка.

Конан подождал, пока незнакомец пересечет открытое место, и, когда тот затворил за собой дверь в заведенье, оглядевшись вокруг — не следит ли за ним еще кто-нибудь, — ловко перемахнул через ближайшую изгородь и попал в чей-то двор, который простирался вдоль проулка. Двор, слава богам, оказался пуст. Достигнув дальнего угла, он подтянулся на руках и выглянул в проулок. Стражники стояли перед входом, охраняя покой своего хозяина. Когда киммериец, с быстротой молнии одолев ограду, очутился перед ними, те от неожиданности даже не успели раскрыть рта. Конан не стал дожидаться, когда они придут в себя. Схватив за шеи, он со страшной силой стукнул их лбами и отбросил в стороны, как мешки с тряпьем, — больше охранниками им уже не служить, да и вообще, пожалуй, никем больше.

Киммериец нажал на дощатую дверь, хлипкий запор отлетел, и перед едва успевшим спустить штаны толстяком возник тот, о ком он расспрашивал второй день всех и вся.

— Не ожидал? — вкрадчиво спросил оцепеневшего от страха толстяка варвар, закрывая за собой дверь. — Ты что-то хотел разнюхать обо мне, вонючий шакал? Так спрашивай.

От ужаса его собеседник мог только нечленораздельно мычать.

— Говори, подлец! — Конан, схватив его за воротник рубахи, несколько раз двинул головой об

стену.— Что тебе надо и кто тебя послал? Клянись Белом, я утоплю тебя сейчас в этом дерьме!

— Пощади! — обрел наконец дар речи толстяк, безуспешно пытаясь поддержать сползающие штаны.— Я тебе все скажу...

— Ну! — рыкнул на него Конан.

— Это не я, это мой хозяин,— заскулил толстяк,— он велел... он велел...

— Говори же, ублюдок! И покороче, мне некогда возиться с тобой.— Варвар сжал ему горло так, что тот захрипел.

Конан отпустил его шею, толстяк пришел в себя и, дробно стуча зубами, продолжал:

— Я Эугеш... упра... управля... ющий Лиаренуса. Мой господин, знаменитый маг, велел все узнать про тебя. Где ты живешь, что де... дела... дела...

Варвар тряхнул его еще разок.

— Зачем это ему нужно?

— Он... он не сказал. Он только велел узнать...

— Где он сейчас? — продолжил свой допрос Конан.

— Мне нельзя этого говорить, иначе он меня накажет,— заскулил Эугеш.

— Ну ты и болван,— варвар схватил толстяка за ноги, перевернул его и сунул головой в отверстие выгребной ямы,— если не хочешь плавать там, говори!

— Ой, не надо! — заверещал Эугеш.— Скажу, скажу, толькопусти!

Киммериец вытащил толстяка, но уже без свалившегося в выгребную яму синего тюбана. Его лысина блестела в лучах пробивавшегося сквозь

щели стен солнца, щекастая рожа покраснела от прилива крови.

— Мой господин в своем поместье,— отдышавшись, сказал Эугеш.

— Где это? — Варвар уже начинал терять терпение.

— В двух днях пути отсюда, на... на... севере, у Кезанкийских гор.

— Проведешь меня туда?

— Нет, нет, хозяин превратит меня в растение, и тебя тоже,— проговорил Эугеш. Лицо его было искажено неподдельным ужасом, голова тряслась, губы побелели.

— Тогда боги простят меня,— решил Конан, смыкая свои стальные пальцы на горле бывшего управляющего Лиаренуса,— твоя служба закончилась, лысый дурак.

Швырнув бездыханное тело рядом с выгребной ямой, киммериец выглянул наружу и, увидев, что происшествие не привлекло зрителей, поспешил на базарную площадь. Там Конан свистнул водоноса и, выпив кружку прохладной воды, продолжил свой путь к таверне Абулетеса.

* * *

Когда Конан вошел в таверну, к нему подбежал мальчишка-подавальщик и, заговорщически подмигнув, шепнул:

— Тебя ждут.

«Кому я еще понадобился?» — пожал плечами киммериец, но пересек зал и осторожно отворил

дверь, ведущую во внутренний дворик. Он увидел худошавого старикашку в красном камзоле, в котором узнал Гисана, главного подручного чернобородого советника.

«Ну, нет! Больше меня в этот дворец не заманишь», — ухмыльнувшись, он шагнул на мощный камень дворика.

— Привет тебе, киммериец! — Старикашка приподнялся с дивана и знаком предложил Конану сесть рядом.

У варвара не было никаких предубеждений против этого Гисана: хоть он и не питал доверия ни к одному из людей советника, но все-таки помощь старикашки в свое время оказалась ему весьма полезной. Если бы не его сведения о дворце этого лекаря, то, может быть, Конан сейчас скучал на Серых Равнинах.

— Что еще тебе надо от меня, старая задница? — спросил Конан в ответ на приветствие, располагаясь на мягких подушках рядом с Гисаном.

— Хозяин хотел бы поговорить с тобой, — начал Гисан своим скрипучим голосом.

— Поговорили уже, — с ухмылкой перебил его варвар, — клянусь Белом, я больше не жажду попасть в этот дворец.

— Сейчас будет по-другому, — ответил старикашка, — господин разрешил тебе взять оружие, а если захочешь, то и двух-трех охранников.

— Ты что, спятил от жары, — захохотал Конан, — какие у меня охранники, да и разве они мне нужны?

— Есть дело, за которое тебе хорошо заплатят, — попытался продолжить Гисан.

— Ха-ха! Как в прошлый раз, наверное?

Оглушительный хохот варвара привлек внимание кого-то из челяди Абулетеса. Дверь во дворик отворилась и тут же захлопнулась, потому что Конан запустил в нее подвернувшимся под руку кубком. Шлепнувшись о дверь, серебряный кубок смялся в лепешку, оставив отметину на дубовой доске.

— Говоришь, охрана...

— Господин согласен заплатить тебе за старое дело серебром, две чаши, — старикашка остался невозмутим, — он уверен, что камень у мага, но раз ты не был у него еще...

Откуда ему было знать, что Конан уже пошарил у колдуна?

— Вот это другой разговор! — Варвар посмотрел на старикашку с некоторым интересом. «Ха! — подумал он, — не все знают твои хваленые соглядатаи!»

— Так вот, если не боишься, то господин приглашает тебя во дворец, — напомнил Гисан.

— Чтобы я испугался? — Варвар сжал кулаки. — Это не страх, просто-напросто неохота совать голову в петлю. Ты должен это понимать, старый шакал!

Конан хлопнул в ладоши, мальчишка с кувшином вина появился в дверях, выжидательно глядя на варвара.

— Неси, что стоишь? — рявкнул киммериец. — Давай, Гисан, пропустим по кружечке вина, —

предложил он старикашке, — насуху нам договориться вряд ли удастся.

— Идет, — согласился Гисан.

Потягивая вино, варвар размышлял про себя:

«Какое же дело может предложить мне этот ублюдок? Опять задушить кого-нибудь — эти мне дворцовые дела... Правда, две чаши серебра — это уже что-то. Надо подумать. Эх, жалко нет Ловкача рядом, эта хитрая шельма очень бы мне сейчас пригодилась!»

Старикашка сидел молча, не торопя варвара, и маленькими глотками тянул красное аргосское — Абулетес не поскупился, выставил вино для почетных гостей.

— Вот что, — прервал молчание киммериец, — я, пожалуй, навещу твоего хозяина, но только деньги за старое пусть дает вперед.

— Они здесь, — коротко ответил старик.

Он пошарил за своей спиной и вытащил кожаный мешок средних размеров. Судя по тому, как Гисан поднял его и положил на столик, мешок был тяжелый. Развязав узел, старикашка начал высыпать на блюдо, стоявшее перед ним, новенькие, словно только что отчеканенные, серебряные монеты. Со звоном они рассыпались по блюду, постепенно заполняя его до краев.

— Ровно две чаши, можешь проверить, — гордо произнес Гисан, любуясь произведенным на киммерийца эффектом.

Конан и в самом деле был несколько удивлен.

«Значит, я действительно очень нужен этому черноробордому», — подумал он.

— Хорошо, — сказал он вслух. — Я согласен. Говори, что нужно сделать.

— Сегодня вечером приходи во дворец, — ответил Гисан, — тебя будут ждать и проводят к господину.

— Только помни, что мой меч будет при мне, — отчеканил Конан, — и, клянусь Кромом, если что не так... в общем, сам понимаешь.

— Договорились, — кивнул Гисан. Необычно легко для своего возраста он поднялся с подушек, быстрыми шагами пересек двор и вышел через неприметную калитку в стене.

«Надо же, каков старикашка, — прощая его взглядом, подивился киммериец, — никогда не подумаешь, что ему уже много лет. Может быть, тоже колдун какой-нибудь? Сам Нергал не разберется с этим городом... Тьфу!»

Он посидел еще немного в одиночестве, допил вино, а потом поспешил к Шеламу. Столько новостей, что посоветоваться с понимающим человеком не помешает.

* * *

— Тебя нашел Малый? — спросил Ловкач, едва они обменялись приветствиями.

— Нашел, — ответил Конан.

— А толстяка ты видел? — продолжал допытываться Ши Шелам.

— В последний раз, — ухмыльнулся варвар.

— Что значит «в последний раз»? — переспросил его Ловкач. — Он куда-нибудь исчез? Ты что, говорил с ним?

— Угу...— промычал киммериец.

— Понимаешь, с ним надо поосторожнее,— начал объяснять ему Ловкач,— он раньше служил у лекаря нашего повелителя, а потом его переманил к себе Лиаренус.

— Как не помнить,— кивнул киммериец,— но я сам догадался об этом и обошелся с толстопузым ублюдком осторожно, никто ничего не видел.

— И что с ним сейчас?

— Ничего, валяется в городском сортире.

— А охрана?..

— Вместе с ним, клянусь Белом,— усмехнулся варвар.

— Ну вот,— всплеснул руками Ловкач,— надо было последить за ним, он бы и вывел напрямую к тем, кто тебя ищет. Кто знает, может быть, все это по приказу повелителя. Пронюхали, что лекарь — твоих рук дело...

— Не умею я разнюхивать,— вздохнул Конан,— это не по мне. Я свернул им шеи и теперь спокойно себя чувствую.

— Ну что теперь говорить, что сделано — не воротишь,— протянул Ши Шелам,— не переживай. Хотя если правитель повелит тебя найти, то в город тебе и носа нельзя будет сунуть — придется отсидеться здесь.

— Что будет дальше, там увидим, и не из таких передраг уносил ноги, благодарение Крому,— пожал плечами Конан.— Давай лучше поговорим. У меня к тебе дело есть.

Они присели на лавку, и киммериец рассказал Ловкачу о беседе с Гисаном.

— Да, кстати,— вспомнил он о серебре,— давай самую большую кружку.

Ловкач, пожав плечами — что еще взбрело на ум его приятелю? — пошарил в шкафу и дал киммерийцу старую шербатую посудину. Конан насыпал ее доверху монетами из мешка, который ему дал старикашка.

— Держи, это тебе,— передал он сосуд Ловкачу,— ты хорошо поработал на меня в эти дни.

— Так много? — удивился Шелам, принимая деньги.

— Бери, не стесняйся,— успокоил его киммериец,— не последний раз, клянусь богами. Всякая работа должна быть оплачена. Остальные деньги спрячь куда-нибудь,— продолжал он, протягивая Шеламу мешок,— не идти же мне во дворец с ними.

Конан, хоть и не был равнодушен к звону монет, как совершенно верно предположил советник, все же расставался с ними без особого сожаления. Деньги приходят, слава Митре, и уходят, считал он, а вот верных людей не так много, поэтому пусть эта хитрая заморийская шельма выпьет лишний кувшинчик вина, для него не жалко.

— Так что ты думаешь по этому поводу? — спросил он Ловкача.

— Понимаешь, если эти вельможные недоноски заплатили тебе столько монет, то вряд ли затем, чтобы потом убить или посадить в темницу. Скорее всего, у советника действительно есть к тебе важное дело. И еще я думаю, не связано ли

между собой появление толстяка и приглашение во дворец? Ты же знаешь, чьим братом был лекарь, которого ты отправил прогуляться на Серые Равнины. Советник и Лиаренус всегда были врагами, об этом весь город знает.

— Тогда часть работы я уже сделал, клянусь рогами Нергала! — захохотал киммериец.

— Подожди веселиться, — покачал головой Шелам, — тут надо действовать очень осторожно. Тебе посоветоваться бы с твоим другом Нинусом — он по этой части знает побольше моего.

— Его сейчас нет в Шадизаре, — ответил Конан. — Нергал его понес в Ларшу или куда-то еще в те края, не помню точно.

— Жаль! — протянул Шелам. — Но тебе мой совет: ничем не покажи, что ты знаешь что-то про Лиаренуса и тем более про его толстого соглядатая. Прикинься таким рубакой, киммерийским ублюдком, — хихикнул он, — которого, кроме денег, не интересует ничего, а дальше соображай по ходу дела.

— Спасибо, заморийская задница, — пожал ему руку варвар, не обижаясь за ублюдка, — правду говорят, что дороже доброго совета ничего нет. Ну, мне пора. Увидимся!

Конан похлопал Шелама по плечу, отчего тот, как всегда, едва не сел на пол, поправил перевязь с мечом и вышел в пустынный проулок. Глаз Митры уже устало склонялся к горизонту, пора было идти к чернобородому.

Глава пятнадцатая

тарикашка не соврал, во дворце его ждали. С почестями, которые приятно удивили киммерийца, его проводили через знакомую прихожую, но не в подвал, как в прошлый раз, а по роскошной мраморной лестнице поднялись в еще более живописный зал с рядами колонн по стенам. Конан шел, напряженно ожидая какого-нибудь подвоха, но все было спокойно. Слуга, который проводил его, предложил присесть на мягкий диван на устланном ковром возвышении в конце зала и, почтительно поклонившись, вышел. Конан огляделся: столик с закусками ломился от яств, в стеклянных графинах мерцало янтарное вино.

«В прошлый раз принимали попроще. Ишь ты, какой стол накрыли!» — не без некоторого самодовольства решил про себя Конан.

— Приветствую тебя, киммериец! — раздался знакомый голос.

Конан повернул голову, из боковой двери появился чернобородый советник в сопровождении пройдохи Гисана.

— Садись поудобнее, угощайся, разговор будет длинным,— предложил хозяин, в свою очередь удобно устраиваясь на подушках.— Расскажи нам, Гисан, что новенького в городе.

— Господин, купцы жалуются на то, что у них пропал караван — почти у самого города.

— Вот видишь, какие дела творятся? — обратился чернобородый к киммерийцу.— Ты не слышал об этом?

— Какое мне дело до караванов? — ответил Конан, управляясь с жареным фазаном.— У меня нет особых друзей среди торговцев...

Он решил, по совету Шелама, не говорить ничего лишнего, пусть лучше побольше ему расскажут.

«Но начало хорошее,— решил варвар про себя,— о толстяке не говорит, значит, скорее всего, его не правитель послал, иначе советнику было бы известно. Посмотрим, что будет дальше».

— Дело очень непростое, необычное,— продолжал чернобородый — караван исчез, не оставив никаких следов.

Киммериец скроил удивленную мину:

— Как это «не оставил следов», почтеннейший? Значит, ушел куда-нибудь в сторону,— предположил он, изображая наивное непонимание.

«Ну и хитрец этот варвар,— подумал в свою очередь советник,— откуда он знает про Лиаренуса?»

Конан брякнул первое, что ему пришло в голову, и, сам того не желая, подтвердил предположения советника о том, что караван исчез не без участия мага. В сторону от дороги уйти без следа можно было только на север, в направлении поместья Лиаренуса, на юге было много селений, и караван наверняка бы заметили.

«С ним надо держать ухо востро»,— решил чернобородый.

— Гисан, принеси большое блюдо,— велел советник своему подручному.

Старикашка вышел из зала и через некоторое время вернулся, неся перед собой огромное блюдо. Подойдя к возвышению, он осторожно поставил его на ковер и с поклоном отошел.

Блюдо было необычное, киммериец так и впился в него глазами. На плоской поверхности были с большой тщательностью вылеплены горы, долины рек, стены городов и селений. Глина, из которой неведомый гончар сделал это чудо, была окрашена в разные цвета: горы — коричневым, леса и степи — зеленым, города — золотистым. Красноватыми линиями змеились дороги, даже купола храмов изобразил искусный мастер, покрыв их чешуйками золота, которые блестели и переливались в колеблющемся свете множества светильников.

— Такого тебе видеть не приходилось? — с некоторым торжеством спросил советник, наблюдая за изумлением варвара.

Конан только покачал головой.

— Что это?

— Не у каждого правителя есть такая вещь,— самодовольно заметил чернобородый.— Это наша Замора. Вот посмотри: Шадизар, Карпашские горы, Ларша, а это — Аренджун. Еще когда был жив мой отец, мир его праху, он собрал рассказы торговцев, караванщиков и воинов и приказал своим гончарам вылепить все эти горы, реки и города. Теперь я, как птица в полете, могу рассматривать Замору, да и не только, вот за Кезанкийскими горами кусочек Турана, вот граница с Коринфией, а на этой стороне северные земли Кофа.

Киммериец с восхищением рассматривал необыкновенное блюдо. Да, наверное, через эти вот горные хребты пробирался он из Бритунии на юг, по этим пескам подходил к Городу Негодяев — Шадизару. Он не мог оторвать глаз от дивной вещи. Как это могло прийти кому-то в голову — сделать такое чудо, без колдовства тут не обошлось!

К действительности его вернул голос хозяина:

— Но я позвал тебя не затем, чтобы удивить. Смотри внимательней,— он ткнул пальцем в стены города,— это, как я тебе говорил, Аренджун, а это,— он переставил палец чуть ближе к варвару,— Шадизар. Между ними два-три дня пути. Видишь селения, вот здесь, вот здесь, там?

Конан, следя за его рукой, уже начал соображать, к чему тот клонит.

— Брюхо Нергала, там же никто не живет! — воскликнул он.

— Правильно,— подтвердил чернобородый,— там нет ни сел, ни городов. Ты же говоришь, что

караван свернул с пути. А куда ему идти? Там нет дорог, и через эти горы можно пробраться только пешком, путь в Коринфию вот здесь.

— Я сказал просто так,— усмехнулся в ответ варвар,— откуда мне знать, что и где у вас в Заморе находится, клянусь Белом!

— Так я тебе объясню,— важно продолжил свою речь советник,— вот здесь, в отрогах этих гор, поместье Горбуна Лиаренуса, помнишь, я тебе говорил про него?

— Помню,— равнодушно произнес киммериец. «Вот и дошли до главного»,— подумал он про себя.

— Я говорил тебе, что перстень, который ты искал, находится у него. Ты так и не воспользовался моим советом? — спросил чернобородый, внимательно глядя на варвара.

«Так я тебе и скажу, вороний помет»,— усмехнулся про себя Конан, а вслух, зевнув, произнес:

— Да как-то случая не было.

Он налил себе очередную чашу хорошего вина и осушил ее одним глотком. Гисан, который к столу приглашен не был, сглотнул слюну.

«Завидует мне, старая задница»,— наливая еще, позлорадствовал про себя Конан.

— Слушай меня дальше,— продолжал советник,— кроме этого Лиаренуса, больше караван увести некому, а кроме тебя, никто не сможет разыскать его, так я думаю.

— Ты хочешь, уважаемый, чтобы я один пошел к этому Горбуну и привел обратно твой караван? — спросил Конан.

— Хотя мало найдется равных тебе,— по-
льстил варвару советник,— но один ты не спра-
вишься. Я дам тебе пяток моих лучших воинов и
проводника, чтобы привел вас на место.

— Отлично придумано! — согласился кимме-
риец.— Но, клянусь Кромом, я не слышал еще
предложений об оплате.

— За этим дело не станет! — уверил его совет-
ник.— Думаю, трех чаш серебра будет достаточно?

— Копыта Нергала! Плата неплохая! Но с ка-
ким товаром караван?

— Изюм, хлопок и...

— И ради такого дерьма ввязываться в это
дело? — перебил его варвар.

— Ты дослушай,— укоризненно сказал черно-
бородый,— самый дорогой товар — это сорок не-
вольниц из Стигии,— он причмокнул языком.—
Молоденьких...

— Тогда другое дело! — усмехнулся киммери-
ец.— Но награда должна быть побольше — ска-
жем, пять чаш.

— Тебе не кажется, что это многовато? — не-
довольно поджал губы хозяин.

— Тогда ищи свой караван сам, а я не сума-
шедший. Пойду, пожалуй! — Конан сделал вид,
что приподнимается с подушек.

— Нет, нет! Не уходи! Я согласен! — поспешно
сказал чернобородый.

«А чернобородый-то очень хочет, чтобы я
столкнулся с Горбуном. Вот тебе, шелудивый пес,
не обманешь, я сам тебя запихну в пасть колду-
ну!» — подумал Конан.

Конан развеселился от сознания своего успеха
в беседе с таким искушенным противником, и его
хохот был вполне искренним.

— Уговорил! — повторял он между взрывами
смеха.— А если я немножко попользуюсь твоими
невольницами? Ха-ха-ха!

— Но не заезди их слишком сильно! — засме-
ялся и советник.— Все-таки товар не должен быть
испорчен!

«Вот сучье семя! — решил про себя Конан.—
Нужен ему этот караван, как же! Потроха Нерга-
ла, тут дело пахнет куда большим!»

Расставались они по-приятельски: Конан, изо-
бражая опьянение, хлопал советника по плечу,
тот морщился, но не противился столь фамиль-
ярному обращению, отчего у старикашки Гисана
глаза полезли на лоб от удивления — такое по
отношению к его господину не позволяли себе
даже придворные! А от последних слов хозяина
старика чуть было не хватил удар.

— Прикажи подать киммерийцу паланкин,—
сказал чернобородый,— пусть отнесут его к Абу-
летесу. Завтра день трудный, ему надо хорошо
отдохнуть.

«Осталось только, чтобы ты сам меня и отнес,
чернобородый шакал,— усмехнулся про себя Ко-
нан, поудобнее устраиваясь на кожаных подуш-
ках носилок,— уж очень я тебе, видно, нужен!»

* * *

Слава Митре, Нинус вернулся в тот же вечер.
Когда он постучался в дверь жилища Денияры,

Конан уже доедал второго куренка, от нетерпения у него разыгрался нешуточный аппетит.

— Наконец-то,— воскликнул киммериец, увидев Нинуса,— я уж думал, что не встретимся!

— К чему такая мрачность? — усмехнулся Нинус.

Барвар, стараясь ничего не упустить, рассказал ему о событиях сегодняшнего дня.

— Туда ему и дорога, я встречал этого толстопузого барана. В свое время он был городским стражником, пока его не взял к себе лекарь, а уж потом, не знаю как, он перебрался к этому колдуну. Наверное, братья разыграли его в кости. Но в дело ты ввязался непростое,— Нинус подсел к столу.— Мы с Дениярой погадали, как сумели: книги предсказывают, что Лиаренус хочет тебя уничтожить. Твои предчувствия тебя не обманывают. Еще какой-то старичок тощенький маячит...

— Знаю, Гисан, шпион советника.

— Опасайся его, он может сильно навредить.

— Он? — переспросил Конан.— Да я его сверну в бараний рог, а он и не пикнет, старая задница!

— Может быть, может быть,— задумчиво повторил Нинус,— но все равно, будь повнимательнее.

Он помолчал немного и продолжал дальше:

— Из ваших с Мадиной видений со сборища духов мы поняли, что у этого горбатого шакала есть нечто страшнее псов — какие-то непонятные существа. Даже твой меч не может причинить им особого вреда. Уязвимы у них разве что суставы: шея, локти, запястья, колени. Остальное

крепкое, как кольчуга, поэтому запомни: только ударом в эти места их можно ранить или убить.

— Ничего себе! — пробормотал Конан.— Похоже, я действительно крепко влип. А сколько их, этих монстров?

— Несколько сотен,— ответил Нинус,— но книги подсказывают, что они будут крайне опасны только через семь дней, а до этого их мощь не так велика. Они пока как волки или собаки — почти ничего не умеют и неуправляемы, но сожрать могут, только кости захрустят. А через несколько дней они будут уже обученными воинами, и тогда даже сотня таких, как ты, вряд ли справится с этим войском.

— Откуда ты это узнал? — удивился Конан.

— Во-первых, из книги, да и Денияра помогла, а во-вторых, я зря, что ли, в Ларшу мотался? Ты забыл, что и моя голова тоже сосчитана этим Горбуном?

— Тогда дело советника подвернулось очень вовремя. Надо торопиться,— произнес Конан.— Завтра мне дают пять стражников под начало, Гисана в придачу — и выступаем.

— Что ж, пусть удача тебя не покинет,— напутствовал его Нинус.

Рано утром небольшой отряд из шести всадников покинул Шадизар. Советник не поскупился: кони под седоками были отличные, и еще каждый вел в поводу запасную лошадь. Правда, подумал про себя киммериец, стражники могли быть и получше, но уж какие есть — в Заморе народ был, по сравнению с варваром, мелкий.

«Посмотрим их в деле», — решил Конан и прищипорил лошадь. Путь был неблизкий: нужно было к концу дня достичь первого селения и там попытаться расспросить местных жителей. Чем Нергал не шутит, может быть, кто и вспомнит какие-нибудь подробности про исчезнувший караван.

Киммерийца беспокоил проводник. После того, что сказал Нинус, за старикашкой Гисаном требовался тщательный присмотр.

Конан впервые был в этих местах, поэтому с любопытством осматривал все вокруг. Плоская, обожженная солнцем степь, иногда большие пространства сплошь занимали голый камень и песок. Постепенно пустыня вытеснила степь, и кавалькада начала пересекать безбрежное море песка. Когда солнце поднялось высоко и стало совсем жарко, они достигли небольшого оазиса, где из-под камней с журчанием вытекал серебристый ручеек, наполнявший круглое озерцо, чуть больше по размерам, чем зал во дворце советника. Полянку покрывала сочная высокая трава, маленькая рощица невысоких, но крепких, с густой кроной деревьев приникла к берегу озерца.

Путники спешили, напоили лошадей и, растянувшись на траве под спасительным покровом листвы, решили переждать палящий полуденный зной и дальше отправиться чуть попозже, когда солнце начнет склоняться к горизонту. Гисан уверял, что еще до заката они достигнут селения. Пообедали отличным овечьим сыром, мясом и фруктами. За едой киммериец приглядывался к

своим спутникам, время, проведенное в Городе Негодаев, приучило его к осторожности — случая со Слоном он не забыл. Кто знает, может быть, весь этот маскарад с вооруженным отрядом — только прикрытие, чтобы расправиться с ним без лишнего шума вдали от Шадизара? Он машинально поправил вышитую ленту, которую повязала ему в очередной раз Денияра — не стоит пренебрегать тем, что однажды уже помогло спасти жизнь.

Гисан не обманул — солнце еще не село, а маленький отряд уже въезжал в ворота каравансарая, находившегося на окраине селения. Большинство каменных домиков с плоскими черепичными крышами ютилось вдоль русла почти обмелевшей к середине лета речки, некоторые жилища были построены на холмах. Каравансарай окружала высокая стена, сложенная из крупных глыб местного темно-серого камня. На пыльном, вымощенном таким же камнем дворе остановились на ночлег сразу несколько караванов торговцев, путешествующих через пески и степи от города к городу. Под навесом меланхолично перетирали свою жвачку привязанные к обшарпанным деревянным шестам лошади, ишаки и верблюды, которых ничуть не беспокоил невероятный шум, повисший над площадью: крики торговцев и караванщиков, лай собак, блеяние овец, звон металла, раздававшийся из кузницы в дальнем углу двора, — их трудовой день закончился.

Путников встретил сам хозяин этого шумного пристанища; по тому, как он склонился перед

Гисаном, киммериец понял, что этот старикашка здесь в почете. Слуги отвели лошадей в загон, а всадников с поклонами провели в зал и усадили за большой стол из кедровых досок, на котором уже стояли кувшины с вином, большие шербатые блюда с лепешками и глиняные, тоже повидавшие виды, кружки.

Помещение было просторным, стены сложены из каменных блоков, массивные бревна, выступавшие из стен, поддерживали высокий, закопченный от времени потолок. В углу, ближе к входу на кухню, располагался деревянный помост, на котором четверо музыкантов в ярких разноцветных одеждах уже пробовали свои инструменты. Девушки с подносами, уставленными кувшинами и блюдами, проворно порхали вдоль стоявших рядами столов, разнося пищу и грациозно увертываясь от рук посетителей, пытавшихся погладить, щипнуть, шлепнуть соблазнительно выступающие части их тел. Шум царил невообразимый, почище, чем во дворе: десятки людей гремели посудой, криками приветствовали знакомых, подзывали девушек, хохотали, бранились, стучали кулаками о столы, звенели монетами — все это гулким многократным эхом отражалось от каменных стен.

— Гисан,— шепнул киммериец на ухо старикашке,— ты ведь знаком с тем человеком, который нас встретил? Давай поговорим с ним, может быть, он что-то знает.

— Айна,— подозвал старикашка одну из девушек, невысокого роста, хорошо сложенную, пыш-

ногрудую заморийку,— позови к нам Гуляма, надо поговорить.

Хозяин явился быстро, но ничего путного от него добиться было невозможно: все, как всегда, ничего необычного — пришли, поужинали, переночевали, назавтра отправились в путь; да, он помнит, двадцать туранцев, хорошие кони; да, погонщики с оружием; да, конечно, невольниц он тоже помнит — роскошные девки; расплатились золотыми — и ничего больше. Он говорил степенно, оглаживая пальцами роскошную бороду, но глаза его не смотрели на собеседников, а безостановочно перебегали с одного предмета на другой, как будто знал он что-то такое, вспоминать о чем ему не хотелось.

«Надо с ним поговорить наедине,— решил про себя варвар,— может быть, он вспомнит побольше, клянусь Белом».

Когда хозяин ушел, варвар ничего не сказал Гисану о своих подозрениях, и вся компания не спеша продолжила ужин. Вино было так себе, а вот баранина превосходная — хрустящая корочка и розоватое дымящееся мясо, источавшее пряный аромат, легко отстающее от костей, такую и у Абулетеса не всегда можно было получить! Стражники налегали на вино, лица их покраснели, они, перебивая друг друга, рассказывали истории, приключавшиеся с ними в их бурной жизни, смеялись, хлопали в ладоши.

Посетители таверны представляли собой на редкость разнообразное общество: здесь были и степенные купцы из Кофа и Офира, смуглые и

худощавые заморийские погонщики верблюдов, и плотные, невысокие, с характерным разрезом глаз, черноволосые туранцы, и высокие, смуглые стигийцы — кого только не встретишь на перекрестке караванных путей! Многие, судя по их поведению, останавливались здесь не первый раз, им предназначались улыбки хорошеньких девушек, разносивших еду. Конан своей мощной фигурой и блеском синих глаз также вызвал их большое любопытство, и он не раз замечал обращенные к нему томный взгляд или лукавую улыбку красавиц, а иногда чувствовал как бы случайное прикосновение бедра или груди проходившей мимо девушки.

«Ну что ж,— думал он, останавливая свой взгляд то на одной, то на другой,— я не против. Кром, ночь, похоже, не будет скучной!»

Тем временем все посетители достигли того состояния, когда тело уже насытилось пищей и вином и натура требовала действия — то там, то здесь вспыхивали перебранки, кто-то уже тузил своего собутыльника, уже выхватывались ножи, но до больших драк с кровью — а дело это здесь, судя по всему, было обычное — пока не доходило. Сквозь шум и гвалт едва были слышны звуки флейты и зурны, музыканты исправно терзали свои инструменты, не заботясь, трогает ли кого-нибудь их искусство.

Шум усилился, когда на помосте появились танцовщицы. Толпа одобрительно загудела при виде четырех стройных стигиек, одетых в прозрачные шаровары из тончайшего шелка и корот-

кие, чуть прикрывавшие груди, накидки. Их волосы, длинные и густые, не были прибраны и тяжелой волной ниспадали на плечи. Под заунывные звуки зурны девушки пошли цепочкой, высоко приподнимая колени и держа друг друга за распущенные волосы. Глухо забил барабан, и, повинуясь его ударам, они разъединились и закружились, легко переступая босыми ногами и откидываясь назад. Еще громче завывала зурна, флейта жалобным своим голосом присоединилась к ней, и, подняв руки, танцовщицы завращали бедрами, вызывая одобрительные выкрики увлеченных пляской зрителей.

Еще одна девушка выскочила на помост, все ее тело, от маленьких ступней до плеч, было закутано в пестрые одежды, как бы сшитые из длинных цветных лоскутков. Оказавшись в центре круга, она присоединилась к пляске своих подруг, которые, легко и грациозно изгибая свои тела, словно стебли лилий в потоке воды, касались ее кончиками пальцев, цветные ленты ее одеяния, словно бабочки, летали в воздухе, мягко опускаясь на помост. Девушка пыталась уклоняться, она прыгала и кружилась волчком, ныряла под руки, пытающиеся оторвать клочки ее одеяния, но тщетно: с каждым ударом барабана ее покров становился все скуднее, и наконец последний оглушительный удар, девушки в изнеможении упали на помост, выгнув свои гибкие тела, а она осталась совсем обнаженной, держа в руке последнюю узкую ленточку. Дикий рев толпы приветствовал ее, девушка, поклонившись, убежала за

занавеску, и тотчас какой-то тучный купец, обли-
зывая языком пересохшие губы, направился сле-
дом за ней.

Вид танцующих девушек напомнил Конану,
как однажды Денияра спросила его:

— Мой тигр, какая из служанок нравится тебе
больше других?

— Девушки все хороши,— дипломатично отве-
тил Конан, не понимая, к чему клонит его под-
руга,— они все одинаково любезно относятся ко
мне.

— Они все тебя хотят,— объяснила хозяйка,—
и поскольку ты все равно когда-нибудь изменишь
мне с одной из них, а скорее всего — и со всеми
по очереди, то я решила, что мы вместе выберем,
с кого тебе начать.

При этих словах Конан почувствовал себя не
очень-то удобно. Одно дело, когда он сам решал,
нужна ему женщина или нет, и совсем другое,
если подруга по своей воле предлагала себе заме-
ну. Слегка смутившись, он попытался отшутиться:

— Зачем мне выбирать аметисты, если у меня
в руках алмаз?

— Каждый камень по-своему прекрасен, а уж
если говорить о женщинах, то все они такие раз-
ные, камням до них далеко! А я не хочу, мой
юный лев, чтобы ты потом пожалел, что кого-
нибудь пропустил.

Сказать по правде, Конан не раз ловил на себе
взгляды этих чаровниц, да и его синие глаза тоже
нередко останавливались на их прелестях. Что ж,
стоит ли упускать случай, когда все само идет в

руки да еще тебя и просят об этом! Он на мгно-
вение задумался, как бы не решаясь назвать имя.

— А вот мы сейчас узнаем,— рассмеялась се-
ребристым смехом Денияра. Она хлопнула в ла-
доши, и на ее зов вошла самая младшая из деву-
шек, Мадина.

— Моя милая,— обратилась к ней хозяйка,—
наш гость хотел бы взять тебя на сегодняшнюю
ночь, но не решается сделать окончательный вы-
бор. У него, наверное, имеются сомнения — смо-
жешь ли ты усладить его должным образом. По-
кажи себя, чтобы проворный скакун не думал,
что ему подкладывают хромую кобылицу,— со
смешком закончила она свою речь.

Девушка зарделась от такого предложения и в
смущении не решалась двинуться, застыв, словно
изваяние.

— Ну же, не заставляй нас ждать, а не то я
позову Замиру или Шаризу, они побойчее. Оста-
нешься последней, клянусь Светлооким, будешь
жалеть потом,— усмехнулась Денияра. По всему
было видно, что ей это доставляло явное удоволь-
ствие. Она наслаждалась девичьим смущением и
искоса поглядывала на Конана, наблюдая, как все
происходящее разжигает в нем новую страсть.
Будучи женщиной опытной в любовных уладах,
она знала — то, что киммериец получит от этой
девушки, потом трижды возвратится ей, когда
они будут вместе.

— Любовь моя, пощади ее, видишь, она почти
в обмороке,— пытался заступиться за Мадину
киммериец.

— Она без чувств от желания, чтобы ты объездил ее хорошенько,— отпарировала хозяйка. Она подошла к служанке, которая от этих разговоров — и вообще от того, что происходило,— не могла пошевелить ни рукой, ни ногой, и принялась сама раздевать ее.

— Помоги мне, Конан,— подразнила она варвара,— или ты не знаешь, как обращаться с девушками?

Киммериец не противился, и они вдвоем начали снимать покров за покровом с юной женщины, причем Денияра успевала нежно прикасаться к нему и дарить свои поцелуи. Этим она настолько распалила его, что, пожалуй, уже он сам был близок к обмороку.

Обнаженная, Маина была еще красивее, чем в одежде, а этим может похвалиться далеко не всякая женщина. Она, в страшном смущении, опустив глаза, пыталась ладонями закрыть свое тело от обжигающих взглядов варвара.

— Придется позвать твоих подруг, что-то ты совсем застыла,— сказала безжалостная Денияра и хлопнула в ладоши.

Прибежавших женщин не надо было уговаривать долго, через мгновение они, как будто только и ждали этого, остались в одних ожерельях и кольцах.

— А теперь танцуйте, покажитесь нашему другу, пусть он посмотрит, умеете ли вы двигаться и нет ли у вас тайных изъянов,— приказала хозяйка. Затеянное представление продолжало доставлять ей огромное удовольствие.

Девушки легко двинулись по кругу, покачивая бедрами и поворачиваясь во все стороны, чтобы Конан мог рассмотреть их прелести. Такого варвар вынести уже не смог: он, как ястреб на стаю куропаток, бросился на них и, выхватив из круга Маину, унес ее в свою спальню. Потом девушка проспала целые сутки. Так и продолжалось: Денияра, Маина, Шариза, Замира, Денияра, Ма...

— Да, клянусь всеми богами, это жизнь! — Киммериец в своих сладостных воспоминаниях чуть было не забыл о том, где находится. Он оглядел своих спутников: поскольку выпито и съедено было много, стражники уже мычали что-то нечленораздельное, обняв друг друга за плечи и покачиваясь в такт ударам барабана. Только старикашка — вот Нергалово семя! — подумал про себя Конан — был свеж и сосредоточен, потягивая мелкими глотками кислое вино и исподлобья внимательно оглядывая все вокруг.

Конан потянулся, поправил свой меч и, поднявшись из-за стола, коротко бросил Гисану:

— Пойду подышу свежим воздухом.

* * *

Он вышел во двор, в лунном свете все было серовато-голубым, только металлические части повозок да сбруя лошадей серебристым блеском нарушали эту вечернюю монотонность. Отойдя несколько шагов от таверны, он чутким ухом различил какие-то вскрики и стоны в противоположном углу двора. Варвар направился на голоса

и, подойдя ближе, увидел, как трое людей — один из которых, судя по болтавшемуся у пояса мечу, был стражником — избивают ногами человека в потрепанной одежде. Тот пытался закрыться от ударов, извиваясь в пыли и прикрывая голову руками.

— Дай ему еще! Будет знать, как воровать! — слышались возгласы.

— Отпустите! Я только хотел взять немного еды! Я не ел три дня! — отчаянно вскрикивал несчастный в промежутках между ударами.

Увлеченные своим делом, работники не заметили приближения киммерийца и на мгновение оцепенели от неожиданности, когда он обратился к ним:

— Оставьте его! Ну?! Хватит!

— Кто это там квакает? — не разобравшись в темноте, спросил стражник. — Иди по своей нужде, болван, пока тебе не выпустили кишки!

Конан такого обращения не терпел ни от кого, а стражников не любил со времен босоногого детства. Мгновением позже нахал познакомился с крепким кулаком киммерийца. Знакомство вряд ли можно было назвать для бедолаги приятным: с разбитым в кровь лицом, пролетев шагов пять по воздуху, он приземлился у стены и затих, не подавая признаков жизни. Двое других остановились и со страхом смотрели на варвара.

— В чем дело? — рыкнул он на ближайшего к нему.

— Хотел стащить лепешку! — объяснил тот.

Конан пошарил в кошельке, вытащил серебряную монету и дал слуге:

— Принеси кувшин воды и что-нибудь поесть. Да побыстрее, я ждать не привык.

Он наклонился над лежащим. По его исхудавшему лицу и разорванной одежде было видно, что он проделал нелегкий и долгий путь. Конан вспомнил, как ему самому дался переход из Бритунии в Шадизар, и пожалел беднягу.

— Говоришь, три дня не ел? Откуда ты такой?

Человек открыл было рот, чтобы ответить, но тут послышались стоны пришедшего в себя стражника. Он с трудом поднялся на ноги и машинально шарил рукой у пояса, пытаясь нащупать рукоятку меча.

— Ты что, ублюдок, совсем ума лишился? — Конан подошел к нему и, вырвав меч у него из ножен, забросил его на навес, под которым мирно стояли лошади. — Ступай отдохни!

Он врезал ему кулаком по челюсти, так что тот, перевернувшись в воздухе, затих — возможно навсегда.

Киммериец вернулся к бедолаге. Тот уже жадно вгрызлся в лепешку и кусок мяса, что принес слуга.

«Ладно, поговорим потом», — решил Конан.

Он дал слугам по серебряной монете и отпустил их восвояси, предварительно заставив поклясться, что они будут молчать о происшедшем.

— А не то, — варвар показал им на стражника, — найду и сделаю то же самое с вами, крысиное племя!

Когда несчастный наконец доел все до последней крошки, он, шумно вздохнув, обратился к Конану:

— Спасибо тебе... Если бы не ты, они забили бы меня до смерти.

— Пустяки, — отмахнулся киммериец, — но ты что-то хотел рассказать?

— Вижу я, что ты человек хороший, другим я бы не сказал ничего...

Барвар видел, что человека что-то сильно гнетет и он хочет поведать об этом, чтобы легче стало на душе. А еще он чего-то смертельно боится...

— Не бойся, я не выдам тебя, — подбодрил Конан собеседника, решив, что это, по всей видимости, беглец из какой-нибудь темницы, коих в этом мире существует великое множество.

— Так вот, — начал незнакомец, — я сам из Офира и долгое время служил в гвардии, но, сам знаешь, какие там теперь дела. Сейчас на армию у тамошнего короля нет денег. Мне дали немного монет за службу и отпустили — иди, мол, куда глаза глядят, и делай, что хочешь. А куда мне идти? Кроме как воевать, я ничему другому с детства не обучен... Но на базаре в Ианте мне повстречался человек, с виду очень почтенный, седой... правда, горбун.

— Горбун? — насторожился Конан. — Ну давай рассказывай дальше.

— Да, горбун, — подтвердил собеседник. — Он предложил мне пойти к нему в пастухи. А что, говорил он, на коне ты ездить мастак, гоняй себе

моих быков по пастбищу да смотри, чтоб волки не позарились, — вот и вся работа. Я подумал, подумал и согласился, Нергал мне в печень! Жизнь в этом поместье и вправду была неплохой. Кормили хорошо, девушек захочешь — вот они. Невольниц много, и такие хорошенькие, — незнакомец улыбнулся разбитыми губами и скривился от боли, — в общем, жаловаться было вроде не на что.

Однажды я пригнал быков в поместье, — продолжил он свой рассказ, — а скажу тебе, каждый день десять самых упитанных мы пригоняли на бойню, рядом как-то не оказалось нужного работника, и мне приказали помочь отвезти бадью с какой-то смесью к кормушке. Я и еще один парень привезли бадью к холму внутри каменной ограды, там было отверстие и деревянный желоб куда-то вниз. Он скомандовал, и мы стали ведрами черпать это пойло и сливать его на желоб. Я думал, там свиньи, и заглянул так просто, чтобы посмотреть. Что я увидел... — Офирца передернуло, как от озноба. — Там были какие-то существа, они по виду как дети, представляешь, такие упитанные, крепкие мальчишки...

— Что я, детей не видел? — усмехнулся Конан.

— Но это были не дети, — еще раз поежился пастух, — ростом, наверное, где-то мне до пояса или чуть выше, там было темно, я не очень разглядел, и зеленого цвета, ну как жаба, что ли, и кожа как у змеи. Меня даже пот прошиб от страха. Я спрашиваю этого парня, а он смотрит на

меня как идиот и не отвечает ничего. Потом, когда пошло все ушло вниз, он подзывает меня рукой: помоги, мол. Сам идет к заднему краю повозки, там под покрывалом что-то лежит.

Он откидывает покрывало — боги милосердные, там лежит девушка, молоденькая, я узнал ее, из наших наложниц. Все тело в синяках, в следах от каких-то когтей... она была неподвижна, но я видел, как поднимается и опускается в такт дыханию ее грудь. У меня чуть ноги не подкосились, когда он знаками показывает мне: бери ее за руки и давай тащи. Мы принесли тело к желобу, и он показывает: бросай туда. Мы бросили, тело заскользило вниз, я боялся смотреть, но слышал, как эти, зеленые, набросились на нее. Я много видел за свою жизнь, но этого не выдержал: меня вырвало, чуть в обморок не хлопнулся...

Не очень помню, как вернулись к воротам, как вышел за ограду и сел на коня. Немного очухался по дороге и потом решил, почему даже не знаю, попробовать не пить то зелье, которое нам давали каждый вечер...

— Что за зелье? — спросил варвар, напряженно слушающий пастуха.

— Нам каждый вечер давали по ложке какого-то отвара. Слуга этого горбуна заставлял пить его и следил, чтобы мы проглотили. Я один раз схитрил, сделал вид, что выпил, он и поверил. Утром все было нормально, только я вдруг подумал: а чего это я нахожусь здесь? На следующий вечер я притворился спящим, этот человек лен-

тяй, гирканцы — они все такие, не стал меня будить. Когда я проснулся утром, то понял, что это колдовское варево нас как-то привязывало к этому месту, мы просто не понимали, что оттуда можно уйти. Я вскочил на коня и помчался на север, в горы, потому что знал, что там искать меня не будут. Потом коня отпустил и три дня шел по горам, сначала по лесу, а потом лес кончился, начались просто голые скалы. Вот сегодня вышел на это селение, весь путь не ел, попросил у них лепешку... Дальше ты видел.

— Ты не сказал имя своего хозяина.

— Лиаренус его зовут, чтоб его демоны сожрали!

— Можешь провести меня к этому помещать? — спросил варвар.

— Зачем тебе туда? — испуганно спросил пастух. — Хочешь попасть на зуб этим зеленым чудовищам?

— Ну, это мы еще посмотрим, — усмехнулся Конан. — Клянусь Кромом, скорее я скормлю им эту горбатую тварь!

— Ты прав, эта гнида должна понести свое наказание, — подумав, согласился беглец, — но мне нужно какое-нибудь оружие. Тогда ты сможешь положиться на Джилеса — так меня зовут.

— Это проще простого, — ответил Конан, — полезай на крышу и возьми меч того ублюдка, оружие ему, пожалуй, больше не понадобится.

Киммериец подсадил офирца наверх, и тот, пошарив по черепице, нащупал меч стражника. Спрыгнув на землю, пастух отстегнул у мертвеца ножны и повесил оружие себе на пояс.

— Ну вот, видишь, все в порядке,— сказал Кона́н.— Подожди здесь, пойду позабочусь о твоём ночлеге.

Когда варвар подошел к дверям таверны, он увидел, что одна из прислужниц стоит у входа и как будто ждет кого-то.

— Вот и ты, красавчик! — зашептала она, страстно прижимаясь к нему.— Куда же ты убежал от нас?

— Подожди,— оглядывая ее, ответил киммериец,— всему свое время. Скажи мне лучше, нет ли у тебя знакомых, у кого можно переночевать?

— Для тебя я все сделаю,— пропела девушка,— если ты, конечно, обещаешь прийти ко мне ночью. Вот это окно — мое.— Она указала пальцем на окно под самой крышей.

«Девчонка очень недурна,— подумал варвар, окинув ее взглядом,— клянусь Белом, ночь действительно не будет скучной».

— Я приду к тебе,— сказал он,— но только сначала устрою моего человека на ночлег.

Кона́н позвал Джилеса, дал ему горсть монет, чтобы расплатиться.

— Завтра утром приходи сюда,— напомнил он.

Глава шестнадцатая

ы такой хороший, такой сильный...— щебетала Айна

Кона́н, откинувшись на спину, думал о своем, не особенно прислушиваясь к воркованию лежавшей рядом девушки. Но что-то в ее словах насторожило его. Он рывком приподнялся на локте:

— Что ты сказала, какой лысый толстяк?

— Ты меня совсем не слушаешь, красавчик! — обиженно надула свои хорошенькие губки Айна.— Я говорила — жаль, что такие, как ты, редко бывают здесь, и что на прошлой седмице хозяин заставил меня пойти к слюнвятому толстяку, который ушел с караваном невольниц, и что...

— Вот это мне как раз очень интересно,— обнял ее киммериец.— Расскажи мне про этого толстяка.

— Дался тебе этот лысый! Он вообще-то часто здесь бывает. В тот вечер он гулял в таверне с туранцами, которые охраняли караван, им подавал вино сам хозяин. А потом мне велели идти к

нему, он был совсем пьян и заставлял меня делать всякие непотребные вещи, и еще...

— Нет, я ошибся, ничего интересного в этом нет,— перебил девушку Конан, закрывая ее рот поцелуем...

Когда, утомленная и счастливая, Айна уснула, киммериец быстро оделся и тихонько, чтобы не наделать шума, выскользнул за дверь. Крадучись, он спустился по лестнице во двор, выглянул наружу — проверить, где стража, и бесшумно прокрался вдоль стены к навесу, под которым мирно дремали лошади. Подтянувшись на руках, он одним движением очутился на крыше и через мгновение уже осматривал двор хозяйского дома, который был под ним, сразу за стеной караван-сарая.

Убедившись, что внизу никого нет, он прыгнул вниз и подошел к дому. Окна были приоткрыты — ночь стояла жаркая и душная. Варвар обошел дом, внимательно прислушиваясь к звукам, доносившимся изнутри. Наконец он нашел окно, которое искал: судя по храпу, там спал тот, кто был ему нужен. Оконные проемы были забраны крепкими решетками, но Конана это не смутило: помянув разок Нергала, он своими могучими руками, как клещами, скрутил стальные прутья и перемахнул через подоконник.

— А... кто?..— Спросонья хозяин не понял, в чем дело, а когда сообразил, было уже поздно: киммериец, зажав ему рот левой рукой, правой крепко держал его за горло.

— Закричишь — и это будет твоим последним звуком в жизни,— предупредил киммериец.— Ну-

ка, пошевели мозгами и вспомни получше про караван и лысого.

— Я тебе все сказал вечером,— захрипел хозяин,— больше ничего не знаю.

— Слушай, ты,— Конан посильнее сдвигал его горло,— чем ты поил туранцев?

Даже в темноте было заметно, как побелело лицо хозяина.

— Ну что, винодел, будешь говорить? Или, клянусь Митрой, я выжму из тебя сок, как из грозди винограда.

— Он... он велел мне... насыпать порошка.

— Кто — он? Этот толстопузый сын свиньи?

Хозяин еле дышал, он только закивал головой в ответ.

— А, чтоб тебя! — Узнав все, что ему было нужно, Конан резко повернул его голову назад, раздался резкий хруст, а киммериец, заботливо прикрыв тело шелковым покрывалом, покинул спальню.

Ранним утром истошный вопль всполошил весь караван-сарай. Айна вскочила с постели и бросилась к окну. Конан тоже проснулся.

— Что там стряслось, радость моя? — лениво спросил он.

— Какой-то переполох во дворе...

Киммериец подошел к окну и выглянул наружу. Он увидел во дворе нескольких человек, которые возбужденно переговаривались, помогая себе жестами. Среди них Конан заметил Гисана.

— Почему шум, старая лиса? — спросил он старикашку.

— Кто-то ночью свернул шею хозяину,— отзывался своим скрипучим голосом Гисан.— А ты ничего не слышал?

— Мне, знаешь ли, как-то не до того было,— сладко потянувшись, зевнул варвар.— Давай лучше собираться, путь предстоит неблизкий. Или тебе не терпится произнести прочувственную речь на похоронах?

Гисан махнул рукой и пошел в сарай будить стражников, предоставив остальным разбираться в происшедшем.

Когда Конан со спутниками выехали за ворота, Джилес уже поджидал их у обочины.

— Дай ему лошадь,— кивнул Конан одному из стражников,— он поедет с нами.

Старикашка подскакал к варвару и, перегнувшись в седле, начал что-то говорить ему на ухо.

— Твой хозяин платит мне за то, что я обещал сделать,— прервал его Конан,— а уж кого брать с собой, я решаю сам. Понял, старая задница?

Гисан недовольно покрутил головой.

— Тогда сам и делай свои дела, киммериец, я в этом участвовать не желаю!

Варвар положил ладонь на рукоять своего меча.

— А не пожалеешь ли ты потом об этом, паршивый ублюдок?

Старикашка в страхе отпрянул, но Конан, взяв себя в руки, решил не связываться сейчас с этим отродьем.

— Чтоб тебе Нергал оборвал уши и засунул в задницу,— рыкнул он на Гисана,— убирайтесь отсюда, пока я не передумал!

Старикашка остановил своих стражников, и они поспешно поскакали назад в селение. Конан с Джилесом остались одни.

* * *

Тропа, извиваясь между каменных россыпей, поднималась по холмам, и скоро за их склонами скрылись крыши селения и стены караван-сарая. Вдали вырастали четко выделявшиеся на светлом небе вершины Кезанкийских гор.

— Вон там,— указал рукой Джилес,— слева от хребта — видишь, полоска леса,— там поместье Горбуна. К вечеру мы должны достичь этого места.

Варвар молча кивнул. Он был несколько раздосадован столкновением с Гисаном. И вообще, какой демон заставил его вновь связаться с этим чернобородым и его швалью? Может быть, они просто хотят сунуть его в лапы Горбуна? Кто знает, а если это просто стовор между чернобородым и Лиаренусом, и в поместье уже ждут его появления? Во всяком случае, следует быть вдвойне осторожным.

Конан не ошибался. Как только они с Джилесом скрылись за поворотом, Гисан остановил своих спутников, направлявшихся к караван-сарая:

— Поворачивайте обратно, и быстро в поместье!

Он уже давно размышлял над тем, что, если приведет Конана к Горбуну, то Лиаренус непременно расправится не только с варваром, но и с ним самим. Советнику он, конечно, перечить не мог, но идти прямо в руки колдуна... это его тоже

совершенно не устраивало! На эту киммерийскую собаку ему, разумеется, было плевать, а вот свою голову жаль. Да еще как! Утреннее происшествие пришлось весьма на руку Гисану. Пока этот киммериец карабкается по горам, он быстрее его доберется до поместья известными ему тропками и предупредит Лиаренуса. Правда, стражники будут свидетелями его предательства, но уж это можно будет как-нибудь устроить: с колдуном он договорится, а хозяину объяснит, что все они погибли вместе с варваром. Митра животворящий, хорошо надоумил, спасибо тебе! Старикашка повеселел, прищипорил своего гнедого рысака и махнул рукой, обращаясь к спутникам:

— Давай быстрее, а то к обеду не поспеем!

* * *

— Где носит Нергал этого похотливого ублюдка? — Горбун был вне себя от ярости, когда Чернявый Эугеш не вернулся ни вечером того дня, когда ему было приказано, ни на следующее утро. — Пьет, наверное, на мои деньги, помесь свиньи и шакала!

Колдуну некогда было ворошить волшебные книги, чтобы узнать что-нибудь о судьбе своего управляющего, сегодня предстояли дела поважнее этого: вчера под наблюдением Колченогого трое рабов истолкли в порошок половину растений с его Поляны, и сегодня он добавит этот порошок в пищу своим байрагам. Завтра, уже завтра, слава богам, он сможет повести свою армию на деревни и города, и зеленая лавина его

умелых воинов затопит все пространство вокруг, и никто не сможет им противостоять!

Правда, его немного беспокоил этот гигант с черной гривой волос. Ничего, он сейчас выставит вокруг поместья посты, даром, что ли, вместе с невольниками Эугеш привел ему двадцать туранцев! Лиаренус трижды хлопнул в ладоши.

— Начальника стражи ко мне, живо! — командовал он мальчишке, который сломя голову бросился выполнять приказание господина.

— Как эти новенькие туранцы? — спросил он у невысокого, с глубоким шрамом на лице, заморийца, командира своей стражи, когда тот, запыхавшись от быстрой ходьбы, появился в комнате.

— Хорошие, крепкие и умелые парни, — отвечал тот, — я уже разбил их на два отряда, как ты и приказал, господин!

— Хорошо, пошли один из них на дорогу в селение, а другой пусть встанет дозором у подножия гор, за пастбищем. В поместье никого не пропускать! Постой, — остановил он бросившегося выполнять приказ начальника стражи, — если вам попадется очень высокий черноволосый парень, не убивать, а связать покрепче и привезти сюда!

«Ну вот, — удовлетворенно вздохнул Горбун, — теперь можно и за дела приниматься, а этот щенок, если появится, будет моим».

Лиаренусу осталось выполнить самую малость, и его байраги будут полностью готовы к делу. Он не сомневался, что они сомнут и разорвут на части любое количество воинов, но ему еще необходимо было научить их не убивать, а брать в

плен детей и женщин — иначе какой толк будет от его завоеваний, если не останется никого в живых! Ему нужны были рабы, много рабов!

Когда он появился на площадке перед отверстием в скале, через которое спускали корм байрагам, верный Карбан уже ждал его. На высоком помосте стояло кресло под балдахином, чтобы оттуда он мог со всеми удобствами наблюдать за действием.

Горбун, кряхтя, взобрался по лесенке на возвышение и скомандовал:

— Выпускай!

Двое невольников, которых Карбан взял в подручные, спустили длинную деревянную лестницу по желобу внутрь пещеры. Лиаренус поднес к губам свою дудочку и извлек из нее затейливую трель. Послышалось шлепанье множества ног, и через несколько мгновений один за другим на площадке появились двадцать мерзких темно-зеленых существ. Они выстроились в квадрат и затихли, ожидая новых приказов. Лиаренус вновь засвистел, только другим тоном, очень резким и визгливым. Байраги попадали на песок и забились в корчах, словно кто-то невидимый причинял им жуткую боль.

— Хорошо, — кивнул Карбану довольный Горбун, — они полностью подчиняются мне. — Лиаренус прекратил свист, и чудовища, поднявшись на ноги, вновь застыли в строю.

— Веди! — скомандовал он Карбану.

Колченогий махнул невольникам, те вышли за оградой и вернулись, но не одни: связанные верев-

кой, за ними понуро шли несколько невольниц. Увидев монстров, они подняли истошный крик, две девушки упали в обморок. Громилы-палачи привычно окатили их водой и, когда несчастные пришли в себя, развязали всем руки. Девушки, оцепенев от смертельного ужаса, сбились кучкой у каменной стены, закрыв лица руками.

— Начинай! — Горбун махнул рукой Карбану, а сам сыграл пару нот на своей дудке.

Подчиняясь мелодии колдуна, монстры рассыпались полукругом и стали внимательно наблюдать своими неподвижными, как у рыб, глазами за действиями подручных Колченогого. Те, схватив из группы одну из девушек, повалили ее ничком на песок и, связав сзади руки, поставили лицом к стене.

Лиаренус свистнул в дудку, монстры бросились на девушек и повторили действия палачей. Сделав это, они опять выстроились полукругом. Колдун был вне себя от восторга.

— Ты видел, ты видел? — закричал он Колченогому. — Какие умники, ну до чего же сообразительны!

— Уведите девок! — приказал он громилам и, когда те удалились, ведя за собой дрожащих и всхлипывающих девушек, опять издал резкий высокий свист. Байраги бросились на землю в корчах, и Лиаренус свистел до тех пор, пока те не затихли, не подавая более признаков жизни.

— Жаль, конечно, — процедил он, — но что поделать. Карбан, — указал он на валяющиеся на песке зеленые тела, — этих в пойло, пусть послужат

своим братьям! Девчонок оставьте здесь, они, наверное, не в себе от моих байрагов, как раз твоим недоумкам пригодятся! — залился дребезжащим смехом колдун. — А для остальных есть новенькие.

Когда горбун вышел за ограду и уже садился в паланкин, к нему подъехал всадник. Спешившись, он отвесил ему низкий поклон.

— Хозяин, на дороге к селу мы задержали шесть человек. Старший сказал, что он хочет тебя видеть.

— Хорошо, где они?

— Их привели к твоему дому.

— Домой! — приказал Горбун.

Рабы подхватили носилки и рысцой побежали в направлении к господскому дому. У ворот Лиаренус вышел и направился к лежащим на земле связанным людям.

— Ба, старый знакомый! — всплеснул он руками, узнав в одном из них подручного чернобородого советника. — Что ты делаешь здесь, шадизарский доносчик? Приехал меня убить, тварь ползучая, сын свиньи и шакала?

— Лиаренус, я здесь, чтобы спасти тебя, клянусь богами! — Старикашка заерзал по земле, пытаясь высвободиться от пут. — Прикажи развязать меня, я тебе все расскажу...

— Ублюдок, у тебя же не язык завязан, — рассмехался колдун. — Говори, я тебя слушаю.

— Я не могу говорить при всех, — умоляюще закричал Гисан, — развяжи меня, умоляю!

— Кто же нам может помешать? — продолжал издеваться над ним колдун. — Твоя охрана, что ли?

Старикашка закивал головой.

— Уберите их! — приказал Лиаренус.

Его охранники подскочили к связанным стражникам Гисана и ловкими заученными движениями острых кинжалов в мгновение ока перерезали им горло.

— Ну вот, теперь нам никто не мешает, не так ли?

У старикашки на мгновение пропал дар речи — он не рассчитывал ни на такую встречу, ни на столь решительные действия колдуна.

— Пощади меня! — взмолился Гисан, пытаясь отодвинуться от лужи крови, которая начала подтекать уже под его ноги. — Я тебе все расскажу!

— Ты и так расскажешь, — засмеялся Горбун, — у меня есть два мастера, у них ты не то что говорить — петь будешь. Отдайте его Карбану, пусть займется им, — приказал он охранникам.

Паланкин, плавно покачиваясь, проследовал в господский двор, а извивающийся под ударами стражников и вопящий от боли и ужаса Гисан — в другую сторону, в руки умелого Карбана. Старик понял, что совершил смертельную ошибку, и поэтому в его криках слышалась безысходная тоска.

Когда Лиаренус, плотно пообедав, спустился в подвал, все было кончено: окровавленный труп Гисана лежал на песке, палачи, с обычным для них дремотным выражением лица, сидели в углу, а Колченогий, вытирая руки о передник, рассматривал сапоги старикашки на предмет, не пригодятся ли они кому-нибудь еще.

— Чернобородый его не посылал, — сообщил он колдуну, — он сам решил предупредить тебя. Сюда едет могучий варвар, Конан из Киммерии. Советник послал его разыскать караван с невольницами, и сейчас он пробирается через горы к поместью. С ним еще один человек, по описаниям этого ублюдка — твой пастух Джилес. Покойник сказал, что варвар очень умелый и сильный воин и что в Шадизаре он наделал немало шума своими делами.

— Молодец! — похвалил его Лиаренус. — Старика — в пойло байрагам. А варвар скоро наткнется на моих стражников, тогда тебе придется поработать еще разок. Пока же распорядись, чтобы отряд с дороги перебрался к горам, так легче будет схватить этих мерзавцев.

После этих слов в душе колдуна зародилось смутное сожаление. «Может быть, старикашку следовало оставить в живых?.. — пронеслось в его голове. — Работал бы на меня, у него это неплохо выходило... Хотя, конечно, зачем это мне? Через несколько дней все будут моими рабами, тогда даже мой друг Карбан больше мне не понадобится...»

Лиаренус прожил довольно длинную жизнь и считал себя человеком исключительного ума, но на этот раз самонадеянность подвела старого пакостника. Выслушай он Гисана сразу — и, скорее всего, смог бы схватить киммерийца с его спутником. Колдун и не подозревал, что варвар уже находится у стен его поместья. Даже магам не следует предаваться лени и беспечности.

Слава Митре, светочу мудрости, киммериец тоже успешно рассчитал свои действия. Когда Гисан и его спутники пропали из виду, Конан с Джилесом спустились с горной тропы на равнину и, прищипывая своих коней, добрались до окрестностей поместья гораздо раньше старикашки. Остаток пути киммериец и пастух проделали по лесу так, чтобы подобраться незаметно к месту, где паслись стада Лиаренуса.

Отряд из туранских всадников они заметили, когда подошли к опушке леса — в открытой степи они были видны как на ладони. Эти места Джилес знал хорошо, здесь он провел целых полгода, гоня стадо быков в поисках свежей травы. Варвару и пастуху не составило особого труда обойти отряд, выставленный Лиаренусом, по долине небольшой речушки, заросшей кустарником и тростником. Единственное, о чем сожалел Конан, так это о лошадях, которых пришлось оставить в лесу.

«Ничего, — утешал он себя, — на обратный путь найдем каких-нибудь других кляч. Поместье богатое, придется Горбуну с нами поделиться».

В тот момент, когда Карбан выколачивал из Гисана последние слова признания, Конан и его спутник уже взбирались по склонам скал, которые окружали Поляну, так что высланный в подмогу отряд торопился напрасно, с таким же успехом можно было двигать туда целую армию: капкан захлопнулся впустую — дичь ускользнула. Солнце палило немилосердно, пот заливал глаза, но киммериец и пастух карабкались вверх, прижимаясь к нагретым камням, чтобы стражники,

которые время от времени обходили это место, их не обнаружили. У самого гребня скалы они нашли небольшую расщелину в камнях, куда и заползли, чтобы спастись от жгучих лучей дневного светила. Пещерка была совсем крохотной, но все-таки позволила немного передохнуть. Утолив жажду теплой водой из фляжки Конана, они решили подождать до наступления сумерек и уже тогда приступить к действиям.

— Клянусь Кромом, половину дела мы сделали хорошо: вроде ни один шакал нас не заметил. А дальше поступим так,— решил киммериец.— Когда стемнеет, спустимся на эту полянку и попытаемся отыскать лаз, через который ты кормил монстров. Если Митра не оставит нас своей милостью, то успеем завалить его камнями, пусть эти чудища посадят взаперти — тогда они не смогут помочь твоему бывшему хозяину. Стражников у него не так много — во всяком случае, надеюсь, что ты не ошибся. Так что можно будет пробраться в дом Горбуна, только надо все сделать без малейшего шума.

— Как ты думаешь, а не предупредил ли мага этот старикашка?

— Вообще-то, от этого ублюдка всего можно ждать,— ответил киммериец,— потому мы так и спешили. Но если он это сделал, то проклянет момент, в который появился на этот свет.

Когда сумерки спустились на землю, киммериец осторожно выглянул из расщелины. Далеко в степи виднелись огоньки костров, разожженных дозорами.

— Смотри,— поманил Конан Джилеса,— эти придурки нас все-таки ждут. Ну что ж, боги им в помощь. Давай посмотри, что внизу за оградой.

Пастух осторожно прополз к гребню скалы и глянул вниз. Там было тихо, никакого движения — казалось, внутри ограды все вымерло.

— Вроде все спокойно,— шепотом сообщил он Конану.

Киммериец смотал с пояса веревку и закрепил ее конец в камнях; второй конец он завязал узлом и сбросил вниз, веревка прошуршала по скале, и глухой шлепок известил о том, что она достигла земли.

— Бел, заступник! — прошептал киммериец и начал спускаться вниз, держась за веревку и опираясь ногами о склон. Достигнув земли, он подергал веревку, и через некоторое время к нему присоединился Джилес. Луны в этот день не было, и только свет далеких звезд освещал варвара и пастуха, которые, как призраки, с трудом нащупывая в темноте путь, пересекли Поляну и, перебравшись через стену, очутились во внутреннем дворе. Вокруг них, едва различимые в ночной темноте, чернели стены Поляны и холм. Указав на него рукой, Джилес прошептал:

— Мне кажется, это где-то там.

— Да, без огня нам придется туго,— посетовал шепотом Конан. Он напряженно вглядывался в ночную мглу, ему показалось, что слева блеснул луч света.

— Тихо,— шепнул он своему спутнику,— видишь? Там кто-то есть.

— Вижу,— так же шепотом ответил Джилес.

Осторожно, стараясь ступать легко — так, чтобы не хрустнула какая-нибудь щепка или не зашуршал камень под ногой, они подошли к узкой полоске света, которая пробивалась из-за неплотно закрытой двери в каменной стене у подножия холма.

— Подземелье,— тихо проговорил Конан.— Ты знаешь, что там?

— Нет,— ответил Джилес,— я видел тогда эту дверь, но она была заперта.

Конан, двумя пальцами захватив кольцо, чуть-чуть пошевелил дверь — на этот раз она оказалась незапертой.

Выхватив меч, киммериец рывком распахнул дверь и ворвался в помещение. У длинного деревянного стола, заставленного кувшинами, чашами и прочей посудой, стоял спиной к нему, склонив голову, какой-то человек. Он был настолько поглощен своим занятием, что не сразу услышал скрип двери, а когда обернулся, варвар был уже рядом. Крик ужаса замер у него в горле, когда он увидел Конана и вбежавшего следом за ним Джилеса.

— Только пикни — и ты мертвец! — Варвар приставил острие меча к его груди.— Кто ты?

— Это Карбан,— ответил за того Джилес,— правая рука Лиаренуса.

— Ты здесь один? — спросил Конан.

Карбан судорожно закивал в ответ.

— Запри дверь,— велел Конан пастуху,— сейчас мы с этой правой рукой потолкуем.

Он острием меча подтолкнул икающего от страха Карбана к дальней стене. Тот, припадая на одну ногу, поспешно повиновался.

— Ну, сын ехидны, рассказывай,— обратился к нему Конан.

— Чт-т-то... что в-вы хотите?..

— Все,— усмехнулся киммериец.— Прежде всего хотим знать, где зеленые чудовища, как отсюда пройти к колдуну, где стоит стража и куда делся караван с невольницами. Давай по порядку, что знаешь. И учти: если у тебя есть намерение vykнуть погромче, лучше тебе сразу же помолиться богам, потому что больше ты в своей жизни уже не успеешь ничего.

Глядя на варвара снизу вверх полными ужаса глазами, Карбан послушно закивал. Вне всякого сомнения, свою угрозу этот гигант выполнит, не задумываясь.

Карбан начал говорить. Он рассказал им и о байрагах, и о том, как выйти за ограду, и о Поляне, и о многом другом — даже о чем его не спрашивали.

— Значит, старикашка хотел вас предупредить? И где он сейчас?

— Господин велел отдать его байрагам... на прокорм...

— Быстро здесь у вас,— похвалил его Конан.— А вот как насчет остальных твоих рассказней? Допустим, ты не врешь,— почесал он затылок,— ну а как мне это проверить?

— Клянусь всеми богами, у меня и в мыслях не было обманывать.— Карбан умоляюще сложил на груди руки, преданно глядя на киммерийца.

— Что ж,— усмехнулся киммериец,— тогда бери факел, сейчас пойдем и проверим. Слова таких, как ты, не стоят и навозной лепешки, знаю я вас, шкуры продажные.

— Куда? — попятился Карбан.

— Подышать свежим воздухом, ублюдок,— процедил сквозь зубы киммериец,— а заодно покажешь байрагов.

— Дверь туда заперта, ключ у хозяина,— развел трясушимися руками Колченогий.

— Покажешь отверстие, куда сливают пищу. Ну, живо!

Конан захватил в горсть рубаху Карбана и слегка его потрянул. Зубы Колченогого клацнули, и он уже без возражений провел киммерийца и Джилеса в дальний угол двора и указал на темную дыру.

— Это здесь...

— Джилес, посмотри-ка хорошенько, это то место? — спросил Конан.

— Дверь вроде та, но вот этой ограды я не помню...

— Ну что, Карбан, врешь, значит? — не предвещающим ничего доброго шепотом произнес киммериец.

— Нет, умоляю тебя,— схватил его за руку Колченогий,— стену построили только вчера, поверь мне, заклинаю!

Конан наклонился к отверстию, в нос ударил тошнотворный запах.

— Копыта Нергала,— зажал он нос,— вроде не врет, ублюдок. Присмотри за ним.

Киммериец подошел к ограде из камней, пощупал кладку рукой.

— Еще не затвердела как следует. Посвети мне,— попросил он Джилеса.

Выдернув бревно из помоста, с которого Лиаренус сегодня днем обучал своих байрагов, варвар подковырнул основание стены, надавил, могучие мускулы напряглись; еще усилие, и стена рухнула. Конан едва успел отскочить в сторону. Глыбы камня наглухо завалили лаз.

— Так будет спокойнее,— отряхивая ладони, сказал варвар и снова повернулся к Карбану: — Ладно, теперь пойдем к твоим рабам.

— Каким рабам? — испугался Карбан.— Здесь нет никого, кроме меня.

— Джилес, напомни ему,— попросил Конан,— у приятеля нашего память, наверное, отшибло.

— Несколько огромных тупых невольников живут где-то здесь,— сказал Джилес,— я их никогда не видел в самом поместье, только внутри ограды встречал.

— Я просто забыл, забыл, совсем забыл! — заверещал Карбан.

Конан без размаха, тыльной стороной ладони, отвесил ему зуботычину:

— Тихо, падаль, не шуми! Я ведь тебя предупреждал — не врать! Выбирай, или идем к твоим рабам, или я сейчас раскидаю камни и спущу тебя в эту щель.

По тому, как задрожал Колченогий, киммериец понял, что про байрагов тот, похоже, не соврал.

— Ну, ублюдок, давай шевели копытами! Показывай, где они.

Чтобы рабы не помешали, варвар завалил камнями и эту дверь.

— Пусть отдохнут как следует, завтра им работы уже не будет. А теперь вперед, к твоему господину,— ткнул он кулаком Карбана.

— Мы не сможем выйти за ограду,— понурил тот голову,— там стражники...

— Тоже мне, напугал! Веди к воротам, а когда окажемся рядом, то скроемся в тень. Правой руке наверняка откроют не глядя!

Все прошло благополучно: железный кулак Конана мгновенно вышиб дух из привратника, а остальных стражников, обходивших ограду, киммериец укладывал рядом с ним по мере их появления. Оттащив внутрь бесчувственные тела, киммериец с Джилесом закрыли ворота на замок, и вся компания, во главе с Карбаном, направилась к господскому дому. Колченогий трясся от ужаса, как овечий хвост, и еле переставлял ноги: то, как Конан поступил со стражниками, произвело на него неизгладимое впечатление.

Дом уже затих, только одно окно под самой крышей было освещено, да у ворот двое стражников резались в кости при свете факелов.

— Кто там? — встрепнулись они, услышав шаркающие шаги Карбана.

— Это я,— ответил Карбан, в спину которому упиралось острие меча киммерийца.

— Господин, доложить о тебе хозяину? — спросил один из охранников, взяв в руки факел и

намереваясь проводить первого подручного Лиаренуса.

Свист клинка появившегося из тени Конана совпал с легким вскриком второго стражника, в горло которого вонзился нож Джилеса: похоже, военные навыки офицер утратить не успел. Киммериец отбросил ногой с дороги голову стражника и, вытащив из его холодеющих пальцев ключи, открыл ворота.

— Пойдем без доклада,— подтолкнул он Карбана.

Неожиданно для Колченогого Конан не направился к дверям, а, сжав левой рукой, как клещами, его шею, увлек за собой в сторону, вдоль стены дома. В три прыжка киммериец достиг ближайшего окна, Карбан волочился за ним, как тряпичная кукла.

— Ты знаешь расположение комнат,— шепот Конана словно удары кузнечного молота раздавался в голове совершенно ошалевшего от ужаса подручного Лиаренуса,— покажи, в какое окно можно влезть без особого шума.

— Вот... в это... здесь начинается лестница наверх,— хватая ртом воздух, просипел Колченогий.

Окна были забраны решетками, как принято в Заморе, но варвара это нимало не смутило: два мощных рывка, и железные прутья оказались у него в руках.

— Смотри за ним,— шепнул он Джилесу, а сам, подтянувшись на руках, влез на подоконник и осторожно встал на первую ступеньку лестницы.

В доме было подозрительно тихо, ни один звук не нарушал ночного безмолвия. Варвар медленно поднимался по лестнице наверх, пока не увидел узкую полоску света, которая пробивалась сквозь щель неплотно закрытой двери. Конан нащупал ручку и осторожно потянул дверь на себя. Внезапно сзади него вспыхнул яркий свет. Киммериец стремительно обернулся, хватаясь за рукоять своего меча.

Поздно!

Сверху на него упала сеть, которая, словно была живым существом, как щупальцами все ту же и ту же стягивала его руки, ноги, все тело, не давая повернуться. Конан напряг все мускулы, пытаясь противостоять ее упругим объятиям, но тщетно. Не прошло и нескольких мгновений, как он, спеленутый, словно кокон, уже висел под потолком, а снизу, в дверях, уперев руки в бока, стоял горбатый колдун и смеялся мерзким дробным хохотком:

— Ты можешь мне не верить, но я несказанно рад познакомиться с тобой, киммерийский болван! Такие образцы мне будут нужны, очень нужны! Сильный, огромный! Хе-хе-хе, вот уж обрадуются мои байраги! До чего славный корм им достанется!

Он потирал ладони, с удовольствием оглядывая Конана.

— Повиси пока здесь, сын безмозглого барана. Ха-ха, надо же, вздумал перехитрить Лиаренуса! Пожалуй, я превращу тебя в растение, так от тебя будет даже больше пользы...

— Сын верблюда! — отпарировал Конан, пытаясь хотя бы повернуться в стягивающих его сетях. Ему это не удалось, но он, слегка повернув голову, изловчился и плюнул в мага, на редкость удачно попав тому прямо в глаз. Умирать, так хоть с удовольствием!

— Ну, подожди, дикий выродок, — завизжал Лиаренус, обтирая лицо шелковым платком, — утром я тобой займусь!

Он хлопнул в ладоши, явился, протирая глаза спросонья, мальчишка и непонимающе уставился на хозяина.

— Когда рассветет, сбегаете и пришлете ко мне Карбана! А я еще посплю, пожалуй, завтра у меня много дел. Ну, а ты повиси здесь, хе-хе, — взглянув на Конана, мерзко хихикнул Горбун и ушел, закрыв за собой дверь. Он редко позволял делам отбирать свой сон.

«Кром, что же делать?.. — стучало в голове у варвара. — Проклятый колдун...»

Джилес, спрятавшись в кустах вместе с оцепеневшим от происходящего Карбаном, видел вспышку света в распахнутом окне и слышал смех колдуна, от которого его самого прошиб холодный пот.

«Киммериец попался, — подумал он, — теперь, наверное, придет моя очередь».

* * *

Конан между тем, висая под потолком в крошечной темноте, не прекращал попыток пошеве-

лить хотя бы пальцем, чтобы как-то выпутаться из сети. Не в его правилах было ждать, как бык на бойне. Однако, чем больше он шевелился, тем туже стягивалась колдовская сеть. Положение становилось почти безвыходным. Варвар попробовал последнее средство, которое у него осталось: он зубами схватил нить, которая врезалась ему в лицо и попытался перекусить ее. Отрывая кусочек за кусочком от мерзкой, пахнувшей колесным маслом веревки, он с трудом вытаскивал их изо рта, рискуя подавиться этой дрянью — тогда конец. По легкому сжатию сети он понял, что попытка удалась — одно звено разошлось. Тогда варвар напряг шею и попытался головой расширить отверстие.

Он старался изо всех сил, пытаясь лбом преодолеть сопротивление сжимавшей его сети. Веревки врезались в кожу до крови. Еще усилие, еще и еще... Конан, напрягая последние силы, теряя сознание от боли, сделал отчаянный рывок всем телом, и — благодарение пресветлому Митре! — лопнула еще одна нить. Варвар просунул голову в образовавшийся разрыв, теперь он уже мог согнуть тело. Дальше пошло быстрее: высвободив правую руку, он вытащил кинжал и перерезал проклятые путы. Теперь он висел — свободный! — схватившись двумя руками за остатки сети и не решаясь прыгнуть вниз. Он понял, что как только окажется на площадке перед дверью, ведущей в покои Лиаренуса, ему непременно помешает еще какая-нибудь колдовская штука.

«Кром, не висеть же мне так до утра, пока возьмут тепленьким, — размышлял Конан. — Еще темно, ничего не видно, как в брюхе у Нергала».

Как всегда, хорошая мысль пришла неожиданно. Киммериец вцепился зубами в остатки сети и повис, словно осиное гнездо на ветке дерева. Отрезая куски веревок, он нарастил один из концов и стал раскачиваться на нем, стараясь приблизиться к окну. Прыжок его был настолько мощен, что он улетел далеко от дома, прямо в кусты, где спрятался Джилес. Рядом с ним лежал связанный Колченогий.

— Что будем делать? — спросил варвар, поднимаясь с земли и прислушиваясь, не всполошил ли шум его падения стражу.

Было тихо. Киммериец огляделся вокруг, на востоке узкая полоска более светлого неба напомнила ему, что медлить нельзя.

— Надо убрать стражников, а когда колдун выползет из своих покоев, напасть на него, — отозвался пастух.

— Когда эта вонючка появится, то сразу увидит, что меня нет, — ответил киммериец, — а против его колдовских штук мы ничего сделать не сможем. Надо нападать врасплох и прямо сейчас, клянусь Кромом, иначе нам несдобровать.

— Тогда делать нечего, пойдем к главному входу, — согласился Джилес.

— Сколько там стражников? — тряхнул Конан Колченогого.

Тот в ответ замычал что-то нечленораздельное.

— Подожди.— Джилес вытащил изо рта Карбана кляп.— А теперь говори!

— Что вы со мной сделаете? — жалобно проблеял Карбан.— Вы не убьете меня?

— Кому ты нужен? — усмехнулся Конан.— Но если хочешь умереть своей смертью, говори, шакалий хвост, да побыстрее, у нас мало времени.

Запинаясь и выплевывая остатки кляпа, Карбан рассказал о числе стражников и где они находятся.

— Если обманул,— Конан выразительно чиркнул пальцем себе по шее,— вряд ли тебе помогут даже боги. Заткни ему рот,— кивнул он Джилесу,— и вперед.

Ночь уже отступала, становилось светлее с каждым мгновением — надо было торопиться. Конан с Джилесом решили, что на тихие действия у них времени нет, и, не скрываясь, бросились прямо к входу в дом. Варвар, увидев, что дверь не закрыта на решетку, с разбегу обрушился на нее всем телом. Запор не выдержал, обе створки с грохотом обрушились внутрь. Сладок предутренний сон — стражники очумело повскакивали на ноги, с трудом понимая, что происходит.

— Не спать на службе, ослиные задницы! — гаркнул Конан, двумя взмахами своего меча снес пару ближайших голов.

Джилес ловко проткнул третьего, тот, хрипя и захлебываясь собственной кровью, повалился на пол. Видимо, услышав шум, сверху уже бежала, бряцая оружием, подмога. Конан огромными прыжками помчался по лестнице, чтобы встре-

тить их у дверей. Это ему удалось, он очутился наверху в тот момент, когда створка наполовину распахнулась и в проеме показалась голова первого из бегущих охранников. Удар ноги, сдавленный крик. Варвар рванул дверь на себя, тело охранника упало на площадку. Конан отпрянул, острое алебарды следующего стража промелькнуло рядом с ним. Он схватил продолжавшего двигаться по инерции охранника и сбросил его вниз, под ноги Джилесу. Офицер походя рубанул бедолагу мечом по шее и мигом очутился рядом с варваром. Вдвоем они быстро расправились с двумя оставшимися в живых противниками и поспешили к покоям колдуна.

Промчавшись по длинному коридору, Конан ударом ноги распахнул дверь и очутился на площадке второй лестницы. Свисавшие с потолка обрывки веревок показали ему, что он не ошибся. Помня о том, как он провисел почти всю ночь на этом месте, варвар остановился, не решаясь двинуться дальше. Вдруг ему послышались какие-то звуки в помещении рядом. Он рванулся туда и увидел какого-то человека, видимо слугу, который тщетно пытался спрятаться, закутываясь в кипу развернутых тканей.

— Не бойся, тебе я ничего не сделаю,— киммериец схватил его за воротник.— Давай пройдишь-ка по этому месту!

С этими словами варвар вытолкнул слугу на площадку лестницы. Ничего, однако, не произошло: не было ни вспышек пламени, ни падения новых веревок, ни каких-либо других каверз.

— А, чтоб тебя! — взревел Конан и одним прыжком перемахнул площадку.

Он вышиб дверь и бросился в покои колдуна. Там было пусто. Он обожегал все три комнаты, переворачивая сундуки и диваны. Никого!

— Проклятый Горбун! Сбежал, выродок!

Киммериец был вне себя от ярости — столько усилий, и все напрасно. Он сорвал со стены изящный, отделанный перламутром и самоцветами арбалет колдуна и замахнулся, чтобы вдребезги разнести его о стену...

— Конан! — вдруг услышал он сдавленный крик Джилеса.

Он бросился на голос — офирец стоял у открытого окна и указывал рукой на поле, лежавшее между садом Лиаренуса и той частью поместья, где они были сегодня ночью. Казалось, что ветер шевелит ряды какой то высокой темно-зеленой травы, и она волнами накатывается на сад и дом колдуна. Приглядевшись, Конан понял, что это и есть монстры Лиаренуса. На них с неумолимостью лавы, текущей из жерла вулкана, двигались сотни плоскоголовых, чудовищно мускулистых, невысоких созданий. Сзади на вороном жеребце ехал проклятый Горбун и наигрывал на дудочке какую-то дурацкую мелодию из трех нот.

— Немного времени у нас еще есть. Если придется биться мечом, руби по суставам, — сказал киммериец, вспомнив наставления Нинуса, — но пока возьми вот это. — Он протянул Джилесу арбалет. — Полезай на крышу. Ты говорил, что хорошо стреляешь — попытайся выбить у него дудку.

Убить его стрелой ты не сможешь — он наверняка заколдован, но постарайся попасть в эту демонскую свирель. Он управляет с ее помощью этими чудовищами. Там в комнате, на стене, колчан, несколько стрел у тебя будет. А я постараюсь задержать их внизу. Ну, великий Кром, хоть ты и равнодушен к своим детям, но твоя помощь мне бы сейчас совсем не помешала!

Они обменялись рукопожатием — кто знает, может, следующая их встреча будет уже на Серых Равнинах, — и каждый направился на свое место.

Конан встретил лавину монстров у ворот в сад. Солнце уже показалось из-за вершин Кезанкийских гор, и его лучи заиграли на блестящем лезвии меча киммерийца.

— Ну, давай, недоносок! — крикнул Конан колдуну, становясь спиной к каменному столбу ограды и готовясь дорого продать свою жизнь, если уж так решат боги.

Первый ряд монстров, отделившись от остальных, бросился на него. Подпрыгивая, словно мячики, резвые зеленые байраги накатывались стеной. Но киммерийца не так-то легко было взять голыми руками — даже такими, как у этих чудовищ! Меч сверкал, словно молния; головы, руки, ноги монстров разлетались вокруг, как искры под молотом кузнеца. Скоро вокруг варвара выросла гора обрубков, истекавших зловонной бурой жижей. Но байрагов было слишком много. Некоторым удавалось увертываться от ударов меча, и они вцеплялись в Конана — только мощным ударом кулака их удавалось отбрасывать на землю.

Гора трупов уже мешала варвару работать мечом, и под натиском сотен чудовищ ему приходилось отступать все дальше и дальше в сад. Вот он уже уперся спиной в стену дома...

В этот момент слева от него слышались какой-то хруст и чавканье. Великий Кром! Несколько байрагов, обнаружив лежавшего под кустом Карбана, набросились на него и в мгновение ока разорвали на части. Вся шеренга, оставив киммерийца, ринулась на запах крови. Конан перевел дух и взглянул на Лиаренуса. Мерзкий Горбун гордо восседал в седле.

— Ха-ха, и тебя скоро тоже распотрошат, как куренка, глупый варвар!

Раздался свист стрелы — она летела прямо в мерзкую харю Лиаренуса. Еще миг, и она пробьет его голову! Но, будто наткнувшись на невидимое препятствие, стрела изменила свой полет. Колдун, злорадно ухмыльнувшись, взглянул на киммерийца и погрозил ему пальцем, в ярких лучах поднявшегося солнца яростным блеском играл Синий Сапфир. Конан скрипнул зубами.

— Подожди, Нергалов выродок, я все равно доберусь до тебя! — Он вновь взмахнул мечом, отражая очередную атаку четырехглазых монстров.

«Конечно же, колдун оградил себя. В коня надо стрелять, в коня! — подумал он. — Но как сказать об этом офицеру?..»

Глава семнадцатая

Джилес словно услышал его: следующая стрела, радостно прозвенев в воздухе, вонзилась в грудь коня. Тот взвился на дыбы в последнем усилии и рухнул на колени. Лиаренус, возможно, был неплохим магом, но всадником никудышным: он зашатался в седле, выронил свирель, а потом перевалился через голову коня прямо в гущу своих бойцов. Проклятая дудка умолкла, строй зеленых чудовищ развалился: некоторые из них толпой бросились пожирать трупы своих братьев, кое-кто продолжал атаковать киммерийца, а последние ряды ринулись на коня и истошно вопившего Лиаренуса, который, запутавшись в стремянах, барахтался среди плоских четырехглазых голов.

— Мой перстень! — взревел Конан, бросаясь в гущу байрагов. — Эти тупоголовые гниды сожрут его! Джилес! Джилес!

Офицер, увидев, насколько успешными оказались последствия его удачного выстрела, уже мчал-

ся ему на помощь, размахивая мечом и колошматя байрагов направо и налево.

Они прорубались сквозь толпу чудовищ, как косари на покосе. Зеленая жижа из порубленных байрагов хлестала ручьями, но их окружали все новые и новые полчища. Конан стремился как можно скорее достичь того места, где в груди зеленых тел, словно утопающий в волнах моря, то появлялся, то исчезал Лиаренус. Если он не успеет, то монстры сожрут своего родителя вместе с горбом — туда ему и дорога, но перстень пропадет в их внутренностях, а этого допустить было никак нельзя.

Помощь пришла совершенно неожиданно: сбoku на толпу налетели какие-то всадники и принялись узкими кривыми клинками крошить нападавших на них байрагов, крича при этом:

— Хозяин! Держись, мы идем на помощь!

«Туранцы из охраны,— догадался варвар,— ну что ж, пусть тоже поработают — это нам не мешает, клянусь Кромом!»

Вместе с подмогой они довольно быстро управились с остатками колдовского войска. Сотни обезглавленных трупов байрагов валялись по всему саду и около въездных ворот. Правда, люди тоже понесли потери: двоих туранцев монстры успели разорвать на части вместе с лошадьми, да и остальные получили множество рваных кровоточащих ран.

Лиаренусу не помогло даже вмешательство туранцев — наверное, боги наказали его за гордыню: когда варвар добрался до него, то Горбуна

уже, собственно говоря, и не было, чудовища рвали на части то, что осталось от их бывшего повелителя. Конан едва успел снести голову одному из них, который схватил вожака для варвара правую руку. Киммериец подхватил обрубок и, сорвав кольцо, успел надеть себе на мизинец, тут же отбив нападение следующего монстра.

Несколько байрагов еще бегали по саду, но поодиночке они были не так страшны: с ними покончили быстро.

— На колдовство надейся, а с хорошим мечом все-таки спокойнее,— довольно усмехнулся Конан, который всегда недолюбливал всяческую магию. Он оглядел поле битвы, заваленное зелеными обрубками.— Надо же, столько старался, и вот тебе, проклятый Горбун! Чего-то недодумал! Нергалово племя!

Киммериец, отирая пот со лба, оглянулся в поисках Джилеса. Тот стоял, разговаривая с туранцем, видимо предводителем всадников, пришедших им на помощь.

— Так это тебя мы должны были поймать? — крикнул он Конану.

— Наверное,— рассеянно подтвердил киммериец. После испытаний последних суток он вдруг почувствовал волчий аппетит, да и немудрено — последний раз нормально ели они еще в каравансарае.

— Послушай,— обратился он к туранцу,— как здесь насчет кувшинчика вина и чего-нибудь пожевать?

Через несколько часов довольно-таки длинный караван вытянулся вдоль наезженной степной тропы: более трех десятков верблюдов, навьюченных тюками и сундуками, туранские всадники на своих легконогих горячих конях, цепочка ишаков с поклажей, несколько запряженных круторогими быками заморийских повозок на огромных скрипучих колесах, в которых, тесно прижавшись друг к другу, сидели, еще не отошедшие от событий последних дней, стройные стигийские невольницы,— словом, всякого добра было полным-полно.

Конана это изобилие трогало мало, его оставляла равнодушным даже плата за работу, которую он получит в Шадизаре,— целых пять чаш серебра! Не это, совсем не это омывало струями блаженства его сердце. Самое дорогое сокровище было на его пальце! Он иногда останавливал коня и любовался камнем — блеск Синего Сапфира согревал его душу. Великий Кром! Действительно, внутри становилось теплее! А может быть, это действовал большой кувшин доброго вина, выпитого за обедом? Боги знают...

Конан поудобнее устроился в седле и, слегка нахвистывая, тронул поводья своего скакуна — караван змеей заползал в ложину между двух пологих холмов, прямо на диск клонившегося к западу солнца. Впереди лежал путь на Шадизар.

МИР ОРУЖИЯ

В то нелегкое, воинственное и жестокое время, каким, без сомнения, являлась Хайборийская эпоха, особенно при жизни Конана-киммерийца, оружию была присуща особая роль. Оно было неизменным спутником не только воина, наемника, но любого мужчины, а зачастую и женщины. С помощью оружия разрешались любые споры, с его помощью отстаивали свою правоту, а порой жизнь и имущество. Человек, не владеющий бойцовскими приемами, не умеющий пользоваться клинком, во многих странах, особенно на Востоке, подвергался всеобщему презрению, и лишь более культурные хайборийские державы, такие как Аквилония, были исключением из правила, хотя и там зачастую воин с оружием в руке, и уж тем более барон, предводитель отряда вооруженных наемников, сам устанавливал законы, которым обязаны были подчиняться более слабые, невзирая ни на какие королевские указы и повеления.

Существовал настоящий культ холодного оружия, меч считался одним из главных божественных атрибутов. Так, Митра Жизнетворящий изображался держащим в правой руке клинок из переплетенных солнечных лучей, а другая ипостась этого божества — Митра Карающий, который приобрел особое значение в годы правления короля Конна Первого — держал обоюдоострый огненный меч.

По сравнению с остальными видами холодного оружия, мечу принадлежит несомненная пальма первенства в Хайборийском мире, и там есть несколько объяснений. Прежде всего, меч — идеальное оружие для ближнего боя. Разумеет-

ся, для некоторых конкретных целей иные виды вооружений могут быть более пригодны: так дезарконнер годится, чтобы стаскивать всадника с лошади, пика позволяет не подпустить противника на близкое расстояние, кинжал, наоборот, позволяет орудовать, когда это расстояние сокращено до минимума, и так далее, однако меч, вне всякого сомнения, является наиболее универсальным орудием убийства.

И все же это не означает, что современники Конана пользовались только им.

Прежде всего, налицо значительное разнообразие вооружений у жителей севера и юга, запада и востока, и в этом нет ничего удивительного. Разве можно сравнить передовые для тех времен технологии Аквилонии и Немедии, где во времена Киммерийца уже умели выплавлять неплохую сталь, с отсталыми культурами Черных Королевств, где копье, зачастую с кремниевым наконечником, было единственным оружием. С другой стороны, совершенно разный образ жизни разных народов также накладывал свой отпечаток. Так, на востоке, среди кочевников, наибольшим почетом пользовался лук, а из оружия ближнего боя — изогнутая сабля, что неудивительно при сравнительно легких доспехах. Напротив, если принять во внимание прочные латы, столь популярные в странах запада, неудивительно, что там такую популярность завоевали тяжелые мечи-двуручники, способные разрубить любую броню.

Однако и эти различия еще не дают полного представления о всем разнообразии воинского снаряжения хайборийцев. Каждый мастер-оружейник имел свои, тщательно хранящиеся секреты. Каждое государство культивировало свой подход к оружию, развивало вполне определенные его разновидности. Так, по всему миру славились боссонцы с их огромными, больше человеческого роста, луками. Туранцы гордились владением кривыми саблями. Немедийцы пользовались в основном короткими мечами. Северяне — тяжелыми двуручниками. Зингарцы — легкими ламирами и короткими кинжалами-дагами. Невероятным было разнообразие экзотических видов метательного оружия в Кхитае и Вендии.

Существовало также оружие узко целевого назначения: парадное, ритуальное, охотничье. У наемных убийц имелся свой специфический арсенал...

Мы надеемся, что предлагаемая вниманию читателей Энциклопедия вооружения Хайбории позволит вам составить наиболее полное представление обо всем многообразии воинского снаряжения этой эпохи. Снабженная красочными иллюстрациями, она приглашает вас совершить увлекательное путешествие в прекрасный и смертоносный мир оружия!

А

Алебарда, колюще-рубящее оружие в виде копья, на конце которого крепится топор или секира. Находилась на вооружении пеших воинов ряда хайборийских стран, таких как Аквилония, Немедия, Офир.

Чаще всего А. вооружались не регулярные войска, но дворцовая стража. Так, в «Немедийских хрониках» упоминаются вооруженные А. телохранители короля Нимеда.

В тех редких случаях, когда А. брали на вооружение наемники, на обухе топора часто делались крючья для стаскивания с седла противника. Однако такое оружие не считалось достойным воина и значительно уступало в популярности мечу.

Альшпис, распространенное в Немедии и Бритунии короткое копье с дискообразным ограничителем.

Амент, приспособление для увеличения дальности метания дротика, представляет собой ремень, который привязывается у основания дротика и завязывается вокруг древка, образуя дужку; нередко он состоит из двух связанных узлом ремней для того, чтобы можно было по мере надобности увеличить или уменьшить его длину, что делалось обычно перед битвой. На древнеаквилонских изображениях А. прикрепляется посреди древка или, по крайней мере, в центре тяжести оружия, так что его положение зависит от веса наконечника. Боец располагает его там, где ему кажется лучше. При метании в дужку ремня просовывается указательный (или указательный и безымянный) палец.

Ангон, метательное копье, распространенное в Гандерланде; при необходимости применялось и в рукопашном бою. Наконечник А. железный, с остриями, загнутыми вниз, кривые острия не позволяли вытащить А. из раны; если же А. попадал в щит, то повисал на нем и мешал пользоваться щитом, а воин в это время поражал противника секирой или мечом.

В некоторых северных аквилонских баронствах А. являлся также регалией местных правителей, которые держали его в правой руке в момент торжественного вступления в права владения.

Анелас, короткий меч, распространенный в Зингаре и Аргосе. Имеет широкий клинок, резко сужающийся к острию.

Арбалет, самострел, метательное оружие в виде мощного лука, укрепленного на деревянной ложе (станке), что позволяет вести более точную стрельбу, принципиально отличающаяся от лука по способу прицеливания.

Стрельба из А. ведется болтами — это короткие стрелы с кожаным или деревянным оперением (или без него).

Первые А. в хайборийских странах появились за 150 лет до правления Конана-киммерийца. Сразу после возник-

новения А. подвергался проклятиям жрецов Всеблагого Митры, как «противное Небу оружие», и долгое время в силу этого не был распространен среди регулярных войск. Однако в последующие десятилетия А. не только не вышли из употребления, но напротив, получили повсеместное признание.

Типичный А. состоял из деревянной ложи с прикладом, позволявшим вскидывать его на плечо. В ложе был устроен продольный желобок, куда клали короткую тяжелую стрелу (болт). К противоположной прикладу оконечности ложи прикрепляли лук, сделанный из рога, деревянных пластинок, стянутых жилами, либо из стали. Крепкую толстую тетиву обычно сплетали из воловьих жил или пеньки. Натянуть ее руками было очень сложно.

В зависимости от способа взведения тетивы А. делились на три основных типа. У наиболее простого тетиву натягивали с помощью приставного железного рычага, называвшегося «козья нога». У более мощного А. тетиву натягивали зубчатым механизмом. А самым грозным и дальнобойным был А., снабженный воротом — блочным устройством с двумя рукоятками.

Каждый последующий из названных типов был совершеннее предыдущего, но требовал больше времени на перезарядку. Поэтому численно преобладали А. первого типа. «Козья нога» висела на толстом широком кожаном поясе, соединенная с ним металлическими заклепками. Ею цепляли тетиву, ногой упирались в стремя на конце ложи за луком и, откидывая корпус назад, взводили А. в боевое положение. От случайных выстрелов избавлял предохранитель, а специальная защелка не позволяла стреле выпадать из А. при опускании его вниз.

Аринак, длинный кинжал (или короткий меч) со специфическим ограничителем. Он имеет древнее происхождение, восходящее едва ли не к Валузийской эпохе. Распространен в Гиркании, Туране, Вендии и Иранистане и сложился в двух вариантах формы клинков: треугольный с несколькими

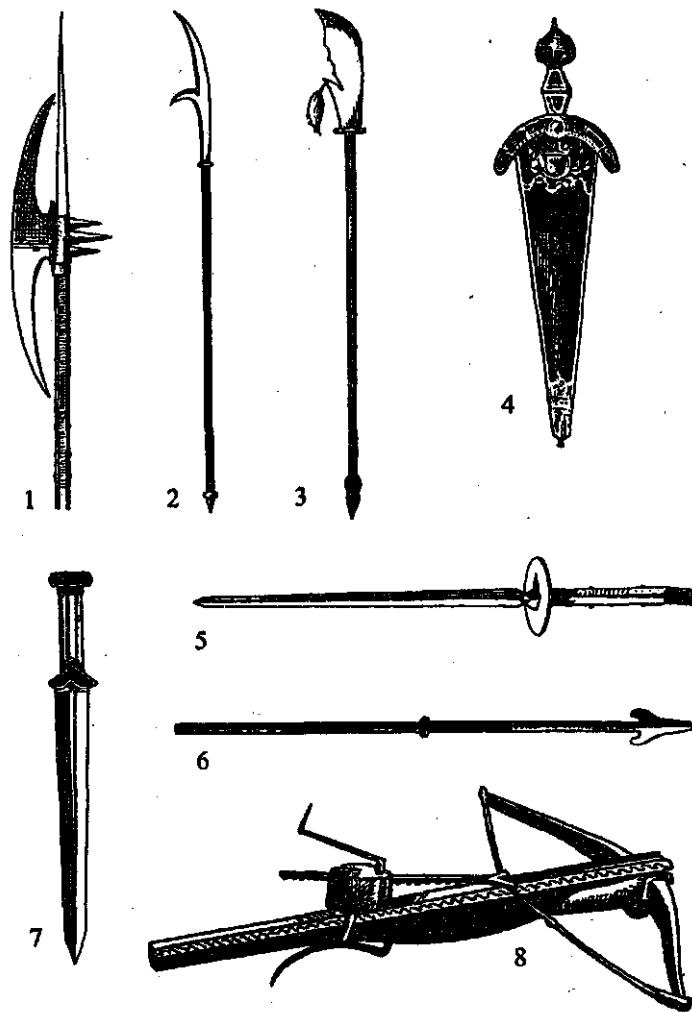

тонкими долами (характерными для иранистанских клинков) и с параллельными лезвиями, плавно сходящимися к острию, с ребром или ромбического сечения.

Широчайшее распространение А. получили в степных районах, где они являлись, помимо прочего, важным социальным показателем в обществе, обозначая принадлежность к сословию воинов, военной аристократии.

Однако А. были известны не только в степях, но и в среде оседлых народов Востока, туранцев и вендийцев. Рядовые вендийские А. отковывались целиком из железа. В длину они достигали около 30–40 см, имели «почковидные» и «бабочковидные» перекрестья, брусковидные наконечники, плоскую рукоять. Лезвия плавно изгибались к заостренному концу. А., производимые в разных регионах, имели схожие признаки, однако способы их ношения у разных народностей были различными. Так, например, обитатели Иранистана носили их на правом боку. Специфика юго-восточного способа ношения А. заключалась в том, что его всегда привязывали к ноге за нижний конец ножен. Туранский А. за единственную верхнюю лопасть крепился к поясу. У гирканцев А. привязывали к правому бедру (и дополнительным ремешком к поясу), что и породило специфическую форму гирканских ножен — с двумя парами выступов в верхней и нижней части. У некоторых степных племен он, по древней традиции, подвешивался на животе, а также на правом или левом боку за одну, реже и вторую (но на той же стороне ножен) лопасть.

А. долгие годы господствовал на всей территории Востока, будучи распространен до границ Кхитая и влияя на развитие кхитайского оружия. Он часто украшался в «зверином» стиле, т. к. бронзовое литье давало для этого неплохие возможности. Наряду с общераспространенными наконечниками — брусковидными, когтевидными, а также волотообразными, с завершениями концов в виде орлиных голов, характерных для степного пояса, в виде двойных голов животных, смотрящих друг на друга (или в разные стороны), как делали в Иранистане, в Туране часто встречаются наконечники в виде целой фигуры животного.

1-3 — алебарды; 4 — анелас; 5 — алышпис; 6 — ангон; 7 — аринак; 8 — арбалет

Арит, широкий серп на двуручной рукояти; оружие, распространенное на Антилийском архипелаге.

Б

Багор, длиннодревковое оружие, имеющее копьё и крюк, что позволяет колотить им и цеплять, часто использовался как abordажное оружие.

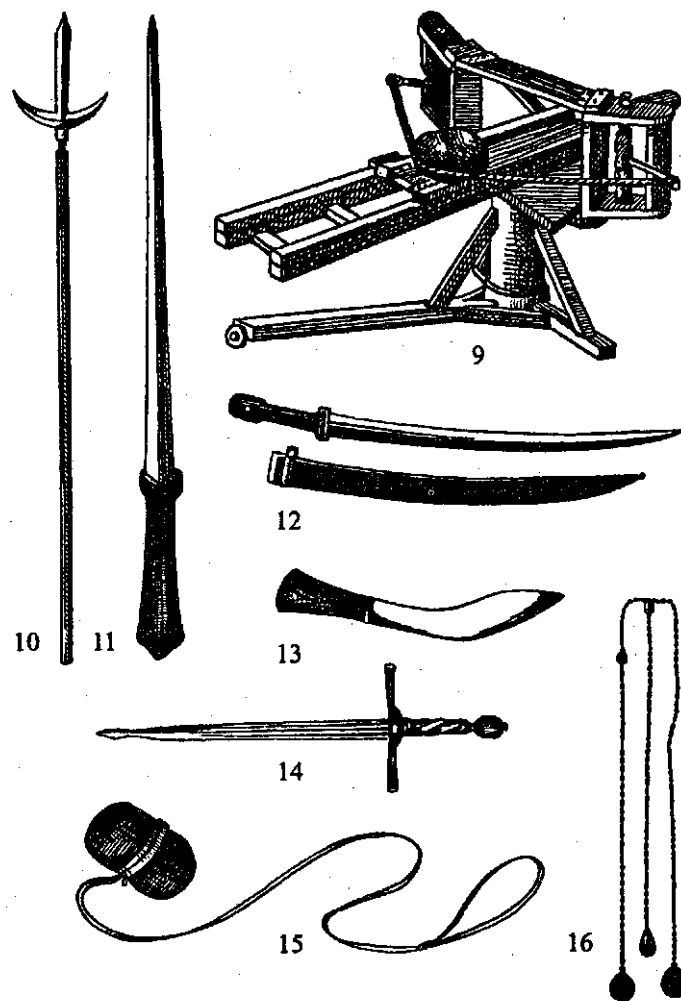
Баллиста, метательная машина для настильного метания снарядов; предназначалась обычно для разрушения крепостных стен и поражения защитников крепостей. Существовала с древнейших времен. Приводилась в действие силой упругости скрученных волокон (сухожилий, веревок, волос и т. д.). Снарядами для Б. служили массивные камни, заостренные, окованные железом бревна, тяжелые стрелы, копья, бочки с горючей смесью и др. Дальность метания 200–1000 м (в зависимости от массы снаряда). Брошенное Б. на 300 м окованное железом бревно пробивало четырехрядный частокол.

Баллок, бритунский кинжал, имеющий прочный длинный и узкий клинок.

Басселард, длинный мечевидный кинжал, распространен в Пуантене и южной Аквилонии.

Бербут, кривой кинжал с обоюдоострым клинком, распространенный в Иранистане. Носится в деревянных ножнах, обтянутых кожей и покрытых лаком. Ножны крепятся на пояс при помощи кольца.

Болантин, небольшой камень, кость или кусок тяжелого твердого дерева, привязанный к длинной легкой веревке; метательное оружие. Снаряд метается в цель, другой же конец веревки удерживается при себе. Является предшественником болеадорса.

9 — баллиста; 10 — багор; 11 — баллок; 12 — бербут;
13 — болхо; 14 — басселард; 15 — болантин;
16 — болеадорс

Болеадорс (также болас, боло), метательное оружие, представляющее собой веревку длиной 1–1,5 м с привязанными к ней грузами (камнями, шарами и т. п.). При броске веревка обвивает ноги жертвы, она падает и ее добивают. Охотник с этим оружием называется болеадором.

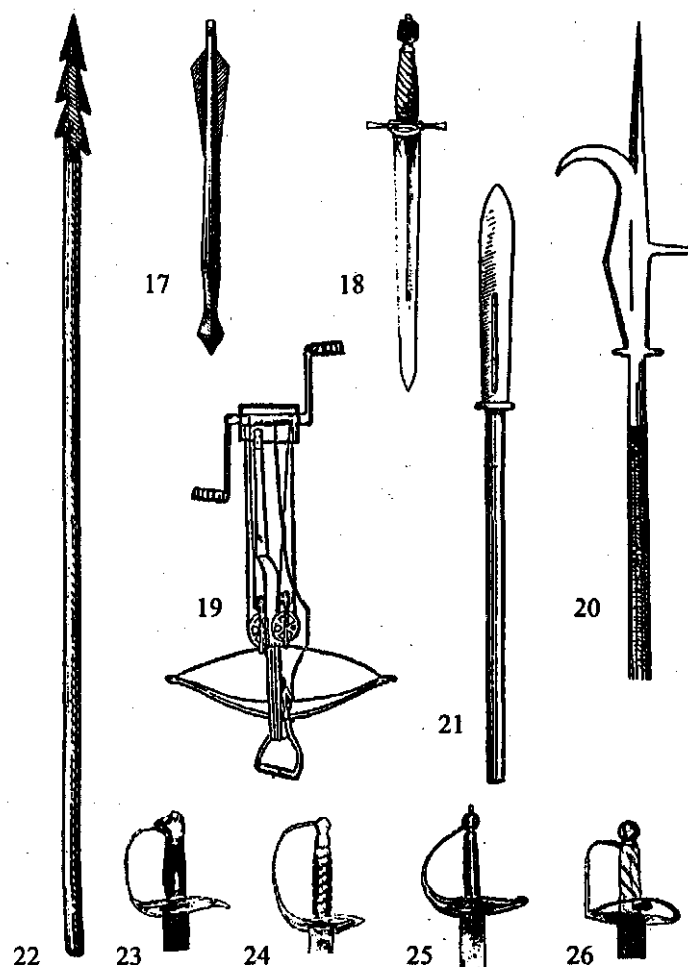
Болт, метательный снаряд, применяемый для стрельбы из арбалета (самострела). Состоит из тела (древка), наконечника и оперения (или без него). Тело болта может быть деревянным или металлическим. Форма и вес Б. всегда основывались на точном расчете.

Длина древка зависела от точности лука. Для дальноточности важнейшим требованием было правильное расположение центра тяжести. У короткого Б. с длиной древка до 35 см центр тяжести, как правило, располагался точно на расстоянии одной трети от наконечника, при большей длине — обычно на расстоянии одной четвертой. Центр тяжести проверялся на каждом экземпляре и подгонялся путем подрезания нижнего конца древка. Обычно Б. имели грубо кованые наконечники четырехгранного сечения.

Часто Б., даже очень тяжелые, не имели оперения, однако в разных странах и в разные времена мода менялась. Оперение изготавливали из различного материала: для обычных боевых Б. — из грубой деревянной стружки, в Аргосе — из кожи, в Аквилонии — из металла.

Аристократы использовали для охоты Б. с оперением из тонких пластин слоновой кости или лебединых перьев. Направление оперения было прямое или спиральное, под углом к оси древка, благодаря чему Б. получал в полете вращение, что повышало точность выстрела.

Если у боевых Б. формы, в общем, мало различаются, то у охотничьих, в зависимости от величины и вида дичи, применялись самые разнообразные формы наконечников. Различают колющие Б. с железными легкими наконечниками, применявшиеся для охоты на крупную пернатую дичь, а также тяжелые и острые, исключительно для поражения крупных животных.

17 — болт; 18 — бордолис; 19 — ворот; 20 — брилл;
21 — «волобий язык»; 22 — гарпун;
23–26 — гарды

Болхо, кхитайский нож с обратным (ятаганным) изгибом клинка и заточкой по внутренней стороне.

Бордолис, небольшие кинжалы, производившиеся в Пуантенском городе Бордиоле.

Брилл, разновидность алебарды, обычно имеет отходящие в стороны шипы или крючья.

В

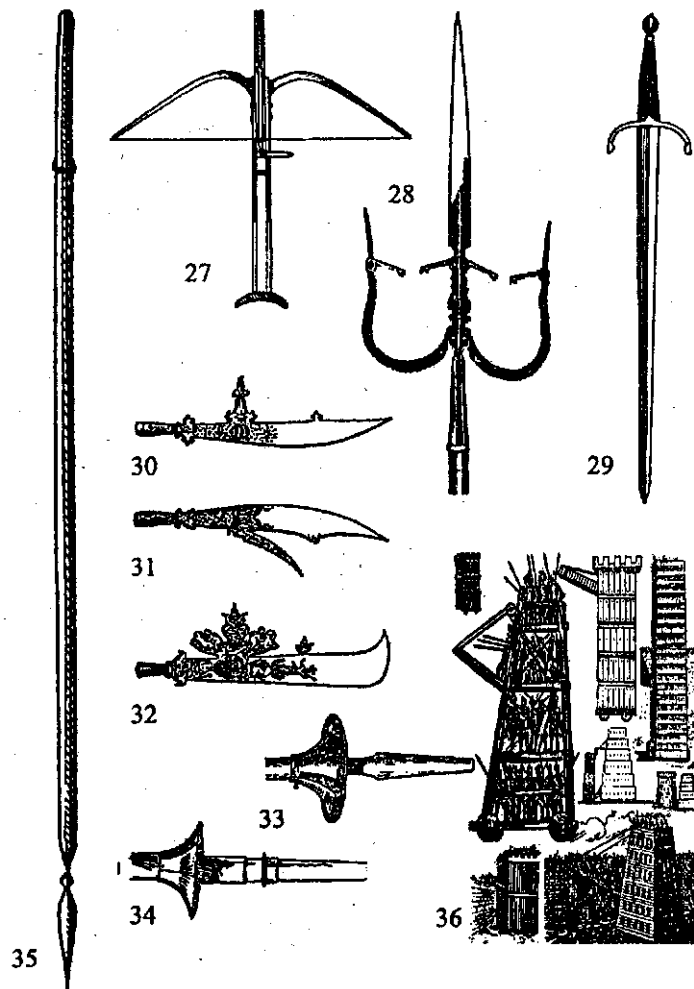
«Воловий язык», широкий мечевидный обоюдоострый клинок на древке. Был широко распространен в Аквилонии и Зингаре во времена короля Конна Первого.

«Волчок», общее наименование различных видов оружия, изготавливаемого знаменитой семьей немедийских мастеров из Торского баронства, которые метили свои изделия клеймом в виде бегущего волка. Качество этих клинков было очень высоким, и со временем термином «В.» стало обозначаться любое высококлассное немедийское холодное оружие.

Ворот, блочное устройство с двумя рукоятками для натягивания тетивы арбалета.

Г

Гарда, у длинноклинкового оружия составная часть эфеса. У короткоклинкового оружия аналогичная деталь называется ограничителем. Назначение Г.— предохранять руку от соскальзывания на клинок и защищать ее от удара противни-

27 — гастрфет; 28 — дезарконнер; 29 — дага;
30-32 — глей (клинок); 33, 34 — диск защитный;
35 — джерид; 36 — гепалия

ка. Основные виды Г. можно свести к нескольким типам: крестовина, дужка (дуга), щиток, полукорзина, корзина, получашка, чашка (чаша). Часто применяются комбинации из перечисленных Г., что дает большое количество различных их вариантов.

Гарпун, метательное орудие — копье с острым зубчатым наконечником из камня, кости, металла.

Гастрарет, «оружие, натягиваемое при помощи живота», предшественник арбалета, тетива натягивалась двумя руками с упором приклада в живот или грудь.

Гвизарма, длиннодревковое оружие, снабженное прямым длинным клинком для поражения противника и вторым искривленным клинком для перерезания сухожилий у лошади противника.

Гепалия, высокая деревянная башня на колесах, служащая для проникновения в осаждаемую крепость. В стенках делались большие бойницы; на нижнем этаже помещались бойцы, передвигавшие Г., и материалы для работ, здесь же помещался резервуар с водой для тушения пожаров; на верхних этажах находились опускаемые мостки, по которым осаждающие переходили на стены осаждаемой крепости. Г. была изобретена и впервые применена в Коринфии, однако ввиду сложности изготовления не получила особого распространения в Хайбории.

Глей, длиннодревковое хайборийское оружие с мощным клинком, на обухе которого расположены дополнительные элементы для задержки оружия противника или стаскивания его с лошади.

Голейна, коринфийский кинжал с широким клинком, равномерно сужающимся к острию. Рукоять деревянная, имеет развитое навершие со шляпкой.

Д

Дага, кинжал, предназначенный для левой руки, в то время как в правой находится длинноклиновое оружие. Д. предназначена для защиты, а также для нанесения ответных ударов и уколов. Наибольшее распространение Д. получила в Зингаре. В Аргосе несколько позже возникли Д. с особым устройством: при нажатии на кнопку клинок под действием пружины раскладывался на две или три части, что позволяло без труда поймать оружие противника и обезоружить его.

Дагасса, длинный зингарский кинжал с копьеобразным клинком. Имеет при основании клинка выемки для пальцев.

Двуручный меч, меч, имеющий рукоять, рассчитанную на хват обеими руками. Длина его доходила до 2 м. Носился чаще всего без ножен на плече, однако здесь не существовало установленных правил. Д.м. был, в частности, излюбленным оружием киммерийцев в передних рядах их массивного боевого построения; назначением его было перерубать и сбивать длинные копья гандерландцев. В остальной части Хайбории это оружие как боевое не прижилось из-за его немалой тяжести и осталось отличительным признаком наемников-северян.

Двуручный топор, топор на длинной рукояти, позволяющей широкий хват двумя руками.

Даусторонний топор, топор, у которого вместо обуха находится второй клинок, аналогичный первому.

Даусторонняя секира, секира с двумя симметрично расположенными клинками.

Дезарконнер, трезубец со складными боковыми остриями-зашелками. Когда шея или рука противника попадала

между зубьями, острия зашелкивались, задерживая захваченную часть тела. Излюбленное оружие немедийских наемников.

Джерид, короткое метательное копьё с тонким древком, похожее на дротик. Носилось в небольшом поясном колчане (джиде) на левом боку воина. Особенно распространено в Кофе и Шеме.

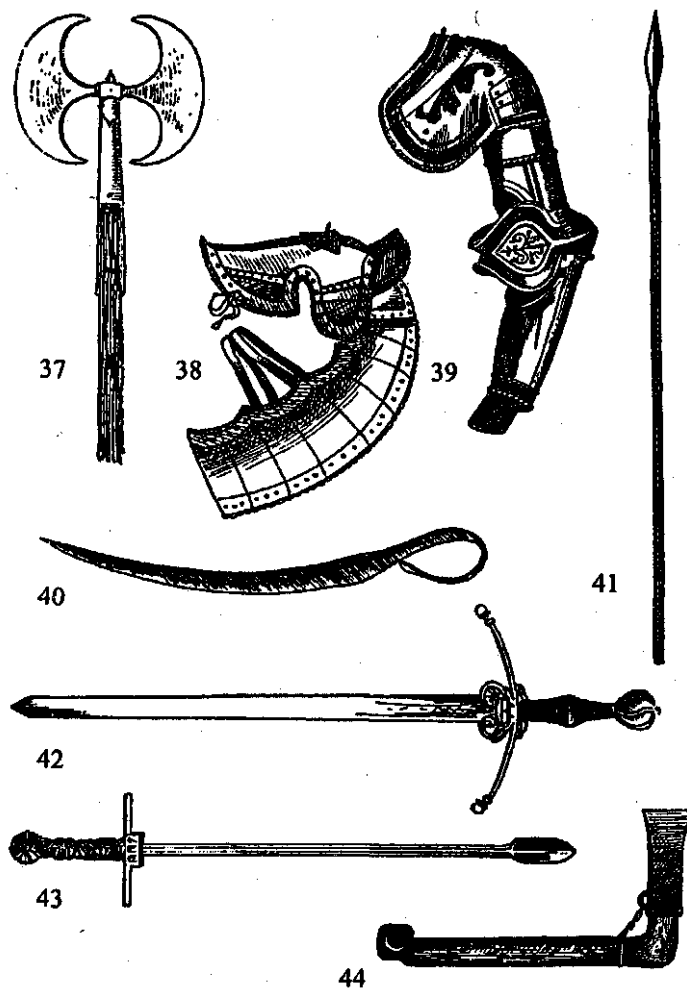
Диск защитный, приспособление в виде плоского металлического диска, предохраняющее от ран руку, держащую древко копья. Позже Д. з. приобрел форму конуса.

Дротик, короткое метательное копьё с каменным, костяным или металлическим наконечником. Для повышения дальности метания применялась ременная петля, увеличивающая силу броска. Д. с железным наконечником состояли еще на вооружении армий Древней Валузии. В состав войска Конана-киммерийца, короля Аквилонии, входили специальные отряды дротикометателей, которые действовали в рассыпном строю и наносили первый удар по боевым порядкам противника, подготавливая наступление.

Дюсак, вид сабли с широким, коротким, несколько изогнутым клинком, с лезвием на выгнутой стороне клинка, постепенно подходящим к обуху, при соединении с которым оно образует острый конец. Хвостовик клинка, изгибаясь, образует своеобразную рукоять с гардой. Распространен у казаков реки Запорожки.

3

Защитное вооружение, средства защиты воинов в бою. К 3.в. относились: головные уборы (шлем, шишак и др.),

37 — двусторонний топор; 38, 39 — защитное вооружение;
40 — дюсак; 41 — дротик; 42 — двуручный меч;
43 — «кабаний меч»; 44 — келта

тельные доспехи (панцирь, броня, латы, кольчуга, зеркало, и т. п.), различные детали (нагрудник, бармица, наручи, поножи, рукавицы и др.) и щиты. В частности, шишак представлял собой защитный головной убор из железа, стали или меди. Состоял из венца, тулеи и трубки-навершия с «яблоком» или «шишкой» (отсюда название) на острие. К венцу шишака крепились козырек, науши, наносник, назатыльник, бармица. Применялся первоначально в восточных странах, позднее — в хайборийских державах. Для защиты боевого коня использовалась плотная ткань с нашитыми на нее металлическими кольцами или пластинами.

К

«Кабаний меч», охотничье оружие с прямым длинным клинком. Возник в Немедии, как явствует из названия, для кабаньей охоты. Рукоять его сходна с рукоятью кавалерийских мечей, а клинок приблизительно на три четверти длины имеет вид стрелы, затем резко расширяется, превращаясь в полосу, и заканчивается острием. Очень часто поперек клинка вставляли железный рог, загнутый концами к острию, чтобы препятствовать слишком глубокому проникновению в пасть зверя.

Карабела, популярное в Заморе длинноклинковое оружие с крестовиной, концы которой загнуты в сторону острия. Может иметь прямой или слегка искривленный клинок.

Катапульта, метательная машина, приводимая в действие силами упругости скрученных волокон (сухожилий, волос, ремней и т. п.). Предназначалась для метания по крутой траектории камней, ядер, стрел и др.

Квилон, кинжал, представляющий собой уменьшенную копию рыцарского меча.

Келава, оружие ударного действия в виде стержня (деревянной рукоятки) с каменной или металлической головкой. Разновидность палицы, булавы.

Келта, древнее вендийское рубящее оружие — полый внутри бронзовый топор с коленчатой рукоятью. Был особенно распространен на севере страны.

Кинжал, обоюдоострое короткоклинковое оружие. В Хайбории издавна распространены К. двух основных типов: прямые и изогнутые.

К. первого типа представляют собой оружие с прямым обоюдоострым клинком, резко сужающимся к острию, и короткой своеобразной рукоятью. Деревянные ножны обтянуты кожей, обычно украшаются металлическим прибором.

Стальные клинки этих К. имеют лезвия, параллельные друг другу, которые к острию резко сужаются. Для усиления боевых качеств клинков их отковывают с выступающей средней частью или с ребрами жесткости, а для облегчения веса вдоль ребер делают доли. Рукоятки К. имеют расширенное основание, удлиненную головку, узкий черен, они изготавливаются из кости или рога, цельными или составными, а их загвоздки, шляпки, прокладки под шляпками и другие накладные детали делаются из металла. Нередко рукоять оковывается металлом целиком. На обратной стороне ножен обычно имеется гнездо для подкинжального ножичка.

Изогнутый К. отличается от прямого только тем, что конец его клинка изогнут. Соответственно с этим устроены и ножны. Однако изогнутые К. распространены в значительно меньшей степени, чем прямые.

Все К. хайборийских народностей имеют некоторые весьма характерные различия в форме клинков, долов, рукоятей, отдельных деталей прибора. Для определения национальной принадлежности К. более важным является украшение или орнаментация и способ ее исполнения.

Аквилонские К., наряду с обычными, имеют и особую форму: клинки у них довольно короткие, клиновидной фор-

мы, рукояти имеют небольшую полуовальную головку. Клинки аквилонских К. обычно украшены в средней части накладными пластинками, обрамленными золотой или серебряной насечкой.

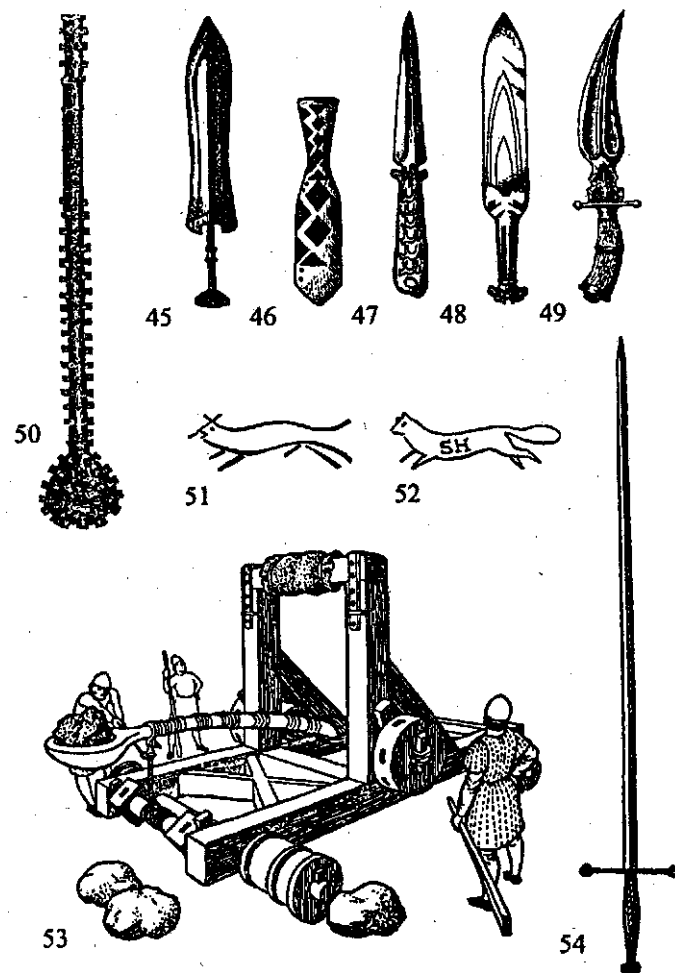
Серебряный оклад рукоятей и ножен художественно украшен сплошным крупным растительным или цветочным орнаментом, нередко с позолотой.

Немедийские К. по форме схожи с аквилонским, хотя и имеют более длинный клинок. Украшаются гораздо более скромно, позолота и растительный орнамент не используются. Основным декоративным элементом является клеймо мастера на лезвии.

Аргосские и зингарские К. отличаются от общехайборийских лишь в деталях. Так, у них удлиненные головки рукоятей, на ножнах имеются небольшие треугольные выступы с краями, обрезанными наподобие восточной арки. Детали прибора аргосских К. изготавливаются в основном из стали и украшаются крупным стилизованным растительным орнаментом, нередко сочетающимся со стилизованными же надписями, исполненными золотой или серебряной таушировкой. Эти драгоценные металлы часто употребляются одновременно. У зингарских К. металлические детали прибора сплошь украшены мелким стилизованным растительным орнаментом.

Коринфийские К. отличаются от прочих главным образом орнаментом, исполненным как на самих клинках, так и на приборе. В этом орнаменте используются растительные, несколько геометризированные элементы, а также арки, извивающиеся ветки с редко расположенными стилизованными листками. Кроме того, сюда же вносятся переработанные элементы своеобразного широко распространенного в коринфийском прикладном искусстве прорезного орнамента.

Офирские К. по праву считаются лучшими на Востоке и высоко ценятся за его пределами как по изяществу самой конструкции, так и по исключительно выдающемуся мастерству и художественному исполнению.

45-49 — кинжалы; 50 — келава; 51, 52 — клейма;
53 — катапульта; 54 — кончар

Офирские К. имеют исключительно благоприятное соотношение длины клинка с его шириной и с размерами рукояти. Помимо тонкого расчета размеров, эти К. имеют некоторые отличительные особенности в деталях: так, офирские клинки обычно изготавливаются по так называемому эренскому образцу — однодолные, когда глубокий дол с правой стороны расположен несколько выше, чем дол на левой стороне. Такая конструкция обеспечивает наибольшую жесткость клинка и делает его наиболее легким. В долах, когда их делается по несколько с каждой стороны, часто травлением наносится узор, напоминающий рисунок сварочной стали. На клинках эренского типа пространство между долами и лезвиями подвергается воронению в виде широких полос. Головки рукоятей К. делают значительно удлиненными, несколько сужающимися к их закругленному верху. Металлический прибор ножен (устье с обоймицей и наконечник), а также часто применяемая сплошная металлическая оковка рукоятей и ножен, сочетающаяся иногда с костяными вставками, обычно украшаются мелким стилизованным растительно-цветочным орнаментом, создававшимся в течение многих столетий златокузнецами Офира. Техника украшения К. аналогична технике украшения офирского оружия с длинным клинком.

Туранские К. хорошо иллюстрируют разнообразие форм К., изготавливающихся на Востоке, так, например, в Аграпуре изготавливались К. с прямым обоюдоострым клинком западного типа. Их рукоять и ножны также имеют западно-хайборийские элементы. Клинок украшен оброном, а прибор — росписью цветной эмалью. На клинке и приборе воспроизведен стилизованный растительный орнамент. Одним из центров производства оружия на Востоке был Хауран, где наряду с местным производством клинков в большом количестве производилась сборка и украшение оружия, для которого использовались иностранные клинки.

К. местного производства, а также иранистанские и вендийские клинки в хауранской монтровке украшены накладным серебром или золотом с тем же чеканным растительным орнаментом — цветы яблони, — как и все хауранское холод-

ное оружие. При этом также широко использовались бирюза и другие самоцветы.

В Туране большое распространение имеют К. двух типов: а) К. с изогнутым клинком и рукоятью, с широкими плоскими головкой и основанием и тонким черенком и б) К. с прямым клинком и утолщенной рукоятью.

Клинки К. первого типа редко орнаментируются, но если они украшаются, то обычно золотой или серебряной насечкой с одной или обеих сторон. Рукояти и ножны их, изготовленные из дерева, обычно сплошь покрываются металлом (медь, серебро), часто с чеканным или гравированным орнаментом, иногда в сочетании с цветными камнями.

У К. второго типа стилизованный растительный орнамент на клинках выполняется оброном. Рукояти часто делаются из кости и местами оковываются чеканными медными или серебряными накладками, а ножны обычно сплошь покрываются тонким металлическим листом с гравированным или чеканным орнаментом.

Шемские К. по своим общим формам близки к туранским, но имеют меньшую длину и меньший изгиб клинка. В то же время ножны их отличаются резким изгибом у конца. Рукояти шемских К. более плоские, с арковидным завершением. Часто рукояти и ножны отделаны металлом, украшенным своеобразным орнаментом, с вплетением в него различных надписей.

В Иранистане распространены К. национальной формы и К. среднеазиатского типа с изогнутым клинком.

Иранистанские К. конструктивно сходны с туранскими, но они более изящны и несколько меньше по своим размерам. Их клинки имеют более резкий изгиб и на конце обычно утолщаются для усиления боевых качеств. Рукояти изготавливаются из слоновой кости или темного рога, а деревянные ножны оклеиваются кожей. Прибор обычно отсутствует, даже портупейное колечко делается не всегда.

Клинки всех К., изготавливающихся в Иранистане, обычно украшаются золотой насечкой или гравировкой мелким растительно-цветочным орнаментом, нередко пята украша-

ется изображением животных (излюбленная тема — лев, терзающий лань). На костяных рукоятках вырезается орнамент: стилизованные надписи, бытовые сцены.

Кхитайские К. по конструкции сходны с мечами, делаются одинарными и двойными, но значительно короче мечей. Клинки у них узкие, длинные, обоюдоострые, с ребром жесткости, идущим вдоль всей средней части. Рукояти слегка выпуклые, в средней части простые деревянные или искусно перевитые тесьмой. Головка и нижняя оковка рукояти с крестовиной и едва заметным перекрестьем, как правило, изготавливаются из стали или бронзы и украшаются по обычаю чеканным с гравировкой своеобразным растительным орнаментом с характерными круглыми клеймами кхитайского геометрического орнамента. На крестовине часто изображается голова фантастического животного — дракона с открытой пастью. Ножны этих К. состоят из двух деревянных полированных половинок, иногда оклеенных кожей и скрепленных металлическим устьем.

Гирканские К. имеют прямые клинки, с ребрами жесткости в средней части, чем сильно напоминают клинки кхитайских К.

Рукояти и ножны гирканских К. покрываются разноцветным многослойным лаком, инкрустируются костяными, перламутровыми и другими вставками, а рукояти, сверх того, иногда оклеиваются кожей, поверх которой прикрепляются металлические детали прибора или иные фигурные накладки, имеющие чисто декоративное назначение.

Кроме того, рукояти нередко перевиваются цветной тесьмой темных тонов. Металлический прибор рукоятей и ножен также обычно украшается в характерном гирканском стиле.

У вендийских К. рукояти и клинки изготавливаются обычно из одного и того же материала — стали. У других видов К. рукояти вырезаются из кости, из различных сортов нефрита. По нефриту обычно режется крупный цветочный орнамент, дополнительно украшенный вставками и накладками из драгоценных металлов и камней.

Ножны у вендийских К. деревянные, оклеиваются кожей или тканью, устье с портупейным колечком и наконечник обычно металлические. Иногда ножны сплошь покрываются драгоценным металлом и украшаются искусной чеканкой.

Своеобразной формой отличаются К. афгульских племен, живущих на северо-западной границе Вендии. Клинки их К. имеют листовидную изогнутую форму.

Для Черных королевств К. не являлся характерным оружием, там гораздо чаще использовали копье. Тем не менее, К. известны и в этой части света. Наиболее типичная форма клинка для Дарфара — листовидная, для Куша — менее симметричная. Размеры таких кинжалов колеблются в значительных пределах.

Среди шемских племен известен другой тип К. с изогнутым клинком и вычурной рукояткой. Он служил знаком высокого положения, занимаемого его владельцем, и являлся оружием вождей.

К. на протяжении многих столетий играл роль вспомогательного боевого оружия, а также аксессуара военной или гражданской одежды. Из-за удобства ношения, несложности в обращении (для которого не требовалось обучения) К. долгое время оставался самым широко распространенным холодным оружием у хайборийцев.

Кончар, гирканское колющее оружие — меч конного воина с прямым длинным узким трех- или четырехгранным клинком. Служил для поражения противника сквозь кольчатые доспехи. К. носились на правой стороне, подвешенные к поясу или седлу.

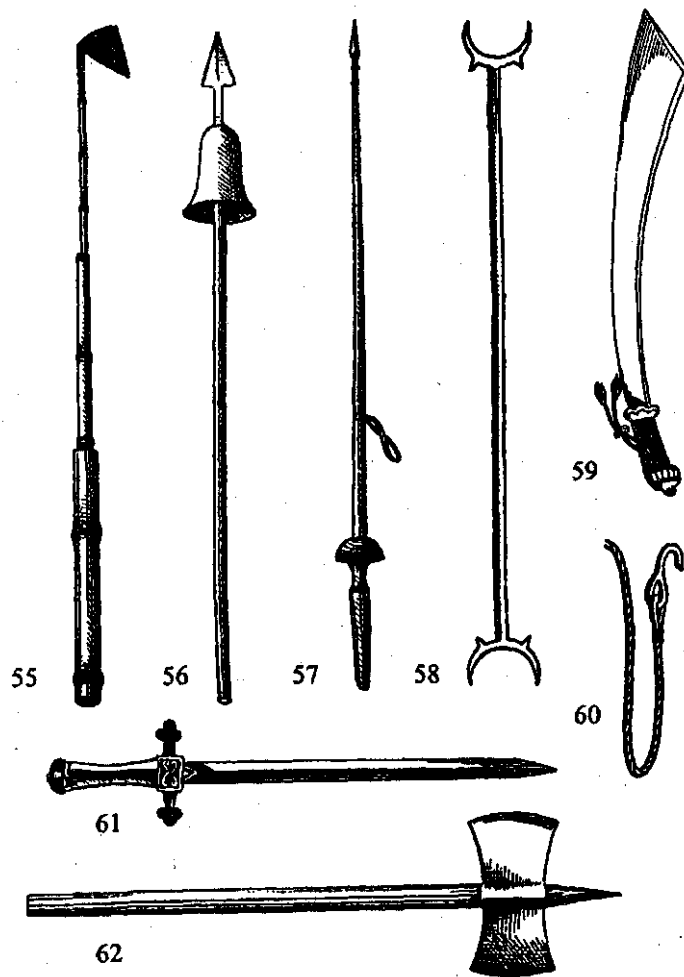
Копье, колющее или метательное длиннодревковое оружие. Первоначально представляло собой заостренную палку, позднее — древко с наконечником. История развития К. — это история трансформаций, скрещивания и мутаций всевозможных видов наконечников. Специфика использования оружия на длинном древке заключается в работе на боль-

шой дистанции, и потому взлет и упадок этих видов оружия тесно связан с развитием вспомогательных боевых элементов. Расцвет К. начинается, когда появление металла повлекло расширение и разнообразие форм наконечников. Прежде всего изменился способ крепления наконечника к древку; если раньше он привязывался с внешней стороны древка за хвостовик, то теперь наконечник либо одевался как перчатка и, кроме того, при наличии внешних кольцеобразных ушек, туго привязывался шнурком, пропущенным через ушки, расположенные в нижней части наконечников, либо сам расклинивал древко, вливаясь в него.

К. состоит из древка и железного наконечника, состоящего в свою очередь из пера, т. е. клинка, трубки, или тулеи, куда вставляется древко, шейки — самой тонкой части между тулей и пером и у более поздних копий — яблока — расширения на шейке. Для скрепления древка с наконечником в тулее обычно делалось два круглых отверстия, в которые вбивались гвозди. Более древние К. были чрезвычайно разнообразны по величине и форме: от плоских, листовидных, до узких, длинных, трех- и четырехгранных, наподобие жала. Длинные граненые К. получают распространение в связи с усилением кольчуги на груди и спине сплошными металлическими пластинками — зеркалами, требующими для поражения более сильного удара. Несомненно, разные типы К. долго сосуществовали. Можно выделить пять копейных разновидностей наконечников.

1) Простая вытянутая, жалообразная форма наконечника имела наибольшее распространение наряду с треугольной формой. Наконечник одевался на древко и служил его естественным и усиливающим продолжением. Наконечники жалообразной формы предназначались для нанесения глубоких проникающих ран, имели обычно четырехгранную форму и К. с такими наконечниками являлись обычным вооружением пехоты в составе регулярных боевых соединений. Помимо наконечника, К. имели «султан» — цветной развевающийся на ветру хвост обычно из конских волос, который крепился вблизи наконечника и служил не только украшением, но и для

55-58 — копья; 59 — кортелас; 60 — крюк отпорный;
61 — квилон; 62 — лабрис

впитывания и задержания крови, льющейся из раны противника на древко. Испачканное в крови древко скользило бы в руках, не позволяя нанести точный и сильный удар. Той же цели — предохранению руки от скольжения по древку — служил выступ, располагавшийся в районе центра тяжести К. и способствовавший более устойчивому удержанию К. во время боя.

2) Другой, очень распространенной формой наконечника, являлась листообразная форма. Такие наконечники имели две сильно выраженные плоские симметричные режущие поверхности, плавно расширяющиеся в начале и медленно сужающиеся к кончику наподобие вытянутого равнобедренного треугольника. Для усиления наконечника и придания ему большей прочности вдоль него к острию тянется дополнительное ребро жесткости. Раны, наносимые К. с треугольным наконечником, являются более широкими и вызывают обильное кровотечение. В то же время наконечник обладает меньшей прочностью и не предназначен для пробивания доспехов.

3) Логическим продолжением идеи расширения лезвия наконечника явились наконечники ромбовидной формы. Такие наконечники широко использовались при охоте на диких животных, а также при борьбе всадников с пешими воинами.

4) В противовес К. с расширенным ромбовидным наконечником и усиленным древком, рассчитанным на борьбу пехотинца со всадником, появляется также вариант К. с удлиненным наконечником.

Кинжалообразный прямой клинок был особенно удобен кавалеристам, наносившим глубокие проникающие раны и способным работать таким К. на дальней дистанции наподобие меча. Из оружия, используемого для прямолинейных колющих движений, К. постепенно трансформируется в многофункциональное приспособление для боя на дальней дистанции с использованием круговых, вращательных, спиральных и других движений, блоков и финтов. Т. к. всадник был способен таким кинжальным наконечником «проротать» про-

тивника насквозь, то, чтобы лезвие не вязло в теле, сразу за ним часто располагали ограничитель, отделявший лезвие от древка. Для придания наконечнику большей прочности по центру его проходило ребро жесткости, по направлению к которому клинок постепенно утолщался.

5) Интересной разновидностью кинжалообразного клинка являлся кривой клинок в форме сужающейся волны.

Применение волнообразного клинка имеет свои особенности. Прежде всего, кончик всегда направлен под некоторым углом к горизонтали, что позволяет ему под усилием огибать твердые поверхности и соскальзывать с них. Например, кинжальный клинок, попав в бляшку на одежде, не пойдет дальше. Волнообразный клинок соскользнет с такого препятствия и пройдет мимо него. Попытки сочетать достоинства зазубренных или волнообразных краев с широким клинком наконечника приводят к возникновению многочисленных вариантов К., имеющих два, три и более утолщений на широких, «листообразных» наконечниках. Однако, в отличие от волнообразных клинковых наконечников, такие зазубренные наконечники труднее проникают вглубь тела противника, а проникнув внутрь, часто застревают там. К. с такими наконечниками предпочитали использовать для метания, причем всадники часто привязывали к древку ремешок или веревку, позволяющую подтянуть К. назад в случае промаха и использовать копьё вторично. Вообще же опытный воин метал К. очень точно, чему предшествовали долгие тренировки с мишенями. Многие народы использовали для метания К. специальные метательные дощечки, которые, как бы, удлиняли руку воина, и за счет получаемого дополнительного плеча значительно выигрывали в силе броска.

Тренировкам копейщиков уделялось значительное время и внимание во всех странах Хайборийского мира, т. к. К. являлось основным оружием боя на средней дистанции. Всадники тренировались, нанося удары К. на полном скаку по специальным мишеням, в начале неподвижным, но, по мере усложнения тренировки, перемещаемым с переменной скоростью. На конец К. надевался кусок тряпки, окрашен-

ной красителем, так что место попадания в мишень было сразу видно. Потом переходили к поединкам между двумя воинами с использованием К. с тупыми наконечниками, окрашенными краской. Искусство воина владеть К. достигало исключительных высот в закрытых школах Кхитая. Для использования К. в бою воины имели все предпосылки, так как традиционно кхитайским оружием был идейно сходный с К. посох.

К. могло иметь утолщенный второй конец, что позволяло использовать его в качестве дубинки, а, кроме того, делало К., в целом, более сбалансированным; утолщение на другом конце К. уравнивало тяжелый и широкий клинок наконечника, что было особенно важно для всадников. Они имели возможность помещать К. поперек седла и работать обоими его концами.

Еще одной разновидностью наконечника, распространенной в Западной Хайбории, была форма наконечника в виде рога. Эта естественная природная форма полностью соответствовала требованиям прочности и надежности.

Кортелас, меч с тяжелым широким искривленным клинком. Был широко распространен в Коринфии и Офире.

Крошет, натяжное приспособление арбалетов. Представляет собой двойной крюк, носившийся на широком поясе на бедрах. Стрелок приседал, наступал ногой в стремя, цепляя крюком тетиву и, выпрямляясь, натягивал ее.

Крюк отпорный, древко с насаженным железным или латунным наконечником, с двумя загнутыми рогами и между ними прямым стержнем с шариком на конце. Служил для подтягивания судна или для отталкивания его, использовался в качестве абордажного оружия.

Кухилон, меруанский нож с широким изогнутым клинком, заточенным по вогнутой стороне, рукоять имеет эллипсообразное навершие.

Л

Лабрис, двусторонний офирский топор, считавшийся у офирцев символом бога Адониса.

Лоракс, секира с крюком на конце древка и волнистым клинком. Появилась в Гандерланде, позже получила распространение в Северной Немедии.

Лук, оружие для метания стрел. В древности он был основным метательным оружием дальнего действия, а в некоторых древневосточных обществах — основным видом оружия вообще. Л. был важнейшим техническим изобретением древности, позволявшим достигать прежде недоступную добычу, а при военных действиях обеспечивавшим поражение противника на далеком, безопасном для стрелка расстоянии. Если применение камня, дубины или копья можно объяснить случайностью (ведь эти предметы окружают нас), то Л. является искусственно воплощенным замыслом.

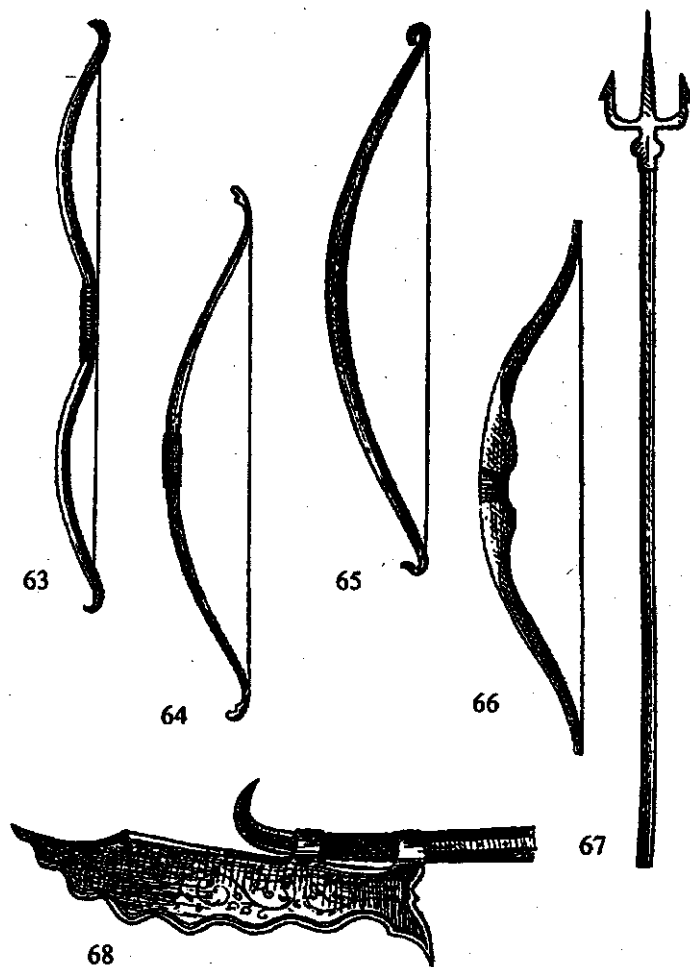
Простой Л. представлял собой деревянную палку, согнутую в дугу, концы которой стягивались тетивой. Первый шаг на пути совершенствования Л. был сделан, когда Л. стали делаться не из одного, а из двух кусков дерева, соединенных в середине под некоторым небольшим углом и усиленных в определенных местах накладками из различных материалов. Сила боя из такого Л. зависела от его величины и прочности центральной части. Вторым шагом явилось создание т. н. композитных Л., сделанных не из одного, а из нескольких сортов древесины. Эти Л. даже при меньших размерах обладали значительно лучшими боевыми качествами. Они сгибаются обычно в направлении, противоположном тому, в котором находятся в ненапрянутом состоянии. Композитный Л. делался из трех различных материалов. Сначала изготавливался тонкий, расширяющийся к концам основной хлыст, проходящий по всей длине Л. Обычно для него использова-

лись прочные, гибкие и легкие сорта древесины. Еще два слоя древесины образовывали спинку и внутреннюю сторону Л., а между ними прокладывалось несколько сортов древесины, расположенных ребром, т. е. с перпендикулярным расположением волокон, для обеспечения большей прочности. Все эти детали проклеивали клеем, обматывали веревками, лыком или другими материалами и покрывали лаками для предохранения от сырости. Тетиву изготавливали из растительного волокна или жил животных и хранили в специальных шкатулках, предохраняя от растяжения, высыхания и сырости.

Особенно широкое распространение Л. получил в Гиркании. Древнегирканские Л. по конструкции были простыми, а по форме — сегментовидными и двояковыгнутыми. На Востоке Л. был важнейшим оружием, широко применявшимся на войне в течение всей его истории. Не стоит думать, что простой Л. является всегда более слабым, чем Л. остальных типов: будучи крупных размеров, при применении соответствующих пород дерева, простой Л. был очень мощным оружием, примером чему могут служить боссонские Л. Наряду с простыми, в Гиркании применялись и сложные Л., склеенные из пластин дерева разных пород, рога и иногда усиленные сухожилиями. По форме эти Л. были сегментовидными, как и простые, тех же размеров и, как и они, не рефлексивными, т. е. в спущенном, без тетивы, состоянии они не были изогнуты в обратную натяжению сторону. Сила этих Л. была очень большой: стрела из него пробивала медную доску толщиной в палец. Эти сложные Л. проникли в Гирканию из Китая, где были распространены не только сложные, но и сложносоставные Л. Росший в большом изобилии в Китае бамбукоподобный тростник был прекрасным материалом для Л. и стрел.

Позднее появились гирканские Л., т. н. «второго поколения». Этот Л. был маленьким, что иногда связывают с удобством стрельбы с коня, хотя, с другой стороны, известны весьма крупные Л. — вендийские, китайские, которые с успехом использовали всадники.

63-66 — луки; 67 — многозубец; 68 — лоракс

В новом появлении «гирканского» Л. решающую роль сыграли традиции Востока. Л. того периода были больших размеров, сложносоставные, деревянно-роговые. К этому же типу относятся кхитайские Л. с крупным и особо загнутым верхним рогом, который снабжался накладкой из нефрита. Это уже вполне сформировавшиеся, сложносоставные, крупные, мощные Л., которые без особых изменений изготавливались и применялись в Кхитае на протяжении всей истории этой державы. Л. составлялись из разных слоев и кусков дерева различных пород, из бамбука, рога, пучков волокон. Для появления этих Л. необходимо было наличие комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства, в котором развитие скотоводства давало возможность широко использовать рог, кость, сухожилия, а керамическое производство позволяло варить клей и сухожилия, соблюдая сложные технологические условия.

Древнейшие степные Л. «гирканского» типа восходят к кхитайским, не уступая им по размерам. Уменьшение их размеров происходило постепенно, в связи с распространением на Запад. А затем максимально уменьшившийся «гирканский» Л. вновь попадает на Восток вместе со специфическим комплексом принадлежностей и снарядов для стрельбы — характерными наконечниками стрел и футляром, где хранились вместе лук и стрелы.

Классическая форма «гирканского» Л. включает следующие обязательные признаки: выгнутую в сторону стрелка рукоять, достаточно длинную; плечи, приблизительно вдвое превышающие рукоять по длине и резко отогнутые назад, почти прямые, поэтому изгиб перехода от рукояти к плечу не столько округл, сколько угловат.

Туранские Л. с выгнутой наружу рукоятью восходят к иранистанскому варианту треугольного Л., «скрещенного» с сегментовидным Л.

На территории Западной Хайбории сложный Л. был известен издревле. Материалом для изготовления Л. служили рог, вареные сухожилия крупных животных и дерево твердых пород — можжевельника, ясеня, дуба. Эти заготовки склеива-

ли клеем из рыбьей чешуи и помещали под пресс. Потом собранный вчерне Л. для лучшей сохранности оклеивали берестой, тонкой кожей или пергаментом, покрывали лаком.

Скорострельность Л. была очень высокой. В сражении лучник мог через тетиву забрасывать Л. за спину и вести рукопашный бой. Вертикальное положение Л. в бою (у арбалета для стрельбы обязательным являлось горизонтальное положение) позволяло на одном и том же участке построения разместить в два-три раза больше лучников, чем арбалетчиков. В этом заключались тактические преимущества лучников перед арбалетчиками.

М

Малкус, кривой короткий меч с сильным скосом обуха. Был распространен в Кофе и Коринфии.

Мандау, ритуальный нож косальцев, может быть парным. Рукоять обычно украшается козлиной шерстью или человеческими волосами.

Меч, рубящее и колющее оружие с длинным прямым обоюдоострым клинком.

Эфес М. состоит из рукояти, гарды (обычно типа крестовины) и головки. У некоторых М. гарда может иметь форму круга, а головка представлять собой набалдашник. В качестве дополнительных элементов защиты руки отдельные М. имеют дужки и лангет (небольшой щиток для защиты большого пальца). Рукоять обычно делается из дерева и оплетается проволокой (либо выполняется целиком из металла). Головка представляет собой металлический шарик.

Крестовины М. двоякого рода: прямые и с опущенными концами. М. с крестовинами второго типа наиболее пригодны для рубки с коня. В процессе развития, в зависимости и от

оборонительного вооружения, и от приемов боя, форма М. изменялась.

После падения Валузийской империи, при становлении хайборийских держав, до выделения конницы в главную ударную силу на поле брани, длинный М. стал массовым оружием во всем регионе. Ведущим типом М. в этот период стал т. н. «эпимитрий», названный так в честь основателя правящей аквилонской династии. Такие М., широко распространенные во всей Хайбории, были длиной 80–90 см, шириной 5–6 см и имели прямой клинок, который мог быть как обоюдоострым, так и иметь одностороннюю заточку и скошенное в одну сторону острие.

М. северных народов, который еще называют атлантским, очень хорошо подходил рослым и физически сильным асирам, ванирам и киммерийцам. Он был достаточно толстым в поперечнике, имел очень массивный противовес (у некоторых М. размером почти с кулак) и небольшую гарду (или вообще не имел ее). Некоторые М. имели на навершии крюк или небольшой крюкообразный клинок, которым можно было атаковать противника, уведя в сторону его М. основным клинком.

Ранние хайборийские М. имеют ровный широкий клинок, закругленный к концу, и являются только рубящим оружием. Позднейшие М. с заостренными концами и слегка сужающимися книзу клинками имеют значение не только рубящего оружия, но и колющего. Рукоять М. удлиняется настолько, что позволяет действовать двумя руками. В этот период М. имеют заточенные у острия клинки, способные проникать сквозь сочленения доспехов.

Ножны у М. деревянные и покрываются кожей или материей и привязываются к поясной портупее на перевязи, каждый конец которой, разрезанный на ремни, образует плетеное кожаное кольцо. Ремни эти обычно покрыты бархатом, шелком и шиты золотом, а иногда украшены финифтью.

Во времена правления аквилонского короля Хагена, после внедрения латного доспеха, клинок М. стал длиннее, что увеличивало силу его удара и дистанцию. Так появился полу-

тораручный М., сначала в Аквилонии, потом — в Немедии, затем — в остальных странах Западной Хайбории.

Классический длинный М. окончательно оформился в годы правления Вилера, сына Хагена. Он был средней длины, шириной чуть меньше ладони, гардой служила простая перекладина, дужки которой могли незначительно загигаться вверх. Рукоять заканчивалась навершием-противовесом, которое очень часто использовалось как тайник для хранения магической реликвии-оберега. Поэтому воины навершие в бою не использовали.

Многозубец, длиннодревковое оружие, боевая часть которого состоит из нескольких зубьев (клинков) — острий. М. с зубьями, расположенными в различных плоскостях, называется пространственными, в одной — плоскими.

Н

Нож, однолезвийное короткоклинковое оружие. Появился на ранней ступени развития человечества и имел многоцелевое назначение. И хотя отделить орудие труда от орудия войны того времени очень трудно, можно с уверенностью сказать, что ни в ту эпоху, ни в последующие периоды истории Н. не являлся основным предметом вооружения, используемым в сражениях массового характера. В то же время он продолжал оставаться средством нападения и активной обороны в тех случаях, когда остальные виды оружия, даже значительно более мощного, оказывались недостаточно эффективными: при единоборстве, схватках в тесных помещениях, внезапных и бесшумных нападениях и т. д. Выполняя те же функции, что и кинжал, Н. мог являться также принадлежностью воинского снаряжения.

Наиболее ранние Н. изготавливались из камня, кости. Затем на смену этим материалам пришел металл.

В силу географических, климатических условий и национальных традиций у каждого народа с течением времени выработался свой тип Н., отличающийся от Н. других народов.

Различие между такими Н. заключается не только в их форме, соотношении элементов конструкции и размерах, но также и в материале, из которого изготавливаются одноименные детали, в способах и характере украшения, ношения и пр. Если, например, у ванирских Н. рукоятки обычно деревянные, то у асирских они, так же, как и ножны, бывают костяными; киммерийские Н. обычно украшаются изображением северных ландшафтов. Национальные Н. в пределах одного и того же типа не являются совершенно одинаковыми. Они отличаются и по времени, и по месту изготовления. Например, среди туранских национальных Н. можно различить Н. старого и позднего изготовления, прямые, что наиболее типично, и изогнутые. Некоторые различия в конструкции наблюдаются также и у Н., изготовленных в одно время, но в разных географических пунктах, расположенных на территории Западной Хайбории. Особенности места изготовления могут проявляться не только в формах клинков, но также и в некоторых других деталях. Среди одних и тех же немедийских Н. торские Н., например, отличаются тем, что их рукоятка расширяется в верхней части и несколько изогнута в сторону лезвия. Кроме того, на нее наносятся украшения в виде правильно чередующихся колец и глазков. У дарвейских же Н. чередование аналогичных колец и глазков менее правильное.

Национальные Н., являясь одним из предметов материальной культуры народа, существовали и развивались, естественно, с развитием других предметов материальной культуры того же народа, в частности, одежды. А поскольку и Н., и одежда постоянно находились у человека «при себе», то Н. нередко причисляют к принадлежности национального костюма. Наличие подобных Н. правильнее было бы связывать не с одеждой людей, а с условиями их существования в целом. Этим можно объяснить и то, что внешние особенности национальных Н. в некоторых случаях получали распростра-

нение у людей другой национальности, проживающих в сходных климатических условиях, на практически достижимом расстоянии и ведущих примерно такой же образ жизни. В некоторых случаях по определенным историческим причинам один и тот же тип Н. распространялся среди многих народов.

Разделение труда требовало и специализации его орудий. Поэтому, наряду с рассмотренной группой Н., возникла другая группа — Н., используемые только для определенных целей, прежде всего хозяйственно-бытового назначения. Например, промысел морского зверя у народов, населявших прибрежную территорию, потребовал специального инструмента для разделки добытых туш. Этим требованиям отвечали массивные Н., которые стали применять зингарцы и аргосцы. Специфические Н. появились в домашнем хозяйстве.

Н. — это однолезвийное клинковое оружие преимущественно режущего действия. Наибольшим режущим эффектом обладают выгнутые лезвия, дающие даже при небольшой длине клинка и небольшом усилии длинную рану.

На Востоке, особенно в Туране, клинки Н. изготавливаются из обыкновенной стали, вдоль обуха иногда делают доли, а конец несколько загнут вверх. Рукоятки прямые, овальные, немного утолщенные кверху и набираются из чередующихся кусков кости, темного рога и пластин латуни. Ножны обычно деревянные, в средней части оклеены кожей, прибор составной серебряный, гравированный с чернью и позолотой по туранскому обычаю — с листьями на ветках и крупными цветами.

Заморийские Н. имеют обух и значительный угол встречи лезвия с обухом. Н. помещается в ножны целиком вместе с рукоятью. Ножны кожаные или деревянные, обтянутые кожей. На металлическом наконечнике рукоятки при помощи кольца укреплен кусок кожи, служащий для извлечения Н. из ножен.

Клинки гирканских Н. с прямым утолщенным обухом постепенно сужаются к острию. Рукоять круглая или несколько

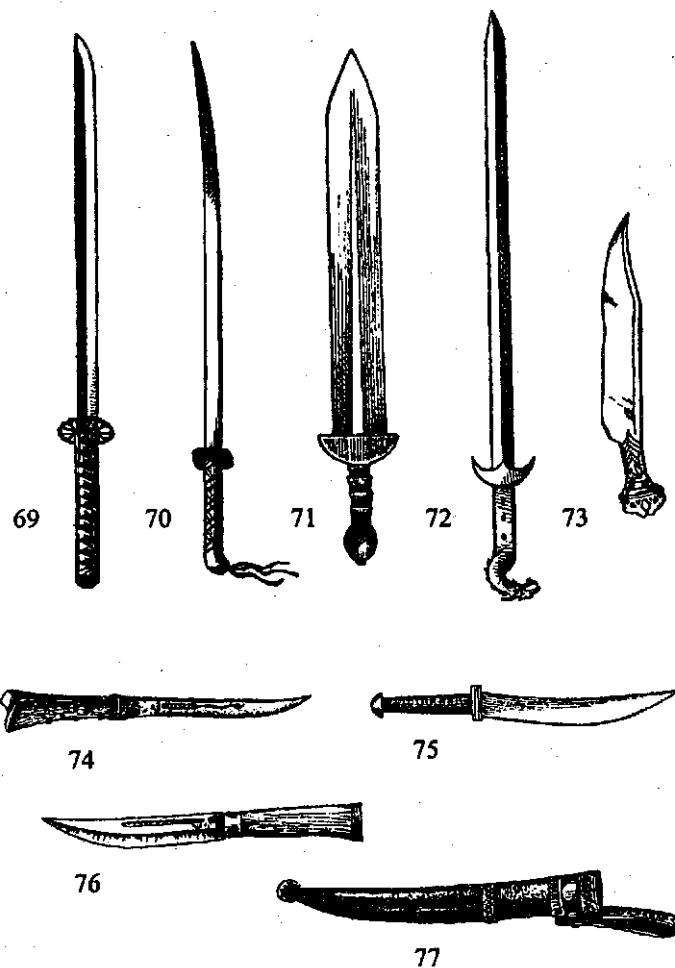
овальная, немного утолщенная кверху. Она делается цельной или составляется из двух половинок. Ножны деревянные, удлиненные, так что в них входит и часть рукояти, с металлическим прибором (устье с колечком и наконечник) или без него. Они оклеиваются кожей и иногда сплошь оковываются драгоценным металлом (золото, серебро). При этом Н. отдельных племен имеют некоторые различия в конструкции и особенно в орнаментировке.

Офирские Н. имеют костяные рукояти, чаще всего состоящие из двух половинок и оканчивающиеся набалдашником из латуни или серебра. Ножны деревянные, оклеены кожей, обязательно с металлическим прибором или даже в металлическом чехле. Рукоять Н. прячется в них на значительную глубину. Украшается прибор рукояти и ножен чеканкой обычного офирского орнамента: стилизованные симметричные цветы. Для украшения применяется бирюза и другие камни.

Коринфийские Н. имеют длинные клинки с прямым обухом и особенно напоминают гирканские клинки. Рукояти у них очень толстые, изготавливаются из дерева, кости, рога. Ножны деревянные, оклеиваются тисненой кожей и снабжены металлическим прибором. Иногда они целиком оковываются металлом, сплошь украшаются асимметричным чеканным или тисненым растительно-цветочным орнаментом, на устье и наконечнике делаются гнезда, в которые вставляются бирюза и другие самоцветы.

Клинки кофийских Н. иногда имеют доли и скос обуха. Ширина клинка всегда превышает диаметр рукояти, так что верхняя часть клинка лежит на линии продолжения обуха. Рукояти бывают наборные, и цельно-роговые или деревянные. Нижнее кольцо рукояти с обеих сторон плавно скошено к плоскости клинка, который у рукояти имеет небольшое утолщение. Н. вкладывается в ножны вместе с рукоятью, от которой снаружи остается лишь небольшая отогнутая в сторону лезвия головка.

Кроме того, имеют распространение парные поясные Н. шемского типа. Их особенность заключается в следующем:

69-72 — мечи; 73-76 — ножи; 77 — ножны

на широком ремне прикрепляются двое деревянных, оклеенных кожей ножен разных размеров, куда вставляются Н. Рукояти этих Н. у пятки клинка нередко оковываются серебром с чернью и бирюзой. Ножны гладкие без прибора, зато портупейный ремень, если он кожаный, внизу разделяется на множество узких полосок или изготавливается из пестрой материи, разрезанной на такие же узкие цветные ленточки. Иногда и ножны изготавливаются из такой же пестрой ткани.

В Туране имеют распространение так называемые ятаганные Н. Конструкция их принципиально ничем не отличается от конструкции ятаганов, только Н. значительно короче и обух у них обычно прямой. Украшаются клинки, рукояти и ножны в туранском стиле.

Афгульские Н. отличаются массивным, достаточно длинным, почти с прямым обухом, несколько расширяющимся к пятке клинком. В целом они характеризуются типичной восточной формой. Ножны деревянные, оклеены кожей, с металлическим прибором, состоящим из устья с портупейным кольцом и наконечника. В украшении этих Н. много иранских и гирканских элементов.

Кхитайские Н. по форме клинков, рукоятей и ножен очень разнообразны. Клинки у них бывают с прямым и изогнутым обухом, с долами и без долов, узкие и широкие, расширяющиеся и сужающиеся к острию. Рукояти прямые и изогнутые, овальные, круглые, прямоугольные, гладкие, резные или оклеенные шлифовальной кожей — белой или крашеной, со стальным или латунным прибором. Они изготавливаются из дерева, кости, рога, нефрита. Ножны деревянные, оклеиваются кожей, имеют железный или латунный прибор. Иногда ножны изготавливаются из ткани.

В украшении Н. используются обычные кхитайские элементы: военные и боевые сцены, растительный или цветочный орнамент с характерными изломанными ветками, фантастические животные. На металле клинков и прибора рукоятей и ножен этот орнамент гравировается, на ткани ножен вышивается цветными нитками. В орнамент иногда включается изображение кхитайских иероглифов.

Ножны, футляр для вкладывания клинкового оружия. Как правило, они изготавливаются из дерева, металла, кожи, но могут быть сделаны и из других материалов. Металлический прибор Н. состоит обычно из устья, обоймиц и наконечника, который может иметь гребень.

Чаще всего прибор Н. изготавливается из того же материала, что и эфес оружия. Украшения эфеса и прибора Н. соответствуют друг другу.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Кристина Стайл, Патриция Селайнен</i> СПЯЩЕЕ ЗЛО	5
---	---

<i>Крис Уэйнрайт</i> САПФИРОВЫЙ ПЕРСТЕНЬ	
Глава первая	111
Глава вторая	119
Глава третья	143
Глава четвертая	165
Глава пятая	173
Глава шестая	193
Глава седьмая	199
Глава восьмая	223
Глава девятая	231
Глава десятая	247
Глава одиннадцатая	265
Глава двенадцатая	279
Глава тринадцатая	293
Глава четырнадцатая	303
Глава пятнадцатая	321
Глава шестнадцатая	347
Глава семнадцатая	377

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ХАЙБОРИИ: МИР ОРУЖИЯ .	381
---	-----

Литературно-художественное издание

**ПАТРИЦИЯ СЕЛАЙНЕН
КРИСТИНА СТАЙЛ
КРИС УЭЙНРАЙТ**

КОНАН И СПЯЩЕЕ ЗЛО

*Руководитель проекта: Дмитрий Ивахнов.
Составитель: Наталья Баулина.
Художник: Владислав Асадуллин.
Художественный редактор: Игорь Богданов.
Серийное оформление: Дмитрий Вяземский.
Верстка: Владимир Сергеев.
Технический редактор: Валентин Успенский.
Корректор: Светлана Митина.*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 10.12.99.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Палатино».
Печать высокая с ФПФ. Бумага типографская.
Усл. печ. л. 22,68. Тираж 11 000 экз. Заказ 309.

Издательство «Северо-Запад Пресс». Лицензия ИД № 00450
от 15.11.1999. Санкт-Петербург, ул. Казначейская д. 4/16,
лит. А.

Для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 125.

sz-press@peterlink.ru

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32
от 27.08.97. 220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35-305.

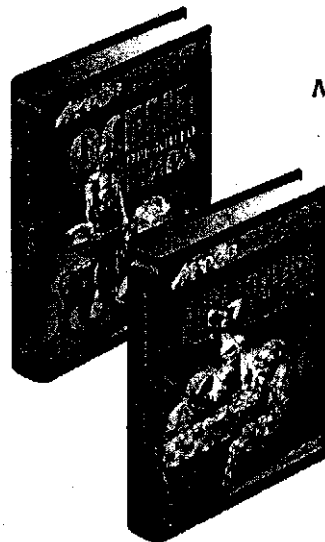
Ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат
ППП им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ
«ПЕРЕКРЁСТОК МИРОВ»

МНОЖЕСТВО ДОРОГ ВЕДЕТ К
ПЕРЕКРЕСТКУ МИРОВ

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ,
МИСТИКА И ФАНТАЗИЯ,
РОЖДЕННЫЕ
ВООБРАЖЕНИЕМ
ТАКИХ
АВТОРОВ КАК

**А. ДАШКОВ,
М. и С. ДЯЧЕНКО,
А. ЗОРИЧ,
А. СКИРЮК**

УВЛЕКУТ ВАС В
НЕВЕДОМЫЕ ДАЛИ...

И КОГДА ВЫ ОГЛЯНЕТЕСЬ НА СВОЙ ПРИВЫЧНЫЙ МИР-

ВЫ НЕ УЗНАЕТЕ ЕГО!

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

**Марина и Сергей
Дяченко**

СКИТАЛЬЦЫ

Впервые знаменитая эпопея фэнтези
публикуется в полностью!

Наконец вы сможете прочитать
долгожданный роман

"Авантюристы"

завершающий блистательную
трилогию:

"Привратник"

"Шрам"

"Преемник"

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

АЛЕКСАНДР ЗОРИЧ

ПОСЛЕДНИЙ АВАТАР

Если вы расстались со всеми иллюзиями -
самое время ознакомиться
новыми!

Роман культового автора
Александра Зорича "Последний аватар"
каждый из вас почувствует
удовольствие от виртуальной реальности,
реальности столь же подлинной,
сколь и опасной.

Русские умеют писать романы
о будущем России. И
они делают это лучше
американцев!

"Последний аватар" - роман 2000 года!

Читайте - поспорим!

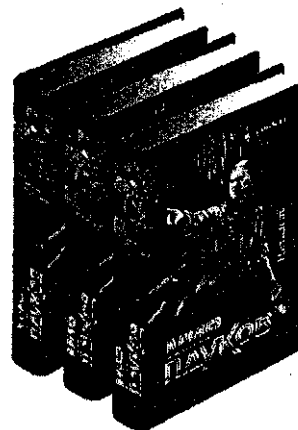

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИАЛ «МИР ПАУКОВ»

ИЗДАНЫ КНИГИ:
«ЦИТАДЕЛЬ», «ИЗБРАННИК»,
«ПОСЛАНИК»

СЕРИАЛ «МИР ПАУКОВ» ПОГРУЖАЕТ ЧИТАТЕЛЯ
В УДИВИТЕЛЬНЫЙ И ЗАГАДОЧНЫЙ МИР,
СОЗДАННЫЙ ФАНТАЗИЕЙ КОЛИНА УИЛСОНА
И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ

ГОТОВИТСЯ К ВЫХОДУ
КНИГА X

«ПАЛОМНИК»
НЕ ПРОПУСТИТЕ НОВИНКИ!

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

**ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ
«АСТ»**

По вопросам покупки книг
обращаться по адресу:

г. Москва, Звездный бульвар, 21, 7-й этаж.

Тел.(095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:
107140, г. Москва, а/я 140

САГА О КОНАНЕ

КОНАН
И КОПЬЕ
КРОМА 29

КОНАН
И ВРАТА
ВЕЧНОСТИ 30

КОНАН
И АЛМАЗНЫЙ
ЛАБИРИНТ 31

КОНАН
И РАСКОЛОТЫЙ
ИДОЛ 32

КОНАН
И ЧАША
БЕССМЕРТИЯ 33

КОНАН
И ЛЕДЯНОЙ
СТРАЖ 34

КОНАН
И ТОРГОВЦЫ
ПРЕЗАМИ 35

КОНАН
И АЛТАРЬ
ПОБЕДЫ 36

КОНАН
И БИТВА
БЕССМЕРТНЫХ 37

КОНАН
И ПОЖИРАТЕЛИ
ПЛОТИ 38

КОНАН
И БЕРЕГ
ПРОКЛЯТЫХ 39

КОНАН
И ОКОВЫ
БЕЗМОЛВИЯ 40

КОНАН
И ВЛАДЫЧИЦА
НЕБЕС 41

КОНАН
И ДРЕВО
МИРОВ 42

КОНАН
И КОЛЬЦО
ВЛАСТИ 43

КОНАН
И ЗОВ
ДРЕВНИХ 44

КОНАН
И ПРОРОК
ТЬМЫ 45

КОНАН
И ГНЕВ
СЕТА 46

КОНАН
И ХРАМ
НОЧИ 47

КОНАН
И КОРОЛЬ
ВОРОВ 48

КОНАН
И ПОДЗЕМНЫЙ
ОГОНЬ 49

КОНАН
И МЯТЕЖ
ЧЕТЫРЕХ 50

КОНАН
И КЛЕЙМО
ЗМЕЯ 51

КОНАН
И ХОЗЯИН
ОКЕАНА 52

КОНАН
И КОРОНА
МИРА 53

КОНАН
И ПОСЛАННИК
СВЕТА 54

КОНАН
И СТЫЩЕЕ
ЗЛО 55

ISBN 5-93698-001-4

9 785936 980015